

БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА

ОЛЕГ ЯКУБОВ

16+

Якубов Олег Александрович

Убить Бин Ладена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22214853

Аннотация

Остросюжетный детективный роман известного журналиста-международника, писателя Олега Якубова повествует о деятельности разведчика, внедренного в ближайшее окружение самого известного в мире террориста Усамы Бин Ладена. Олег Якубов – член Союза русскоязычных писателей Европы, автор более двадцати книг и многих киносценариев. Удостоен престижных журналистских и литературных премий.

БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА

ОЛЕГ ЯКУБОВ

Библиотека детективного романа

—

ОЛЕГ ЯКУБОВ

УБИТЬ БИН ЛАДЕНА

ЧАСТЬ 1

ПРАВО НА ОДИНОЧЕСТВО

Глава первая

Тюрьма Гуантанамо, остров Куба

Еще перед посадкой в самолет ему на голову надели мешок без всяких прорезей. Дышать было трудно, но через какое-то время он приспособился. Летели долго, больше десяти часов – это точно. Ему не нужно было даже на часы смотреть, во времени и пространстве он уже давно научился ориентироваться практически безошибочно. Удивительно было другое: за все время полета на борту военно-транспортного самолета никто не произнес ни слова, хотя по ощущениям в самолете людей было немало. Наконец, «Боинг» всей своей

массой тяжело плюхнулся на бетонку посадочной полосы и через несколько минут в открытый люк полыхнул нестерпимый зной.

Потом была петляющая тряская дорога в закрытом автофургоне, чьи-то жесткие руки поволокли его по крутой лестнице вниз, щелкнули замки наручников и кандалов, лягнули засовы закрываемой двери и он, содрав с головы насквозь промокший от пота опостылевший мешок, увидел, что находится среди четырех бетонных стен, с которых, кое-где стекая, с гулким противным звуком, распространяя зловоние, капала вода. Растирая затекшие руки и ноги, заключенный прошелся по камере – одинаковое количество шагов, что вдоль, что поперек.

«Место, для прогулок явно не приспособленное», подумал он с иронией и в этот самый момент зазвучала музыка. Да нет, даже не музыка, а душераздирающие звуки, сливающиеся в явно каким-то иезуитом продуманную какофонию. Почти до изнеможения обессиленный невыносимо долгой дорогой, он было присел у стены, обхватив голову руками, как тут же в невидимом динамике прозвучал металлический окрик: «Встать!»

«Интересно, если не встану, вломятся охранники и поднятаться заставят палками, либо коваными ботинками», подумалось ему, но испытывать судьбу таким образом просто не оставалось сил и он предпочел за благо выполнить команду.

Припомнился старый, еще в детстве виденный фильм,

где герой-разведчик, оказавшийся в подобной «музыкальной шкатулке», чтобы меньше испытывать муки жары, или, по крайней мере, мыслями отвлечься, читал стихи про снег, зиму и морозы. И хотя поэзию, особенно русскую он любил, стихов знал множество, но здесь, в бетонном мешке, где приникало в самый мозг это идиотское переплетение звуков, ни про зиму, ни про морозы трескучие ничего в голову не лезло. Так что просто стал вспоминать, как несколько лет назад оказался на высокогорных отрогах Памира, Было это в самом начале сентября, а может, даже и в конце августа. Но снег тогда выпал ранний и мороз ударил нешуточный. У него же теплой одежды при себе не было никакой и мерз он как цуцик, а спирт в поллитровой фляге закончился, как он его не растягивал, уже на третий день. И еще два дня он согревал себя пробежками, да гимнастикой, а потом, когда, наконец, закончился этот снежный шквал и его забрали вертолетчики, две недели валялся в крохотной и не очень чистой сельской больничке с двусторонним воспалением легких, покуда не сбежал оттуда к чабанам и те лечили его курдючным бараньим жиром, в который добавляли отдающий мятой и еще какими-то травами отвар, и это снадобье возвращало ему силы с каждым глотком.

Тогда, на Памире, он все же умудрился отморозить пальцы ног и уши и до сих носить тесную обувь и надевать через голову жесткий свитер ему было больно.

Воспоминания о той памирской эпопее и впрямь помогли

ему отвлечься. Но он тут же обругал себя за nepозволительную в данных обстоятельствах слабость, а главное – за то, что потерял счет времени, а это в его ситуации было недопустимо. Временной фактор сейчас был важен, впрочем, как и всегда, по крайней мере, за последние полтора десятка лет, когда от четкого контроля за временем нередко зависел исход дела, а порой и сама жизнь. Часы у него отняли еще при аресте – прекрасные часы, с множеством так необходимых ему функций, и теперь нужно было сосредоточиться и не только восстанавливать, но и сопоставлять события со временем, причем сопоставлять так, чтобы расхождения по возможности оказались минимальными.

С арестом он, кажется, подставился вполне убедительно, а уж когда его оглушили чем-то по затылку, тут и вовсе играть не пришлось: сознание потерял на самом деле, правда ненадолго. Но показывать, что сразу пришел в себя, не следовало, важнее было правильно оценить обстановку. Осторожно, практически незаметно, приоткрыв веки, увидел, что сигарета, которую курил сержант, когда еще только приближался к нему, передергивая затвор автомата, все еще тлеет. Да к тому же второй солдат, наклонившись над ним, замыкал на его запястьях и ногах стальные браслеты. Если учесть, что в среднем американская сигарета выкуривается за семь-восемь минут, значит, времени на его пленение ушло совсем немного, ну, максимум, минут пять-шесть. А сейчас, так же тщательно, предстояло просчитать, сколько времени занял короткий

допрос, дорога на аэродром, полет в самолете и добавить время, уже проведенное здесь. По его расчетам выходило, что прошло около шестнадцати часов и, значит, уже наступили новые сутки, 11 января 2012 года. Он тут же усмехнулся этому на самом деле удивительному совпадению: если он добился своей цели и его доставили в Гуантанамо, то именно сегодня тюрьма, о которой ссуды и пересуды не смолкают уже несколько лет и легенды по всему миру распространяются одна фантастичнее другой, то именно эта тюрьма, принявшая первых заключенных 11 сентября 2002 года, «отмечает» сегодня свой десятилетний юбилей. Теперь следовало немедленно восстановить в памяти все, что он знал об этом месте. Услужливая, великолепно натренированная память, не подвела его и на этот раз.

В свое время он прочитал о Гуантанамо все, что удалось раздобыть в открытой печати и закрытых сообщениях, не раз разговаривал с теми, кто уже бывал здесь, выуживая у очевидцев самые мельчайшие, на первый взгляд, незначительные детали, и теперь, стоя в тесном бетонном мешке и на самом деле не обращая внимания на душераздирающие звуки, он сумел от всего абстрагироваться и без особого напряжения вспоминал все, что удалось узнать.

Десять лет назад создание этой тюрьмы сочли очень ловким ходом администрации президента США Джорджа Буша-младшего. Лагерь образовали на территории военно-морской базы США «Гуантанамо-бэй» на Кубе. База без-

оговорочно считается американской, так как ее территория когда-то была отдана американцам бессрочно, однако находится вне США и потому не подпадает под юрисдикцию американской конституции. Как достаточно цинично и откровенно, в чисто американской манере, выразился кто-то из генералов в близком окружении Буша, «идеальное место содержания боевиков незаконных вооруженных формирований, не защищенных принятыми правилами войны». Если перевести это высказывание на общепринятые понятия, то здесь у американцев были развязаны руки для применения «самых разнообразных» методов дознания. Собственно, ничего нового американцы не придумали. Да и к чему, если многовековая история издевательства человека над человеком уже давно все расставила на свои чудовищные места, вписав в анналы пытки настолько чудовищные и жестокие, что вряд ли можно выдумать еще хоть что-либо изощреннее, поскольку самые изощренные пытки изобрели еще несколько столетий назад. Одними из наиболее распространенных в Гуантанамо методов были пытки музыкой, лишение сна и имитация утопления. На заключенного надевался целлофановый пакет, который туго затягивался на шее. Сверху на него обрушивали потоки воды, так что человек практически испытывал все то, что испытывает тонущий. Поговаривали, что свыше четырнадцати секунд эту пытку еще не удавалось выдержать никому. Но два года назад нынешний президент Америки, подписав соответствующую

щее распоряжение, запретил эту пытку.

За первые несколько лет через Гуантанамо прошли 750 боевиков террористических организаций исламского толка. Около трехсот из них за это время либо полностью освободили, либо перевели в другие тюрьмы. Некоторых экстрадировали в те страны, гражданами которых они являлись. К тому же Верховный суд США принял решение, в соответствии с которым заключенные Гуантанамо получили право обращаться в обычные гражданские суды Америки. После этого решения суды завалили жалобами и в подавляющем числе случаев суд принимал решение о незаконности содержания того или иного террориста в Гуантанамо. Одним словом, началась обычная чехарда, за которой, как всегда стояли две основные политические силы США, а также интересы спецслужб и финансистов военно-промышленного комплекса.

Так продолжалось до тех пор, пока не обнародовали список, из которого стало ясно, что большинство освобожденных вернулись к террористической деятельности, а бывший узник Гуантанамо Саид Заир аль-Шахри является одним из лидеров Аль-Кайды, а его бывший сокамерник мулла Ахмад возглавляет боевиков движения Талибан в Афганистане. Все это привело в итоге к тому, что год назад американский президент подписал закон, запрещающий перемещение узников Гуантанамо в другие страны. Исключение составляли лишь единичные случаи, когда задержанный мог доказать свою истинную непричастность к террористическим организациям.

И если до этого уже всерьез стали поговаривать о необходимости полного закрытия тюрьмы, то новый закон президента исключал всякие мысли об этом. К тому же здесь, в Гуантанамо, содержался сейчас под усиленной охраной один из лидеров Аль-Кайды, ближайший сподвижник Усамы Бин Ладена – шейх Йохийя ибн Халид. Американцы считают его одним из главных организаторов терактов 11 сентября 2001 года и суд над ним, как уже сообщили, будет проходить непосредственно на территории тюрьмы Гуантанамо...

X x

X

...Музыка прекратилась так же внезапно, как и возникла. Странно, но от этой внезапной тишины даже в ушах заломило. А может, такой эффект был запланирован. Снова загремели засовы, дверь тяжело приоткрылась и в камеру протиснулся солдат. Поведя дулом автомата, он красноречиво указал: на выход. На этот раз не было ни мешка, закрывающего лицо, ни наручников. По крутой каменной лестнице, он поднялся наверх и уже через несколько минут оказался в другой камере. Одна стена была решетчатой, три других каменные. Вдоль одной из стен топчан с плоским матрасиком, в углу – параша. Сопровождающий солдат достал из нагрудного кармана сложенный листок, развернул его и бесцветным голосом пробубнил инструкцию: подъем, завтрак, прогулка,

обед, прогулка, ужин, прогулка перед сном, отбой. В камере запрещается иметь предметы личного пользования. Кроме зубной щетки, пасты и мыла. Прочитав, четко развернулся через плечо и вышел. Через несколько минут за ним снова пришли и отвели в душ. Когда он смыл с себя, как ему казалось, пуд грязи, то на лавке в предбаннике обнаружил просторную полотняную рубаху и штаны. Комплект был оранжевого цвета. Теперь уже сомнений не оставалось – он в знаменитой тюрьме Гуантанамо: только здесь, как всем было известно, заключенных одевали в форму оранжевого цвета.

Не успел он переодеться, его отвели в комнату, напоставившую медицинский кабинет, опутали проводами и датчиками и, предупредив, что ответы должны быть только однозначными – «да» и «нет», стали задавать вопросы. «Как все одинаково, и не меняется ни в зависимости от стран, ни в зависимости от времени», усмехнулся пленник про себя. В том давнем фильме советского разведчика тоже проверяли на детекторе лжи.

Ночью он спал, как убитый, без сновидений, не испытывая ни малейших неудобств от жесткой подстилки, отсутствия подушки. Просто провалился в глубокий сон, который утром принес ему свежесть и бодрость, готовность к действиям и предельную собранность. А главное вернул способность все видеть, все подмечать, мгновенно сопоставлять самые разрозненные детали и так же мгновенно увязывать их в единую логическую цепь, анализируя стремительно и безошибочно.

Завтрак он проглотил, даже не заметив, что именно принесли. Да это было и неважно. Любая еда, какой бы плохой она ни была, сейчас несла в себе единственную, важно необходимую функцию – поддержание физических сил. Все иное – не важно.

Едва ступил на территорию прогулочного двора, затянутого прочной и густой металлической сеткой, как прямо перед его ногами, подняв небольшое облачко пыли, стукнулся мяч. И тут же к нему приблизился запыхавшийся человек. Нет, не запыхавшийся, просто он не очень даже и искусно притворился, что задыхается от быстрого бега.

– Простите, простите, уважаемый, мне мою неловкость, – затараторил человек, прижимая в полупоклоне руки к груди. А глаза его при этом смотрели настороженно и испытующе. – Мне так неловко, что я помешал прогулке столь уважаемого человека. Еще раз прошу меня извинить.

– Ну что вы, не стоит так извиняться, ведь ничего не произошло, мяч даже не задел меня, лишь упал у моих ног. А вы, я вижу, здесь уже вполне освоились, вот даже в футбол играете, – и, понизив голос почти до шепота, добавил, – уважаемый Салех, или, быть может, здесь к вам следует обращаться как-то иначе?

Он узнал этого человека сразу, когда тот еще только приближался. И хотя Салех относился к той категории людей, которых принято называть «человек без особых примет» и внешностью обладал самой неброской и неприметной, его

все же отличала одна достаточно характерная примета – весьма заметная диастема – очень редкие передние зубы, которые особенно заметны были, когда он улыбался. Впрочем, и без этой приметы он узнал бы Салеха даже в толпе, и хотя последний раз они виделись довольно давно, та их совместная и весьма для него опасная поездка в Германию сохранилась в памяти навсегда.

– О, уважаемый брат, значит, вы меня узнали, а ведь мы не виделись столько лет, – снова затараторил Салех. – Это большая честь для столь ничтожного человека, как я. Если вам не трудно, называйте меня Азамат, просто Азамат, – и он смущенно захихикал, словно давая понять, что звучное имя Азамат, означавшее для арабов людей особой отваги и доблести – рыцарей, героев, богатырей, никак не пристало носить такому человеку, как он, но что уж тут поделаешь, коли так сложилось, и тут же, сам понижая голос, поинтересовался. – А как прикажете к вам обращаться?

– Для вас я Рахман, а если кому будет уж очень важно знать мое полное имя, то ведь вам и оно, конечно, известно – Рахман аль-Халид Бин Валид, не правда ли?

– О, разумеется, досточтимый Рахман аль-Халид Бин Валид, – Салех повторял имя нараспев, словно давая понять своему собеседнику, что запомнил, как на камне высек. – Я отлично помню ваше имя и ни с каким другим его спутать не могу.

– Ну вот и прекрасно, дорогой Азамат. А теперь скажи-

те мне, местными правилами наша совместная прогулка не возбраняется? Она ни у кого не вызовет нареканий, или того хуже – подозрений?

– Нет, уверяю вас. Те времена, когда здесь следили и подслушивали всех и каждого, давно прошли. Теперь приходится больше опасаться своих, чем местных гяуров. Вы человек новый и обязательно привлечете к себе внимание. Я потому и поспешил подойти к вам первым, чтобы отсечь всех любопытствующих. Вы, я помню, человек, умеющий видеть даже затылком, вам не составит труда заметить, сколько любопытных глаз смотрят на нас, даже все свои занятия разом прекратили. Мне будет нелегко уверять всех, что я едва знаком с вами.

– А этого и не требуется, вы охотно поведаете, что еще отцы наши были знакомы, а я всегда относился к вам с заботой и вниманием, как к младшему брату. Думаю, этих деталей на первое время вполне хватит, чтобы удовлетворить любопытство. А дальше – видно будет. Ну, а чтобы нам легче было сохранять нашу маленькую тайну, я тотчас забуду, что когда-то называл вас Салех, а вы постарайтесь вычеркнуть из памяти мое прежнее имя.

– Вас всегда отличали мудрость и рассудительность, дорогой брат, эти качества не изменяют вам и здесь. Но если позволите, и я предложу сейчас подойти к некоторым людям и представить их вам. Этого требуют наши обычаи, которые и здесь мы пытаемся соблюдать.

И пользуясь молчаливым согласием вновь обретенного друга, Азамат подвел его к группе мужчин, уже давно наблюдавших за их оживленной беседой. Знакомство носило несколько чопорный характер, что, скорее всего, было вызвано настороженностью. Но Рахман не счел нужным форсировать события и после обмена достаточно холодными приветствиями друга снова отошли в сторонку.

Как выяснилось, Салех-Азамат находился в Гуантанамо уже около двух лет. Считался он здесь, как счел необходимым подчеркнуть, сошкой мелкой и невидной, серьезные бо-евики, посетовал Азамат, общались с ним нехотя, недоумевая, почему этот тщедушный человечешко пользуется расположением самого шейха Йохийя ибн Халида. Впрочем, Азамат, не щадя своего самолюбия, важности не напускал, а напротив, охотно всем рассказывал, что оказывает уважаемому шейху чисто бытовые услуги, выполняя немудреные поручения. Он же поведал Рахману, что ибн Халид подвергался здесь ужасным пыткам и даже водой его пытали чуть ли не двести раз. О шейхе в Гуантанамо ходили легенды, впрочем, теперь уже ни от кого не было секретом, что шейх, которого обвиняли в организации самых крупных терактов против американцев, во всем сознался и теперь со дня на день его ожидает суд.

– Зачем же тебе понадобилась эта маска мальчика на побегушках при шейхе? – отбросив всякие церемонии, напрямую спросил его Рахман.

Все оказалось и просто и в то же время достаточно сложно. Когда Азамат очутился в Гуантанамо, здесь уже не осталось ни одного боевика, который бы знал о былых подвигах и связях Салеха. А вместе с новым именем тому досталась и новая биография – человека, случайно оказавшегося в заточении и с полным основанием рассчитывающего на скорое освобождение. А шейх Йохийя, сознавшийся в собственных преступлениях, о давнем знакомстве с Салехом по-малкивал. Так что надежда выбраться и впрямь была вполне реальной. Такой она во всяком случае представлялась Азамату, о чем он тут же и сказал, не вдаваясь, впрочем, в подробности, что отметил про себя Рахман, понимая, что ему изложили лишь подготовленную для всех легенду.

– И если вы, дорогой брат, поведаете мне свою новую биографию, то мы, возможно, и для вас найдем способ выбраться отсюда в самом скором времени, – предположил Азамат, когда прогулка уже заканчивалась. – Правда, для начала мне бы хотелось услышать вашу историю о том, куда вы так внезапно исчезли тогда из Германии. Вашу подлинную историю, – добавил он, и в глазах его больше не было лукавства, а заискивающую улыбку сменили упрямо сжатые губы человека, твердо решившего получить ответы на все свои вопросы.

Той давней истории минуло уже больше десяти лет, но теперь Рахману необходимо было восстановить в памяти все до мельчайших подробностей.

– Вы слишком нетерпеливы, уважаемый, – бросил он

зло. – Сами лжете мне на каждом шагу, полагая, что я могу поверить в ваши сказки, а от меня требуете какой-то правды. У нас еще будет время поговорить, – оборвал он разговор и, не дав собеседнику возможности осмыслить все сказанное, повернулся и зашагал прочь.

Х х

х

В конце девяностых террорист Медин Каплун взорвал армянскую христианскую церковь в Стамбуле. Каким-то чудом ему удалось улизнуть из Турции, потом его след якобы мелькнул на Украине, вновь затерялся, чтобы объявиться теперь уже на легальном, что казалось невероятным, положении в Германии. В адрес властей Федеративной Республики посыпались запросы всевозможных антитеррористических центров и организаций, но немецкие официальные лица отвечали достаточно индифферентно: на территории нашей страны данный господин никаких правонарушений не совершал, так что оснований для его ареста не усматривается.

Между тем, освоившись и поняв, что никакая опасность ему более не грозит, террорист развил кипучую деятельность. Первым делом он составил новую карту Германии, на которой поделил всю страну на семь халифатов, в каждом назначил халифа, а себя провозгласил верховным халифом всея Германии. Затем он провел несколько социологи-

ческих опросов, в которых выяснял, как мусульмане, проживающие в этой стране, отнесутся к всеобщей ее мусульманизации и согласны ли они с тем, что немцев обращению в ислам следует подвергать насильственными методами и способами. Одним словом, новоиспеченный халиф чувствовал себя в самом сердце Европы весьма комфортно. Ему не надо было прятаться и даже скрывать свои мысли, ибо его действиях власти Германии так и не усмотрели ничего противозаконного. На одной из пресс-конференций главный прокурор Германии, упрекая журналистов в узкомыслии, даже воскликнул с достаточно заметным раздражением:

«Демократия не может быть избирательной и у нас нет оснований наказывать отдельно взятого человека только за то, что он мыслит иначе, чем мы. Вот если он совершит на территории нашей страны какое-либо преступление, тогда дело иное...»

Операция готовилась долго и тщательно, были проработаны множественные варианты и в итоге остановились на единственном – использовать чрезмерно властолюбивые амбиции Медина Каплуна, ситуацию внутреннего конфликта создать искусственно, а проще говоря – спровоцировать. Тем более, что предпосылки к этому если еще явственно не просматривались, то уже намечались.

Встреча куратора с Китайцем состоялась в Австрии. Куратору не нравился новый оперативный псевдоним агента, он считал его излишне претенциозным, но, полагая этот выбор

своего подопечного чуть ли ни единственным недостатком агента, мирился с ним. Он ценил в этом человеке его непоказную храбрость, умение приспособиться к любой ситуации, незаурядные аналитические качества, а главное – непоколебимую веру в правильности и необходимости избранного пути.

...Они выбрали угловой столик на двоих в знаменитой венской кондитерской «Аида». Рядом красовалась вывеска модного магазина, до сих пор носившего имя Евы Браун и это навеяло куратору мрачные мысли.

– Двадцать первый век начинается, а имя жены Гитлера до сих пор красуется на магазине, – ворчливо заметил куратор и поинтересовался у Китайца, кивнув в сторону мрачно серого здания напротив. – Ты знаешь, что находилось в этом доме в годы Второй мировой войны? Гестапо! Все эти люди, которые сейчас вокруг нас с таким наслаждением едят венские пирожные и пьют этот изумительный кофе, и думать не хотят о том, что третья мировая война уже, по сути, началась. И если мы будем оставлять на свободе таких террористов, как Медин Каплун, скоро исламские боевики и впрямь войдут в это же здание как хозяева и поднимут над ним, как когда-то Гитлер флаг со свастикой, свое зеленое знамя ислама. Ладно, к делу. Тебе надо попасть в окружении этого Каплуна. Даже не обязательно вступать с ним в непосредственный контакт. Достаточно, если ты будешь рядом. Тем более операция носит разовый характер. Но инициатива поездки

в Германию ни в коем случае не должна исходить от тебя. Такая самодеятельность может вызвать подозрение, тем более привыкли, что ты предпочитаешь больше слушать других, чем высказываться сам. Так что на этом этапе вылезать с собственной инициативой было бы грубой ошибкой. А на ошибки мы с тобой, как известно, права не имеем. Значит, тебя должны к нему направить. Ты же у них славишься, как идеолог и аналитик, вот и придумай повод, чтобы оказаться в Германии, скажем, для оказания какой-то помощи...

Придумывать особую причину в общем-то и не понадобилось. Лидеры исламских террористических организаций действиями Медина Каплуна к тому времени были недовольны. Он вызывал их раздражение своей излишней независимостью и неуместным, как они считали, популизмом. Главари боевиков полагали, что один удачно проведенный теракт куда важнее сотни даже самых зажигательных слов.

Китаец высказал осторожное соображение, что работа Медина Каплуна тоже чрезвычайно важна, но надо на месте посмотреть, как и чем дышит новый лидер, самочинно провозгласивший себя верховным халифом и не испросивший на то благословения. Вполне возможно, что начинающий халиф нуждается в помощи, мудром совете, да и элементарной корректировке своих действий, ибо поле политической борьбы таит для начинающего лидера слишком много неприятных сюрпризов и опасностей. И тут в дело неожиданно вмешался Салех. Он заявил, что поездка в Германию, причем

срочная, по его мнению, необходима, но она, вполне вероятно, окажется не такой простой, как видится издалека, и опасность может исходить, как от местных спецслужб, так и от самочинного халифа. Он достаточно категорично высказался по поводу того, что ехать надо только вдвоем. С его мнением большинство из тех, кого беспокоила деятельность Медина в Германии, согласились безоговорочно и Китаец понял, что ситуация была обсуждена заранее. Избавиться от назойливого сопровождающего, не вызвав при этом подозрения, не было ни малейшей возможности и они отправились вместе.

Берлин принял двух «бизнесменов из Марокко» достаточно приветливо, чего нельзя было сказать о том господине, ради кого они приехали. Дни шли за днями, а Медин Каплун от встречи с эмиссарами под различными предлогами уклонялся. И тогда Китаец предпринял отчаянную и довольно рискованную попытку. Он встретился с так называемым халифом одной из немецких земель. Им оказался уже вполне почтенный старец, приходивший в бешеное исступление от одного только упоминания имени Медина Каплуна. Собственно, именно на этом, собрав необходимую информацию, и строил свой план Китаец. Долго обрабатывать старца не пришлось. Уже через неделю он объявил своего более молодого соперника самозванцем, а себя, ссылаясь на какой-то неведомый никому мусульманский центр в Саудовской Аравии, провозгласил верховным халифом.

Дальнейшие события развивались как в хорошо отре-

жиссированном фильме. По мусульманским законам Медин Каплун не только не смел прощать самозванца, но и обязан был устранить его собственноручно, не имея права никому перепоручать акцию возмездия. Поступи он иначе, то тем самым расписался бы в безоговорочном собственном поражении и признании прав нового халифа. Между «халифами»-самозванцами была назначена встреча, в исходе которой Китаец не сомневался. Медин Каплун не просто был моложе, за его спиной опыт множества осуществленных им лично терактов и не нужно быть провидцем, чтобы понять – он не станет увещевать старца отречься от своих неоправданных амбиций, а просто найдет достаточно надежный способ избавиться от конкурента.

Казалось, Китаец продумал все детали. Но в день назначенной встречи он обнаружил за собой слежку. Некогда было выяснять, следили ли за ним люди Каплуна, или его «вел» кто-то из окружения старца. Не исключалось, впрочем, что на «хвост» слишком прыткому «бизнесмену из Марокко» на всякий случай, так сказать, превентивно, пристроились местные спецслужбы. Не исключал он и вероятности того, что слежку организовал подозрительный Салех, проявлявший явное недовольство, что Китаец не считал нужным согласовывать с ним свои действия. Анализировать ситуацию времени не оставалось. Нужно было действовать – решительно, даже на грани фола, но действовать. Уйти от слежки оказалось вовсе не сложным делом. Работали все же люди с низ-

кой профессиональной квалификацией. И хотя он прекрасно понимал, что вызывает тем самым подозрение своих соглядатаев, кем бы они не были, принятое решение казалось хотя и чрезвычайно рискованным, но единственно возможным. Китаец позвонил в полицейский участок лишь после того, как пересек границу Германии. Прибор для изменения голоса он бросил в гостинице, поэтому воспользовался старым, но одновременно простым и исключительно надежным способом, который во все времена с успехом использовали шантажисты всех времен и народов – прикрыл телефонную трубку листком шуршащей бумаги.

Позже стало известно, в том числе и из многочисленных газетных публикаций, что Медин Каплун мудрствовать не стал, а по-простому, как барана, прирезал старика, едва тот переступил порог дома, где они встречались. Полиция своего шанса не упустила, террорист был арестован.

В те дни он почти не думал о прилипчивом попутчике и соглядатае Салехе. Забот и без него хватало. Нужно было объяснить причины своего внезапного отъезда и он сослался на слезку со стороны немецких спецслужб. Благо арест Каплуна никого особо не огорчил, да и время выдалось горячее – возникла необходимость срочно отправляться в Афганистан, основные события развивались там. Салеха он, собственно, с тех пор ни разу не встречал. Он даже не дал себе труда, за что теперь корил себя, узнать, как сложилась дальнейшая судьба попутчика. Одним словом, поступил крайне

неосмотрительно и легкомысленно, а такие ошибки, как правило, впоследствии непременно дают о себе знать и возвращаются бумерангом. И вот теперь тот уже не просит, а требует разъяснений. Как же он мог так непростительно выпустить его из виду, за все прошедшие годы ни разу не поинтересоваться, куда тот исчез. Ведь даже в те годы было ясно, что Салех не простой боевик, а человек, обличенный доверием и занимающий в структуре террористических организаций определенное место.

Да и сейчас, разве открылся он ему полностью? Все это показушное почтение, напускное самоуничужение – не более, чем маска. Вон как он подошел к тем людям, с которыми знакомил Рахмана. Даже походка изменилась, стала твердой и решительной. И во взгляде никакого подобострастия. Да он просто разыгрывал перед Рахманом спектакль. И завершился первый акт игры тем, что Салех-Азамат потребовал отчета от «уважаемого брата» Рахмана. Да и как можно поверить в небылицу, что сидящие в Гуантанамо боевики лишь мирятся с его присутствием из уважения к шейху Йохийя у. Да сам шейх ибн Халид и на пушечный выстрел не подпустил бы к себе абы кого. И присутствие Салеха-Азамата в тюрьме продлится ровно столько, сколько это понадобится лидерам Аль-Кайды, стало быть, по крайней мере, до суда над шейхом.

Надо все продумать самым тщательным образом, Любое неверное слово, даже жест могут стать непоправимым. А

сколько у него времени? Может быть, Азамат уже на вечерней прогулке вернется к давешнему разговору. А можно ли вообще не ходить на прогулку? Нет, это, пожалуй, не вариант, и сразу вызовет подозрение. Значит, времени на долгие размышления нет. Он даже исчезнуть отсюда не может. Связной появится только через неделю. Да если бы и смог, то тем самым сорвал задание и расшифровал бы себя уже полностью. Нет, надо срочно создать убедительную легенду, и она должна быть настолько правдоподобной и вместе с тем неожиданной, чтобы Азамат поверил в нее сразу.

И все же... Что нынешнему Рахану известно о нынешнем же Азамате? Если вдуматься, не так уж мало. Для администрации тюрьмы – он заблудшая овечка, попавшая в Гуантанамо, скорее всего, либо по ошибке, либо, в крайнем случае, за какую-то мелкую провинность, типа распространения листовок или проповедь в мечети. Для обитателей же лагеря он фигура куда более значимая и его контакты с шейхом Йохийя ибн Халидом говорят сами за себя. И этой своей особой ролью он не упиваться не может. Чувство собственной значимости возвышает его в собственных же глазах. Не зря он столь жестко потребовал от Рахмана объяснений. Но оправдываться перед таким человеком – значит заранее потерпеть поражение. Если даже он поверит в придуманную историю, то все равно сделает вид, что Рахман остается у него под подозрением и тогда предпримет попытки для шантажа, постарается сделать так, чтобы новичок попал в пол-

ную от него зависимость. Нет, этот вариант никуда не годится. Нужно придумать что-то принципиально иное. Следует припомнить, каким Салех показался ему тогда, во время давней поездки в Германию. Что главное в его характере. Пожалуй, коварство. Но коварные люди, как известно, по большей части трусливы, ибо взаимного коварства ждут всегда – сие суть их мировоззрения, превратившегося в характер. Стало быть, нужно сыграть на этой струнке. Как любили говаривать на родине его детства: боится, значит уважает. Запугать? Но чем? Взаимным подозрением! Кому Азамат поверит здесь, в Гуантанаме, сразу и безоговорочно? Конечно же, шейху Йохийя. Ввести его в игру, ввести так, чтобы шейх и сам толком не понял, чего от него хотят. Особенно теперь, когда ему некогда разбираться в чужих подозрениях – у самого, что называется, земля под ногами горит.

О той истории с Медином Каплуном Шейх не знать не может, но если и помнит о ней, то что-то туманное, поскольку в те времена был слишком далек от того, что происходило в Германии. Пожалуй, это вариант. Теперь стоило продумать линию поведения, вернее даже – и стратегию, и тактику общения с Азаматом.

Вечером старинные «друзья» встретились вновь. Азамат катал меж ног все тот же неизменный мяч и Рахман мысленно оценил эту нехитрую уловку беспечности. Срабатывает внешне безупречно: никакими тяжкими мыслями человек не отягощен, знай себе, мячик катает. Однако первая же

произнесенная им фраза никак не соответствовала внешней беспечности. Куда девался утренний почтительный, согнувшийся в поклоне Салех. Ни тебе «уважаемый господин», ни «дорогой брат».

– Я жду объяснений. Немедленно, – произнес Азамат ледяным тоном, едва они поравнялись.

Лениво пожевывая заранее припасенную соломинку тростника, Рахман поднял на собеседника глаза и равнодушно переспросил: «А, вы все о том же? – и, добавив в голос металла, осведомился, – а с чего вы, собственно, взяли, что именно я должен давать вам какие-то объяснения? Я – вам, а не вы – мне. Один русский полководец как-то сказал, что лучший способ обороны – это нападение. Вы, сдастся мне, неплохо знаете это высказывание.

– О чем вы? – Похоже, сбитый с толку, пробормотал Азамат.

– Ах, о чем? – иронично осведомился Рахман. – Ну что ж, отвечу. У нас с вами нет времени на долгие объяснения. События здесь могут измениться в любой момент. Так что я перейду сразу к делу. Направляя меня сюда, один чрезвычайно влиятельный в наших кругах Хаким (с арабского буквально – мудрец – авт.), имени которого вам знать не полагается, предупредил, что здесь я встречу предателя, который обманом вошел в доверие к шейху Йохийя. Он даже обрисовал мне человека, внешне напоминающего вас. Может быть, не совсем точно, но очень похожего. Я получил совершенно

определенное задание устранить этого человека. Устранить даже в том случае, если у меня в отношении к нему появятся просто сомнения. Не уверенность в предательстве, а достаточно даже сомнения, – повторил он и, не сводя сверлящего взгляда, спросил. – Вы понимаете, что я вам сейчас сказал. – Достаточно простого сомнения! И вы еще толкуете о каких-то объяснениях с моей стороны. Ловко, ловко, ничего не скажешь. Признаться, я бы принял вашу выходку за смелое отчаяние, но уж больно вы неискренни в своих требованиях.

– В чем, в чем увидели вы мою неискренность, уважаемый э... Рахман? – засбоил Азамат, от волнения и явного страха с трудом вспоминая новое имя своего старинного знакомца.

– Вы слишком явно и назойливо желали скорейшей встречи со мной, нарушив тем самым мои, и не только мои, а весьма уважаемых людей очень важные планы. Но такой вариант мы тоже предусмотрели заранее. Мне теперь понадобится немало усилий, чтобы выправить ситуацию, но это уж не ваша забота. Итак, я жду от вас ответа, Кто, когда и как дал вам связь с уважаемым шейхом Йохийя? Какие поручения вы выполняете и какие сведения передаете шейху?

Рахман намеренно говорил отрывистыми фразами, в которых за напущенным туманом не было никакой конкретики. Но перепуганному не на шутку Азамату было не до психологического анализа. Главное, что он пытался сейчас понять, так это то, насколько реальная угроза для него лично

исходит от нежданного пришельца, какими он обладает полномочиями и действительно ли готов не останавливаться даже перед самыми решительными мерами.

– А теперь слушай меня особенно внимательно и запоминай каждое слово. В ближайшее время я должен был увидеться с досточтимым шейхом Йохийя. Твое появление спутало мои планы. Отчего и почему – тебе знать не следует. Могу сказать одно – я сумею выяснить, кто ты таков на самом деле и каково твое истинное лицо. – Не перебивай меня, – умышленно переходя на «ты», грубо одернул он Азамата, заметив, что тот пытается возразить. – Я все-таки давно тебя знаю и надеюсь, что предатель, которого мне обрисовали, все же не ты. Но надеяться вовсе не значит быть уверенным. И если ты хочешь остаться невредимым, то должен мне назвать, а главное охарактеризовать каждого, кто кроме тебя имеет доступ к общению с шейхом.

– Теперь второе, – продолжил Рахман. – Сегодня утром ты посмел обратиться ко мне с дурацким требованием объяснить тебе, что произошло много лет назад в Германии. В отличии от тебя, я не стану сейчас уточнять, а какова тогда была твоя роль во всем происходящем, мне не до этого. Но вот

что ты должен сделать теперь. Спроси, и как можно быстрее, что известно шейху об аресте Медина Каплуна в Германии. Уверен, что это развеет твои собственные сомнения, а заодно поможет и мне в осуществлении моего нового плана.

Иди, и не вздумай задавать новых вопросов. – Рахман подкатил к себе мяч, сильно ударил по нему и неспешным шагом удалился.

Х Х

Х

Сон по-прежнему одолевал его, но теперь он уже не мог позволить себе такой роскоши. Сначала нужно было тщательно проанализировать всю минувшую встречу, не упуская не только ни единого слова, но и мимики, жеста. Главную задачу он, судя по реакциям Азамата, выполнил – сумел его не только запугать, но и запутать. Надо полагать, в его мозгах сейчас такой сумбур и разброд, что вряд ли в ближайшее время он сумеет найти хоть какое-то толковое объяснение происходящему. К тому же страх за собственную шкуру сквозил так отчаянно и очевидно, что в рассуждениях окажется лишь плохую службу, не позволяя взять верх холодному рассудку.

А вот экспромт с предложенным разговором Азамата с Шейхом может повернуться по-разному, тут прогнозировать что-либо с высокой степенью достоверности не просто трудно, а практически невозможно.

На утренней прогулке Азамата не было, не появился он и на следующий день. Оставалось только гадать, куда он мог запропасться. Задавать же вопросы было бы верхом

неосмотрительности и легкомыслия. Новые знакомые относились к Рахману если и не с подозрительностью, то уж во всяком случае с явной настороженностью и ограничивались при разговорах лишь самыми общими фразами.

Долгожданный приятель появился лишь на третий день. Кисть его левой руки была забинтована уже несвежей повязкой. Он пояснил хмуро, что во время дежурства по кухне неловко перевернул кумган и обварил себе руку крутым кипятком. Видно рука у Азамата и впрямь болела – он то и дело непроизвольно морщился от боли. Но вот случайная это травма, или придуманная для отсрочки времени, приходилось только гадать. Впрочем, такая отсрочка была теперь на руку и самому Рахману – его стали вызывать на допросы.

В комнате, куда его ввели, приятно охлаждал воздух кондиционер.

– Сержант Сойер, – буркнул подтянутый, молодецватого вида военный и извлек из кармана ручку.

– Простите, сэр. Том Сойер? – позволил себе шутку Рахман.

Но сержант шутки то ли не понял, то ли не принял: «Нет, меня зовут иначе». Уточнять, однако, своего имени нужным не счел, видимо решив, что хватит с этого пленного и фамилии.

Сержант Сойер, допрашивающий Рахмана, всем своим видом давал понять, что все ему давно уже осточертело – и эта служба вдали от родного дома в Пенсильвании, и изнуря-

ющая кубинская жара, и сами террористы, с которыми неизвестно что теперь и делать. Впрочем, такое внешнее равнодушие, граничащее с раздражением, могло быть не более чем маской, так что расслабляться не следовало. Рахман уныло бубнил заученную легенду, изображая раскаяние и в то же время позволяя себе эмоциональные вспышки, восклицая, что попросту не успел совершить еще ничего такого, за что его следовало заточить в такое страшное место, как Гуантанамо. Да, действительно приехал в Пакистан в поисках заработка. Встретился с людьми, которых ему порекомендовали на родине. Но откуда же ему было знать, что эти люди террористы. Он с ними говорил только о возможности устроиться на работу, чтобы обеспечить себе хоть мало-мальски пристойное существование. Сержант ничем не проявлял своего отношения к услышанному, лишь время от времени что-то записывал в большой прямоугольный блокнот, лежащий перед ним на шатком столе.

Обычно конвоир, сопровождавший Рахмана на допросы, вместе с ним входил в комнату, рапортовал сержанту о том, что заключенный доставлен и лишь после этого удалялся. Но на восьмой день пребывания Рахмана в Гуантанаме конвоир остановился перед дверью, коротко постучал и подтолкнул заключено в спину. В кабинете за привычным уже столом сидел платиново-седой мужчина в военной форме без знаков различия. В углу помещения Рахман заметил небольшой столик с кофейником, чашками, сахарницей и вазоч-

кой печени. Военный не считал нужным представляться, да и имя пленника его, похоже, тоже интересовало меньше всего, настолько он был увлечен какими-то манипуляциями с собственными часами, браслет которых охватывал его правое запястье. Часы были точно такими же, какие изъяли у Рахмана при аресте. Наконец Седой (так он мысленно назвал его для себя) отвлекся от своего занятия и после долгого изучающего взгляда произнес:

– Судя по вашей биографии, вы когда-то работали телевизионным мастером. Может, вы и в часах что-то смыслите. Вот приобрел хороший хронометр, а толком разобраться никак не могу, даже число на календаре выставить не удается. – и, словно не сомневаясь в ответе, снял часы с руки, протягивая их Рахману.

– Давайте попробую, – пожал тот плечами. – Глядишь что-то и получится.

Он взял часы, точными движениями, не задумываясь, выставил на календаре цифру «31» и вернул их владельцу. Седой внимательно глянул на циферблат, широко улыбнулся и, словно ему это доставляло несказанную радость, заметил: «А число-то вы выставили неверное, дружище».

– Да я просто не знаю ни сегодняшнего числа, ни какой теперь день недели, – ответил Рахман, тоже широко улыбаясь в ответ. Он и впрямь был рад появлению этого человека.

– Ну вот и отлично, вот и прекрасно, – Седой поднялся из-за стола, протянул Рахману руку и тут же жестом пригласил

его к кофейному столику.

– Будем считать, что с формальностями покончено и теперь можно поговорить, – заметил он, наполняя кофейные чашки ароматным напитком.

Да, с формальностями действительно было покончено. Они обменялись сложным паролем: сама марка часов, наде-тых к тому же на правую руку, неправильно выставленное число «31» – если бы встреча состоялась 31 числа, его бы следовало заменить на 15-е. Да к тому же Седой весьма ловко упомянул о профессии телевизионного мастера, назвав та-кую деталь биографии Рахмана, о которой знали лишь счита-нные лица. И это, в свою очередь, свидетельствовало как ничто иное о высокой степени доверия к этому человеку в той структуре, которую он представлял.

– Времени у нас уже почти не осталось, – озабоченно за-метил связной. – Ваше пребывание здесь не должно выхо-дить за рамки обычного допроса. Тем более мы постарались сделать так, чтобы всем любопытным уже стало известно: для местной администрации вы не представляете ни малей-шего интереса. Это, в свое время, максимально облегчит вам задачу исчезновения из этого «райского уголка» таким об-разом, чтобы ни у кого не вызвать подозрений.

– Что удалось сделать вам?

Рахман предельно сжато поведал о своей встрече с Сале-хом-Азаматом, о назревшем с ним конфликте и попросил как можно подробнее разузнать все возможное об этом че-

ловеке. Особенно за последние годы.

– В принципе мы и так знаем о нем достаточно, пришлось поинтересоваться, как только стали очевидны его контакты с шейхом Йохийя, – заметил Седой. – Контакты эти представляются нам непростыми, тем более, что они не очень умело маскируются. Видно, не считают нужным. Местная администрация делает все возможное, чтобы ослабить внимание и подозрительность, особенно тех, кто на самом деле представляет для нас интерес. При следующей встрече я расскажу вам про Азамата подробнее, а сейчас главное – последние годы он, как исполнитель, непосредственного участия в акциях не принимал, но есть все основания полагать, что является организатором довольно громких терактов. Особой выдумкой этот господин не отличается, а вот коварства и жестокости ему не занимать. Так что будьте с ним предельно осторожны. – Седой глянул на часы, неизвестно чему усмехнулся, но произнес весьма серьезно и даже озабоченно:

– Я не смогу появиться здесь в ближайшее время, думаю, недельки через две, не раньше. Но для непредвиденного случая оставлю вам одну здешнюю связь. Понятно, что обращаться к этому человеку следует только в крайнем случае, но именно на такой случай мы и подготовили для вас страховку.

– Этот человек из администрации, или из заключенных? – уточнил Рахман. – И еще, он уже что-то знает обо мне?

– Не надо думать о нас так плохо, – пожурил связной. –

Этот человек из администрации. О вас он не знает ровным счетом ничего. Вам нетрудно будет его узнать по таким же часам, как у меня. На часовом календаре постоянно будет выставлено неправильное число. Вам останется лишь обратиться к нему с предложением исправить число на календаре. При этом число будете выставлять не фактическое, а уже обусловленное с вами ранее – 31-е, либо 15-е. Еще раз напоминаю: взяв часы в руки, не забудьте убедиться, что число должно быть выставлено неправильно, это существенная деталь пароля. А теперь вам пора. Конвойный должен быть уже здесь...

Х Х

Х

На следующий день к ногам Рахмана снова подкатился мяч и по приближающимся шагам, не поднимая головы, он понял – Азамат. Повязки на руке у него уже не было, но пятно от ожога оставалось заметным и кое-где даже пузырилось.

– Болит? – с деланным участием спросил Рахман.

– Почти не болит, брат, – заулыбался тот, видимо, польщенный вниманием. – Отойдем в сторону, мне нужно сказать вам кое-что очень важное.

И хотя они отошли на расстояние, где их никто не мог услышать, Азамат, все же понижая голос, заговорил поспеш-

но:

– шейх Йохийя помнит ту историю с Медином Каплуном. Он считает, что в Германии вы действовали так, как требовали обстоятельства. Я прошу у вас прощения за свои позорения. Только теперь я понял, какими нелепыми они были. Но не это главное. шейха не на шутку встревожила ваша информация о том, что рядом с ним может находиться предатель. Он просит вас пожаловать к нему как можно быстрее. И хотя он ограничен в общении, мы уже придумали, как сделать, чтобы ваша встреча с ним прошла незаметно. Ему уже объявили, что суд над ним состоится в мае. Но его адвокаты считают, что этот судебный процесс может продлиться даже не один год. Поэтому очень важно, чтобы рядом с шейхом находились только надежные люди.

– Себя, значит, ты из числа предателей исключаешь сам, – усмехнулся Рахман. – Только не говори мне, что я давно тебя знаю и могу быть в тебе уверен. Меняются времена, меняются и люди. Но об этом после. Расскажи, как мне встретиться с шейхом, чтобы на самом деле не привлекать к этому излишнего внимания.

– Через два дня я опять должен дежурить по кухне. В этот день я расковыряю рану на руке и меня не подпустят к раздаче еды, обязательно отправят к врачу. Старший по кухне вызовет на дежурство вас – я уже с ним договорился, он делает все, что угодно шейху. Завтрак досточтимому вы понесете вместе со старшим по кухне, а вот обед отнесете ему

сами. Если вы задержитесь на пятнадцать-двадцать минут, то скажете потом охранникам, что ждали, пока шейх вернет вам пустую посуду. Это не вызовет подозрений, многие так делают, чтобы не ходить по этой жаре дважды. Шейх очень надеется, что узнает вас. Если же нет, то никакого разговора не состоится, – и в глазах Азамата снова блеснул недобрый огонек. Видно, надежда уличить в чем-то Рахмана его все же не покидала.

Через два дня, сразу после подъема, Рахмана вызвали на кухню. Старший дежурный был хмур и неразговорчив, видно, не знал, может ли он отдавать Рахману какие-либо указания, а потому старался сам выполнить всю работу. Собственно, завтрак уже был готов и его оставалось лишь разнести в общую столовую, да тем нескольким заключенным, которые содержались и питались отдельно. Упаковав судки с едой, – Рахман обратил внимание, что рацион у шейха Йохийя особый, не такой, как у других арестантов – они отправились в неблизкий путь. Нужно было пересечь прогулочный двор, пройти через дополнительный КПП, где солдаты их тщательно обыскали и не менее внимательно проверили каждую посудину, затем миновать затянутый металлической сеткой длинный коридор, вдоль которого также прохаживались солдаты охраны. Покои шейха, хотя и не назвать было роскошными, но все же разительно отличались от стандартных камер обычных обитателей Гуантанамо. Здесь, в первой из двух комнат, было даже какое-то подобие ковра и бо-

лее-менее сносные подушки, облокотившись на которые и восседал шейх. Он жестом указал, куда поставить еду, а потом, не спеша, стал открывать каждый судок и даже приподнял для чего-то крышку кофейника.

«Тянет время, понял Рахман. Хочет рассмотреть меня получше». Наконец, шейх откинулся на подушки и произнес небрежно, обращаясь только к старшему дежурному:

– Ступайте, уважаемый. Посуду заберете потом, когда обед принесете. Я пока не голоден и завтракать буду позже. – Старший склонился в поклоне и спиной, как и подобает, стал пятиться к двери.

Шейха Йохийя ибн Халида Рахману до того приходилось видеть трижды. Однажды, это было в Афганистане, он даже был удостоен непродолжительной беседы с ним. Если верить молве, то уникальная память была одной из отличительных черт шейха, сподвижника и наиболее верного соратника Бин Ладена. Говорили, что он никогда и ничего не забывает, помнит любого, с кем виделся хоть мимолетно. Но так ли это, или людская молва по своему обыкновению приукрашивает действительность?

Время до обеда тянулось томительно долго. Дежурный помощи Рахмана не требовал, а он и не стремился проявлять активность – ему было о чем подумать. Ведь следовало взвесить все возможные варианты. Наконец, его окликнули и вручили довольно объемистые пакеты с едой, добавив, что теперь он пойдет на другую территорию один. Дорога была

уже знакома, и хотя солдаты охраны еще не сменились, проверяли пакеты и обыскивали его самого не менее тщательно, чем утром.

– Присядьте, уважаемый, – предложил ему Шейх, мерно перебирая четки, – едва только Рахман переступил порог. – Хвала Всевышнему, я узнал вас, узнал сразу и даже помню, как умело вы справились с нелегким заданием нашего незабвенного брата, да успокоит Аллах душу его.

Гостю было известно, что он сам по возрасту значительно старше шейха и что тому не исполнилось еще и сорока восьми лет, и он поразился, насколько значительнее своего истинного возраста тот выглядит.

– Этот человек, что так любезно навещает меня (видно, Шейх до поры до времени не хотел говорить об истинной роли Азамата), сказал, что вам известно о тех людях, которые, ну.., скажем так, относятся ко мне не совсем дружелюбно. Откуда вам это стало известно?

– Уважаемый ибн Халид, – заговорил размеренно Рахман. – Даже вашему доверенному лицу я не счел возможным открыться полностью. Поэтому сообщил ему лишь то, что счел нужным. Согласитесь, осторожность никогда лишней быть не может, когда-то вы сами нас этому учили. Особенно в таком месте, где мы сейчас находимся. У нас нет четких сведений о том, что в вашем окружении находится предатель и что вам угрожает реальная опасность. Но и исключать такую вероятность мы тоже не имеем права. Это было бы вер-

хом легкомыслия. Мне сообщили, что суд над вами начнется уже через несколько месяцев. А что если кому-то выгодно, чтобы вы замолчали раньше и на суде не сказали бы того, что прольет свет на события, которые должны остаться в тени. Ведь неверным выгодно сейчас свалить на вас ответственность за все. Даже за то, к чему вы не имеете отношения.

– Я готов пострадать за наше правое дело, – произнес шейх напыщенно. – Но в ваших словах есть свой резон, я не могу с этим не согласиться. Вы рассуждаете вполне разумно. Но что вы намерены предпринять, дабы выявить негодяя.

– У меня еще нет четкого плана, – признался Рахман. – Ведь я здесь всего чуть больше десяти дней. Я просто не вправе спрашивать вас о том, какие люди вас здесь окружают. К тому же, зная вашу проницательность, я не сомневаюсь, что лживого человека вы раскусите сразу. И все же, взгляд со стороны может тоже оказаться не лишним.

– Разумно, разумно, – повторил шейх. – Я обдумаю ваши слова и через несколько дней сообщу вам о своем решении. А сейчас приглашаю вас разделить со мной эту скромную трапезу.

Рахман понимал, что приглашение к дастархану – признак высочайшего доверия, но восточный этикет требовал скромности и он, поблагодарив шейха, стал отказываться.

– О, не стесняйтесь, – проявил настойчивость «хозяин». – Мне приятно пообедать в обществе человека, которого я не видел много лет и который, несмотря на все невзгоды и пре-

следования, сохраняет верность нашему общему делу.

Через полчаса, забрав посуду, Рахман двинулся в обратный путь. К его удивлению, ни в этот день, ни на следующий никто не задал ему вопроса, почему он так долго отсутствовал.

А вот Азамат аж лучился сиянием своих глаз.

– шейх Йохийя ибн Халид очень высокого мнения о вас. Он сказал, что думающий человек – это всегда подарок судьбы, который следует ценить, – заявил Азамат, едва они встретились. – Он также велел мне выполнять все ваши поручения и в свою очередь позаботиться о вашей безопасности.

– О моей? – Рахман постарался придать своему голосу искреннее удивление.

– Именно о вашей, – подтвердил Азамат. – Спина друга должна быть надежно защищена.

И Рахман понял, что Азамат вновь становится его тенью, избавиться от которой будет непросто.

Ночью в своей убогой душной камере он думал о том, что ему теперь надо «найти и выявить» хотя бы одного неведомого врага шейха ибн Халида. Намечая будущую жертву, он ничуть не заботился о том, что пострадает безвинный человек. Невиновных здесь не было. Были лишь те, кто смог умело сочинить легенду о своей непричастности к террористическим группам. К тому же долгие годы занятий весьма специфического свойства приучили его не поддаваться сен-

тиментальности. По крайней мере, он сам себе не позволял проявления этого чувства, не только лишнего, но и вредного для людей его профессии. Во всяком случае, так ему хотелось думать.

Но уже следующая неделя настолько резко изменила ход событий, что на долгие размышления просто не оставалось времени. Нужно было действовать. Действовать решительно, безоглядно, но в то же время безошибочно.

Х Х

Х

...Утром его внезапно вновь вызвали на кухню. Без лишних слов ему вручили завтрак для шейха и он вновь отправился уже знакомой дорогой. Шейх был явно чем-то озабочен, энергичными шагами он прохаживался по ковру и пальцы его перебирали камни четок быстрыми резкими движениями. Разувшись, и Рахман ступил на ковер. Шейх, пренебрегая восточным этикетом, сразу приступил к делу, произнося фразы четко и отрывисто:

– О моей безопасности, если того потребуют обстоятельства, позаботятся другие люди. У вас будет куда как более сложное поручение. Вам надо немедленно, вы слышите – немедленно выбираться отсюда. Любыми путями, чем скорее, тем лучше. Вы должны будете найти и встретиться с иор-

данцем из города Эз-Зарка, и, видя недоумение на лице Рахмана, шейх Йохийя скрипуче рассмеялся и назвал настоящее имя того, кого после мнимой или действительной гибели Бин Ладена провозгласили лидером Аль-Кайды, превознося его заслуги по установлению мирового халифата до небес. Я не могу сейчас назвать точное место его нахождения, он вынужден менять его постоянно. Это необходимо, ибо уже год, как его называют врагом Америки номер один, а американцы сулят за его голову десятки миллионов долларов, как, в свое время за голову моего незабвенного брата Усамы Бин Ладена. Но я снабжу вас таким личным паролем, который поможет добраться до него в кратчайшее время и обеспечит полное доверие к вашим словам. А теперь слушайте меня с предельным вниманием и запоминайте вплоть до единого слова.

С каждой фразой, произнесенной шейхом, Рахман все отчетливее понимал, какой угрозе подвергаются страны, где намечено проведение новых терактов, как должна сплотиться Аль-Кайда, дабы отомстить за своих лидеров, кто, поименно, в скором времени возглавит отделения организации в конкретно названных шейхом странах. Это был поистине дьявольский план и в этот план теперь посвящали его. На прощанье Йохийя ибн Халид извлек из внутреннего кармана халата четки и протянул их Рахману.

– Четки лишь часть пароля, они всего лишь вещь, узнаваемая, но вещь. Их можно украсть, и, в конце концов, забрать

у человека, которому на земле уже больше ничего не принадлежит. Поэтому, показав четки кому следует, вы произнесете следующие слова... Да поможет вам Аллах, – шейх, как и положено на Востоке, обнял Рахмана и дважды прикоснулся своим лицом к обеим его щекам.

Оставив нетронутые судки с едой, Рахман тотчас отправился на поиски младшего офицера охраны, который уже несколько дней носил на правой руке знакомые часы. К счастью, он увидел его почти сразу и обратился с заранее заготовленной фразой:

– Простите, сэр, но мне кажется, что на календаре ваших часов неверно выставлено число. Позвольте я поправлю.

«Да, я, признаться, никак не разберусь с этим чертовым хронометром», пробурчал офицер, снял часы с руки, протянул их Рахману, а когда проверил новую цифру на календаре, снова буркнул едва различимо: «Утром вас вызовут на допрос».

Утром, едва переступив порог комнаты, где его обычно допрашивали, Рахман потребовал самым категоричным тоном немедленной встречи с Седым. Офицер в ответ лишь покачал головой и заявил, что это невозможно. В лучшем случае встреча может состояться через неделю, а то и дней через десять.

– По большому счету у меня нет даже и десяти часов, не то что десяти дней, – упрямо стоял на своем Рахман. – Даже вам я не могу сообщить то, что обязан срочно рассказать Седому.

– А мне ничего передавать и не следует, я попросту не имею права принимать от вас какую-либо информацию. Ладно, попробую что-то предпринять.

Седой появился через три дня. Все это время Салех-Азамат ходил за Рахманом тенью, повторяя полюбившуюся ему фразу, что оберегает спину друга. В комнате допросов, где как и в прошлый раз красовался в углу кофейный столик, Рахман изложил Седому суть беседы с шейхом. В тех, разумеется, пределах, которые были допустимы при общении со связным. Но Седой был опытным разведчиком и всю важность происшедшего понял без лишних слов.

– Проблема только в одном, – сказал он задумчиво, отхлебывая остывающий кофе. – Я могу хоть сейчас увезти вас отсюда, но это вызовет подозрения у многих и прежде всего у самого шейха. Если же все обставлять как уже сложившуюся процедуру освобождения, то займет в лучшем случае месяц.

– А побег? – предположил Рахман.

– Сегодня убежать из лагеря не такая уж и проблема. А вот исчезнуть из самого Гуантанамо и впоследствии с острова – дело не простое. Слишком многих людей нужно будет задействовать, а это возможная и даже вероятная утечка информации. Наши военные слишком много пьют, чтобы хранить секреты.

– Тогда остается только одно, – твердо заявил Рахман. – Мой куратор должен немедленно прибыть сюда. Пока меня будут оформлять к освобождению, он сумеет распорядиться

информацией и дать ей ход.

– Тоже не вариант, – спокойно возразил Седой. – Во-первых, вы не имеете права называть мне его имя. А во-вторых, я не имею права это имя знать. Хотите, чтобы мы совершили двойное нарушение инструкции и оба вылетели вон со службы, – уныло пошутил он и тут же, прихлопнув обеими ладонями по столу, воскликнул, – Азамат! Вы мне рассказывали, что при вашей первой еще встрече он заявил, что знает, как отсюда исчезнуть. Вот если он обеспечит вам побег, тогда и никаких подозрений не возникнет. Срочно разыщите его. Мне кажется, он готов к такому разговору, да и избавиться от вас в его интересах.

Азамат ничуть не удивился просьбе. Напротив пожурил Рахмана, что потеряно столько времени. Он твердо заверил «дорогого брата», что самое большее через три дня надежные люди переправят его в Америку. А уж исчезнуть из лагеря дело настолько пустяковое, что об этом и думать нечего.

Х Х

Х

...Они снова сидели все в той же венской кондитерской «Аида». Куратор, не любящий его прозвища Китаец, посмеивался, когда Рахман то и дело прикладывался ладонью то к одной, то к другой щеке. Гладкая, без бороды, кожа холодила и была непривычной на ощупь.

– И все же, как сам считаешь, почему шейх ибн Халид столь быстро и безоговорочно поверил тебе до такой степени, что дал пароль к самому Иорданцу. Может, провокация. Или, как минимум, дополнительная проверка.

– Ни того, ни другого исключать конечно нельзя, – согласился Китаец. – Хотя, возможно, все гораздо проще. В Гуантанамо практически не осталось серьезных боевиков, во всяком случае, нет той фигуры, которой можно было дать подобное поручение. Азамата я в расчет не беру – он нужен Шейху на месте. Для чего, я выяснить так и не успел. Провокацию я практически исключаю, хотя мои доводы основываются не более, чем на интуиции. Словами не объяснишь, но у меня создалось убеждение, что, выбрав меня, шейх играет ва-банк. Ну, а что касается проверки, то здесь вскоре все будет ясно. Если пароль не сработает на первом этапе, значит, он не сработает вовсе, и ни до какого Иорданца мне никогда не добратся.

– Наши аналитики немедленно начнут обрабатывать твою информацию. И если она соответствует действительности, то ее важность переоценить невозможно. Впрочем, я думаю теперь уже о другом. Правдивость сведений, которыми тебя снабдил, или вернее сказать, наделил шейх, означает, что в твоей работе начнется совершенно новый этап. Новый и, пожалуй, самый для тебя опасный. Гораздо опаснее даже того, когда ты оказался практически в самом логове Бин Ладена. Ты готов?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Появился Волк

Шумный, пыльный, разноголосый и разноплеменный город, в котором он родился, был похож, как две капли, на архаичный восточный базар, каковым по сути и являлся – приветливым, неприхотливым, в меру лживым, но чрезвычайно при этом добродушным и гостеприимным.

Когда-то несостоявшийся вождь мирового пролетариата сослал сюда весь цвет неугодной ему российской профессуры, цинично обозвав эту акцию «эшелонем науки». Аборигены с удивлением взирали на почтенных седовласых старцев в пенсне, с непривычными здесь бородками клинышком, даже в несносную азиатскую жару не позволявших себе выходить из дому без галстука и пиджачной пары; с удовольствием слушали в городском саду музыку духового оркестра, а облаченного в белый мундир с золотыми аксельбантами дирижера почитали если уж не царем, то его заместителем – точно. Разделенные широким арыком части города – европейская и азиатская, жили каждая своей жизнью, ничуть друг другу не мешая.

Как от первого попадания фашисткой бомбы перемешалась земля, так перемешалось все в этом городе. Сюда эшелонами хлынули со всех концов необъятной страны эвакуи-

рованные и было просто непонятно, как нашлось место людям, заводам и даже киностудиям в городе, который уже много лет снискал, а теперь подтверждал каждодневной своей жизнью славу и благороднейший статус: Ташкент – город хлебный.

Х Х

Х

Ромкина семья прибыла в этот край с одним из первых эшелонов. От неминуемой гибели семью спасла будущая Ромкина мать, которой в сорок первом едва минуло двенадцать. Когда они втроем – две дочери и мать, старший брат девчонок еще в 39-м был призван в Красную Армию, возвращались с эвакуационного пункта, двенадцатилетней Соне в туфельку попал камешек и слегка поранил ногу. Она присела на обочину и долго хныкала, жалуясь на боль и не желая идти дальше. Двинулись только после строгого материнского окрика. Их дом, куда они шли, чтобы собрать вещи, уже был виден, когда в него угодила немецкая бомба. От дома осталась только каменная пыль. Окажись семья возле дома хоть на несколько минут раньше... Словом, обычная для того необычного времени история.

Сначала их отправили в колхоз, где они, все трое, выращивали и собирали хлопок. В сорок третьем перебрались в Ташкент. Городские власти выделили эвакуирован-

ным по делянке земли, помогли кой-какими стройматериалами. Впрочем, основной стройматериал валялся, в буквальном смысле, под ногами. Из глины, соломы и кизяка местные в огромных деревянных формовочных корытах месили ногами густую смесь, которая потом, обожженная нещадным азиатским солнцем, превращалась в довольно прочные кирпичи. На семью из трех человек полагалась девятиметровая комната. Четыре палки, навес из толя, или рубероида, и керосинка, либо керогаз, установленные перед входом, вполне заменяли кухню. Называлась все это красивым претенциозным словом «палисадник». Глинобитные мазанки, построенные эвакуированными, замкнутыми прямоугольником образовывали коммунальные дворы. С началом весны во двор выносились раскладушки, сборные кровати, сколачивались деревянные топчаны. Днем старухи, каждая в своем палисаднике, готовили еду и варили варенье, дети играли на топчанах, делали уроки, ночью здесь же спали. В кино и в баню отправлялись не семьями, а целыми дворами.

Ромкина бабка устроилась на завод, где из семян хлопка отжимали продукт первой необходимости для всех местных жителей – хлопковое масло. Бабка обзавелась грелкой и когда работала в ночную смену, наполняла резиновый сосуд еще теплой тягучей жидкостью, прятала его под подол широкой юбки и торопилась на базар, где пронырливые перекупщики ждали «товар» до пяти утра – не позже. Бабкино деяние было четко прописано в уголовном кодексе, статья

по военному времени – расстрельная. Однако ни страха, ни угрызений совести она не испытывала, а истово осуществляла самую священную для женщины миссию – кормила своих детей.

Тогда же, в сорок третьем, пришло с фронта извещение, в котором матери сообщали, что ее сын – разведчик Роман Лучинский пропал без вести. Баба Сима, как к тому времени эту сорокатрехлетнюю женщину величал весь двор, внешне на письмо отреагировала весьма стойко. Она перечитывала по многу раз извещение всему двору и собственным детям, неизменно добавляя, что материнское сердце знает точно – сын жив, найдется непременно. Вот только согнулась она с тех пор, как от непомерной тяжести, обрушившейся не нее, да так больше никогда, до конца дней своих, и не распрямилась. И фильмы о войне смотреть перестала. Даже когда телевизоры появились, выходила из комнаты, едва только на экране звучал первый выстрел, или появлялся человек в военной форме.

Своего сына Рому она просто боготворила. По ее рассказам выходило, что он обладал незаурядным умом, стремился учиться и, когда у нее уже было трое детей, достаточно молодая вдова перебралась из маленького еврейского местечка в Харьков с единственной целью – дать сыну образование. Роман блестяще закончил рабфак, поступил в институт, ему, как одаренному юноше, предоставили место в общежитии, назначили стипендию.

Никогда до этого не работавшая женщина закончила недельные курсы продавцов и стала торговать конфетами с лотка. Девчонки росли, требовали кукол и бантов, сын по выходным приходил к маме и сестренкам. Все было прекрасно, не хватало только денег. Тогда она скопила, сколько смогла, пришла к директору торгового пункта и по-деловому выложила скопленное на стол. Об этой истории бабушка рассказывала так: «Я сказала ему прямо. Товарищ директор, у меня трое детей, денег с конфет не хватает. Что же мне воровать прикажете. Войдите в мое положение, поставьте меня на пиво. Он был умный человек, он поставил меня на пиво».

Слушая этот рассказ, Ромка хохотал от души:

– А ты пиво чем разбавляла, водой из крана, или из арыка?

Бабушка непритворно сердилась: «Из какого еще арыка? Не было в Харькове никаких арыков. – Она быстро успокаивалась, хитро щурилась. – Ну, я немножечко не доливала и пены делала побольше... Но ни-ког-да не разбавляла», – добавляла она твердо.

Когда пришло сообщение, что Роман пропал без вести, дочерям она твердо заявила: из Узбекистана мы никуда не уедем, так как последние от нас письма Ромочка получил с местными адресами и когда объявится искать нас будет здесь, а не в Харькове, тем более он из писем знает, что харьковский дом разбомбили фашисты. Она твердила это, пока не закончилась война, и еще шестнадцать послевоенных лет – похоронка на сына пришла в 1961 году.

У бабы Симы было три заклятых врага – Буденный, Гитлер и Митька. В годы гражданской войны лихие конники в серых вислоухих шлемах с криво нашитыми красными звездами во главе со своим впоследствии легендарным командармом и будущим маршалом дотла разорил их семейное поместье на Украине. Семья была зажиточной, к юной Симочке даже гувернантка приходила, обучала ее различным наукам и языкам – немецкому и французскому. Гитлер отнял у нее сына, а Митька – старшую дочь. Митька был лихим парнем, вернувшимся с фронта с сияющими медалями на вылинявшей гимнастерке и трофейным мотоциклом марки «Харлей». Женихом по тем временам он считался завидным, окрестные девчонки ссорились между собой за право прокатиться с ним на его тархтящем и нещадно дымящем исчадии ада. Митька лишь загадочно улыбался, перекатывая во рту папироску, да газу прибавлял. После того, как мотоцикл рухнул в глубокий овраг, не удержавшись на кромке, врачи Митьку кое-как по частям собрали, а вот старшую бабкину дочь им спасти не удалось.

Х Х

Х

...Откуда в их городе появился этот юный арабский коммунист, теперь уже точно и не скажешь. Его появление было окутано сплошь тайнами и секретами. Поговаривали, что у

себя на родине его приговорили к расстрелу, но соратникам по партии удалось

мальчишку выкрасть и его, чуть ли не в каком-то контейнере, тайком переправили в Советский Союз. Джамал Зевар-Ага имени своему внешностью соответствовал на все сто – в переводе с арабского Джамал означает «красивый». Джамал был высок, широкоплеч и строен, от его серых глаз, опущенных длинными густыми ресницами, исходил ровный теплый свет. Одевался Джамал всегда с иголки – специально установленной для него стипендии вполне хватало на безбедное существование, а выделенная молодому коммунисту служебная однокомнатная квартира в центре города делала жизнь вполне комфортной.

Довольно легко он освоил и русский, и узбекский языки, местом обучения ему определили сначала институт народного хозяйства, а после и самое элитное по тем временам заведение – Высшую партийную школу. Получив второй диплом о высшем образовании Джамал Зевар-Ага немедленно поступил в аспирантуру, заявив о своем стремлении защитить кандидатскую диссертацию. И не потому вовсе, что влекла его наука. Время пребывания в СССР арабского коммуниста Зевар-Ага было оговорено четко: он живет здесь пока учится, а овладев знаниями в полном объеме, должен будет употребить их на благо развития компартии на своей исконной родине, о чем Джамалу даже подумать и то страшно было.

С «дюймовочкой» Соней они познакомились в парке. Де-

вушке так хотелось мороженого в тот душный, без малейшего дуновения ветерка вечер, а очередь к тележке была такой нескончаемой, что галантный молодой человек приобрел две порции и протянул Соне вафельный стаканчик с пломбиром. Открыв крошечный кошелек, Соня выуживала оттуда монетку, когда почувствовала прикосновение прохладной руки. Она подняла глаза и услышала приятный голос с непередаваемо завораживающим акцентом:

– Ну, что вы, не надо никаких денег. Могу я просто угостить девушку мороженым?

Соня отчаянно запротестовала, тогда молодой человек засмеялся и сказал: «Девушка, это не угощение, это плата».

– Плата? За что?

– За то, что вы покажете мне этот дивный парк, в котором я оказался впервые. Даже не знал, что в этом городе есть такое замечательное место. Мне сказали, что здесь можно покататься на лодке. Это так?..

– Да, здесь есть озеро, его называют Комсомольским, потому, что котлован под озеро рыли комсомольцы на субботниках, – подтвердила Соня. – Если хотите, могу показать, где находится лодочная станция.

Они двинулись к озеру, и уже вскоре Джамал сильными гребками весел вывел лодку на середину водоема.

– А ведь мы с вами до сих пор не познакомились, – сказал он и представился. – Меня зовут Джамал, а полностью Джамал Зевар-Ага, хотя для вас я, конечно же, просто Джамал.

– Соня, – произнесла она едва слышно, все еще смущаясь этого необычного, но такого милого человека.

– Соня. Какое чудесное имя! – воскликнул Джамал. – А можно я буду звать вас Сония, на местный манер?

В ответ она лишь кивнула. Они встречались каждый вечер. Прибежав после работы с фабрики, она помогала матери по хозяйству, наглаживала одно из двух платьицев своего немудрящего гардероба, чистила зубным порошком парусиновые туфельки и убегала. Мать догадывалась, что к дочке пришла любовь, тревожилась, но ни о чем не спрашивала – из Сонечки и в детстве лишнего слова не вытянуть было. Джамал, как сам выразился, практиковался с ней в русском языке, сначала шутя, а потом и серьезно стал учить ее арабскому, поражаясь, как на лету усваивает Соня незнакомый язык. Способности у нее были поистине уникальные. Через какое-то время они уже даже спорили, на каком языке им общаться, а потом пытались установить график – день арабский, другой день – русский. В своей уютной, не по-мужски ухоженной квартире, Джамал угощал ее виртуозно приготовленными арабскими блюдами, Соня баловала любимого украинскими варениками и узбекским лагманом, а то лепила самсу, либо манты – тесто у нее получалось просто воздушным.

Разговоров о будущем молодые с некоторых пор избегали. Как-то раз Джамал вернулся домой не в духе. Соня, у которой были ключи, пришла пораньше и затеяла крутить

фарш на голубцы. Резко и громко хлопнула входная дверь. Она даже не сразу заметила его озлобленность, а когда он заговорил резким тоном, вздрогнула от неожиданности – такого Джамала ей еще видеть не приходилось. Выяснилось, что днем он побывал в каком-то важном правительственном учреждении, где молодому коммунисту напомнили, что после защиты диссертации, ему необходимо вернуться на родину – таковы требования двусторонних соглашений между странами.

– Они что, не понимают, меня там убьют как только я сойду с трапа самолета?! – возмутился Джамал и сквозь зубы процедил несколько проклятий на арабском языке.

– Милый, ты, наверное, забыл, что я теперь все понимаю, – попыталась разрядить Соня обстановку, но он лишь досадливо отмахнулся. Потом резко развернулся в ее сторону, крепко сжал руку и непререкаемым тоном произнес:

– Ты сегодня останешься здесь, и вообще теперь будешь жить у меня.

– Но мне даже переодеться не во что, и вообще, как же мама...

Он не дал ей договорить, прервав жестко: «Тебе придется выбирать – или я, или твоя мать».

Она решительно высвободила руку и твердо, неожиданно даже для себя, отчеканила: «Никогда я не сделаю такого выбора. Человек, предавший мать, предаст кого угодно». Джамал опешил. Он не ожидал от своей безропотной и, как ка-

залось ему, во всем покорной Сони такой решимости. Из оцепенения его вывел тихий щелчок замка закрывшейся за ней двери.

Они помирились через неделю. Джамал явился к проходной фабрики с огромной пунцовой розой в руках, как раз в тот момент, когда закончилась смена. «А женишок-то у тебя, Сонька, жмот, – подняли его на смех фабричные девчата, – мог бы и на букетик разориться, а то, вишь ты, сорвал, небось, в нашем сквере розочку и на тебе – явился, не запылился». Она ничего не ответила, подошла к Джамалу, молча забрала у него цветок и, взяв под руку, пошла рядом...

В тот день, когда Соня узнала, что беременна, Джамал улетал в Москву. Накануне он сказал многозначительно, что от этой поездки зависит его, а, значит, и ее будущее. Соня обещалась приехать в аэропорт, но в поликлинике была большая очередь и когда она добралась до аэропорта, пассажиры московского рейса были уже в самолете. Две недели она прожила в оцепенении. Каждый вечер приезжала в его квартиру, готовила ужин, через два-три дня выбрасывала приготовленное и вновь хлопотала у плиты. Бутылка шампанского, которую она купила, так и осталась стоять в холодильнике нетронутой. В один из вечеров, когда она с наполненной авоськой

вошла в подъезд, то увидела на знакомой двери бумажную наклейку с надписью «Опечатано», неразборчивой закорючкой и сургучной печатью.

В их коммунальном дворе каких только людей не было. Жила и одна семья, с которой никогда не ссорились даже самые скандальные соседи. Николай Афанасьевич был художником, его жена Элеонора Александровна, бывшая балерина Большого театра, преподавала в местном хореографическом училище. Вот к дяде Коле и отправилась Соня за советом. Он выслушал ее внимательно и переспросил настороженно: «Точно знаешь, что коммунист? А то ведь у нас, девонька, к дружбе с иностранцами сама знаешь, как относятся...», и он многозначительно замолчал.

– Коммунист, дядя Коля, точно – коммунист, – горячо завила его Соня. – Он даже взносы платил.

– Ну ладно, коли так, – проворчал Николай Афанасьевич. – Вот что я тебе скажу. Всеми делами иностранцев ведет МИД – министерство иностранных дел, вот туда тебе и надо обратиться. Зайдешь в приемную для посетителей, это на первом этаже. Не вдаваясь в подробности, объяснишь, так, мол, и так, беспокоюсь за своего друга, все ли с ним в порядке. И поменьше подробностей, там они никому не интересны, а тебе только навредить могут. А еще лучше, если ты вообще никуда не пойдешь, а будешь спокойно ждать, когда твой друг вернется, или ждаст о себе знать. Но я вижу, что это совет тебя никак не устраивает.

На следующий день Соня взяла на фабрике отгул и отправилась по адресу, указанному соседом. Народу в приемной оказалось немного и уже вскоре она зашла в кабинет,

где за огромным столом сидел полный пожилой человек в строгом черном костюме, но очень добрыми, как ей показалось, глазами. Он, не перебивая, выслушал посетительницу и, не задав ей ни единого вопроса, попросил обождать в коридоре. Через полчаса, ей показалось, что прошла вечность, к ней подошел другой человек и предложил зайти в кабинет на втором этаже.

– Вы интересуетесь человеком по имени Джамал Зевар-Ага, – утвердительно произнес хозяин кабинета. – А кем он вам доводится?

– Друг, – коротко ответила Соня, густо покраснев.

– Вообще-то мы даем справки только родственникам и по запросу официальных организаций. Вам мы отвечать не обязаны. Но в порядке исключения скажу. Произошло какое-то недоразумение. Человек с таким именем в нашем городе никогда не жил и нам о нем ничего не известно.

– Этого не может быть, – пробормотала ошеломленная девушка. – Он же партийную школу закончил, и аспирантуру тоже... Скажите, может быть, я могу где-нибудь еще узнать про него?

Ответ последовал резкий: «Подобные вопросы не в моей компетенции».

На следующий день, сразу после обеда, Соню вызвали в фабком. В комнате за столом председателя фабкома оказался незнакомый Соне молодой человек.

– Вчера вы были в МИДе, – начал он разговор. – Интере-

совались человеком по имени Джамал Зевар-Ага. Расскажите, какие у вас были с ним отношения, о чем вы говорили, когда встречались, были ли вы с ним в интимной близости.

– Мне бы не хотелось обсуждать эту тему, – робко возразила Соня.

– Вы, видимо, не понимаете, кто с вами сейчас разговаривает. Я сотрудник Комитета государственной безопасности. И вы обязаны отвечать на любые мои вопросы и обсуждать со мной любые темы, которые нас интересуют, – голосом он особо выделил слова «обязаны» и «любые».

– Мы просто дружили, – пролепетала Соня. – Он коммунист, я комсомолка, что плохого в нашей дружбе?

– Что в вашей дружбе было плохого, нам еще предстоит разобраться, – многозначительно заметил ее собеседник. А сейчас отвечайте на мои вопросы.

Позже она не могла вспомнить ни его вопросов, ни своих ответов. Казалось, земля уплывает из-под ног, к горлу подступил противный комок. В себя она пришла, только когда он поднялся, неловко, с резким звуком, отодвинув стул.

– А теперь слушайте меня особенно внимательно и запомните каждое мое слово. Вчера в министерстве иностранных дел до вашего сведения довели, что человек по имени Джамал Зевар-Ага никогда не проживал ни в нашем городе, ни в нашей республике. А посему и вы никогда впредь не будете ни разыскивать этого человека, ни интересоваться его судьбой. Сейчас вы напишите заявление, где обязуетесь выпол-

нять неукоснительно это требование.

Х Х

Х

...Малыш родился длиннющий, смуглокожий, с темными волосенками на голове. Оформлять свидетельство о рождении она поехала одна. Сына назвала Роман, отчества дала своего отца, в графе «отец ребенка» красовался прочерк. Когда баба Сима прочитала метрику своего единственного внука, где значилось «Роман Ильич Лучинский», она проследзила и, взяв кулек с ребенком, уселась на диване, прижав младенца к себе.

Мамочка, наш Рома тоже был Роман Ильич Лучинский, так что у него теперь появился племянник – его полный тезка и однофамилец. Разве я что-то не так сделала?

Все так, все правильно, – сквозь слезы приговаривала баба Сима. – Вот вернется Ромочка и будем мы их путать.

– Только бы вернулся, а там уж как-нибудь разберемся, не перепутаем, – еле слышно прошептала Соня.

На том все разговоры по этому поводу были прекращены в их семье надолго. Только после того, как на дядю Романа пришла похоронка, Ромку посвятили в историю его имени, ничего так и не сказав об отце.

Ромка младенцем был болезненным, то и дело попадал в больницу, и в палату вместе с ним укладывалась не мама,

а баба Сима. Она и кровь ему свою дала, когда мальчишке потребовалось переливание, тем более, что и группа крови у них оказалась одинаковой. Дворовая детвора называла его просто Ромкой, мать не признавала никаких уменьшительно-ласковых имен и обращалась только «Роман», бабушка говорила то «Ромочка», то «Ромашка», на последнее он сильно сердился. Но все больше предпочитала говорить «сыночек». Он и рос с искренним, до поры, до времени убеждением, что у него две матери. Одну называл «мама Сима», другую «мама Шоня» – в раннем детстве шепелявил, а потом и сам, и все окружающие привыкли так называть Соню, да и она не возражала: Шоня так Шоня.

В округе каких только не было национальностей. И русские здесь жили, и узбеки, армяне, татары и евреи, азербайджанцы и украинцы. Годам уже к четырем Ромка свободно болтал на самых разных языках. С армянами здоровался «барев дезз», евреев степенно приветствовал «шалом алейхем», азербайджанскому приятелю, подзывая его, кричал «гяль бюра», воробья называл «горобец», а отправляясь в булочную за хлебом, неизменно осведомлялся у однорукого узбека-продавца: «нон иссыкми?» – хлеб горячий?

Секретным для него в их семье оставался только еврейский язык идиш, из которого Ромка знал лишь несколько слов, преимущественно ругательных. Когда мама Сима хотела что-то от него скрыть, то к маме Шоне обращалась именно на идиш. Ромку это злило и обижало. «Чего секретнича-

ете?», ворчал он. Как-то мама Шоня, шутя, обняв сына, пообещала: «Ладно, Роман, у нас с тобой будет свой секретный язык. Научу тебя говорить по-арабски».

– А ты умеешь? – загорелся Ромка. – Он знал, что мать прилично говорит на французском и немецком, понимает идиш, но про арабский слышал впервые. Он не отставал от Шони до тех пор, пока ей не пришлось выполнять свое обещание. Во время этих уроков мама Сима вскипала, как чайник на керосинке: «тьфу, плевалась она, и, обращаясь неизвестно к кому, добавляла на идише, – абрежде коп (сломай голову)».

Арабский язык увлек мальчишку не на шутку, способности к языкам он видно унаследовал от матери, и вскоре уже поражал своих сверстников незнакомыми им словами.

С детворой Ромка ладил. В их многоликом городе национальных различий по сути не было. Жили себе и жили, не интересуясь и не задумываясь, кто какого происхождения, почему у одного вихры торчат белые, а у другого черные, да отчего разрез и цвет глаз не у всех одинаковый. В почете было нечто особенное, что отличало их друг от друга. К примеру, Павлик по прозвищу Бублик не боялся кипятка. Он кругами ходил вокруг чьей-нибудь кухни, где варился ароматный борщ и, стоило хозяйке на мгновение отвлечься, тут же запуская в кипящую кастрюлю свою вечно невытую, в ципках лапу, вытаскивая кусок мяса. Витька умел играть на балалаике и учился игре на баяне, Вовка-немец, вредный и про-

тивный, ловчее всех гонял мяч, Поинка из угловой квартиры лучше всех танцевала и тетя Эля определила ее учиться в хореографическое училище, где сама преподавала. А Ромка раньше всех научился читать и считать и крепким, преодолев младенческие болезни, стал настолько, что его одного подпускал к своей наковальне и давал подержать щипцами кусок расплавленного металла кузнец дядя Максуд.

Когда ему сравнялось семь лет, мама Сима и мама Шоня взяли пацана за обе руки и торжественно повели в двухэтажный городской универмаг на улице Карла Маркса, где была приобретена школьная форма, желтый, скрипучий, остро пахнувший кожей портфель, пенал, а главное – замечательная фуражка с кокардой и лаково блестящим козырьком. 1 сентября его провожала мама Шоня. Она несла в руке букет осенних цветов, а к Ромкиному портфелю было привязано два мешочка – с чернильницей-невыливайкой и завтраком. Во время первого урока взволнованные родители первоклашек сидели на школьном дворе, а после звонка туда вышла строгая учительница. Каждому из родителей она что-то говорила про их детей, а к маме Шоне обратилась отдельно: «Вы – Софья Ильинична Лучинская, мама Ромы? Подождите, пожалуйста, мы с вами сейчас пойдем к директору». Разговор у директора оказался для мамы Шони полной неожиданностью. Учительница уверяла, что Рома настолько хорошо читает, и считает, что в первом классе ему делать попросту нечего. Дескать, заскучает, будет сам отвлекаться и дру-

гих детей отвлекать, а в итоге потеряет интерес к занятиям. Одним словом, учительница рекомендовала перевести Ромку сразу во второй класс. Директор предложил немедленно позвать вундеркинда и проэкзаменовать его тут же в кабинете.

Когда Ромка увидел представительного узбека в белой шелковой рубашке, вышитой цветным украинским узором, он прижал обе ладони к левой стороне груди, чуть поклонился и почтительно произнес: «Ассалом алейкум, домулло», и сам себя перевел: «Здравствуйте, уважаемый учитель».

– Вай! – воскликнул директор. – Ты что же, узбекский язык знаешь?

– Не только узбекский, и азербайджанский знаю, и армянский, и арабский, – единым духом выпалил мальчонка.

Пораженный директор не сел, а упал в кресло, восклицая: «Да ему и во втором классе, похоже, тоже делать нечего».

На второй урок Ромка теперь уже опоздал, а на третий его торжественно отвели во второй класс.

Х Х

Х

Директор школы Ахат Маннапович Раззаков личностью был поистине незаурядной. С блеском закончив факультет восточных языков университета, он в совершенстве владел несколькими арабскими диалектами и распределение полу-

чил не куда-нибудь, а напрямком в министерство иностранных дел. Загранкомандировки следовали одна за другой, Раззакову прочили блестящее дипломатическое будущее. Но судьба-злодейка, вернее злодей в образе зеленого змия сыграл с ним роковую роль. Частенько приглашая после заграникомандировок своих сослуживцев в чайхану, Ахат удивлял их своим совершенным знанием разнообразнейших вин, а водку «столичную» от «московской» отличал, не глядя на бутылку. История стара как мир. Вместо неудержимого подъема вверх по карьерной лестнице, он стремительно покатился вниз. Ненадолго задержался в одном из вузов, но уже вскоре каждый студент знал, что новый преподаватель охотно променяет пребывание в душной аудитории на столик в открытом кафе, где после возлияния поставит в зачетку все, что его попросят.

В итоге, да и то не без стараний влиятельных родственников, Ахат Маннапович осел директором обычной средней школы. Работающая здесь пожилая женщина-завуч с гордостью носила на лацкане жакета значок отличника народного образования, и беззаветно влюбленная в педагогику, с удовольствием тянула всю работу сама, радуясь, что новый директор, от которого постоянно исходил острый пряный запах мускатного орешка, ни во что не вмешивается.

Ахат Маннапович учеников своей школы не различал, но вот «вундеркинда», поразившего его воображение, запомнил накрепко. Он даже на переменах выходил из сво-

его кабинета, чтобы отыскать на школьном дворе смышленного мальчишку и заговорить с ним, предпочитая арабский язык. Класа с пятого Ахат Манннапович стал приглашать Лучинского домой, обучал его арабской письменности, давал читать книги по истории, привил любовь к русской классике. Он искренне привязался к этому чужому мальчишке, видимо, компенсируя тем самым отсутствие собственных детей. Он, первым, пожалуй, разглядел в своем ученике уникальные способности к языкам, великолепную память, блестящую восприимчивость к любому изучаемому предмету, и старался дать этому мальчишке все, что мог – знания, житейский опыт, мужскую, по сути отцовскую, любовь.

Примерно тогда же появилось у Романа новое увлечение. Увидев в каком-то журнале схему и описание транзисторного приемника, он решил собрать его сам. Весь класс писал контрольную работу по математике, когда в тишине, где лишь перья поскрипывали, во всю мощь грянул разухабисто-молодецкий хор военного ансамбля: «Раскудрявый, клен зеленый, лист резной...» Это, после целого месяца неудач, ожил, наконец, первый Ромкин транзистор, который он умудрился впихнуть в кем-то выброшенную старую мыльницу. Математичка была недавней выпускницей пединститута, детей боялась пуще огня и из всех методов воспитательного воздействия усвоила пока только один. «Лучинский, немедленно выйди из класса и отправляйся к директору», велела она.

К Ромкиным чудачествам одноклассники вскоре привыкли и прозвище ему дали Китаец, когда он однажды на уроке химии с пеной у рта доказывал, что порох изобрели китайцы, а учительница с непонятым упорством его опровергала. Китаец жил в своем, изолированном от внешнего влияния мире. Когда сверстники торопились в спортзал или на стадион, он отправлялся к Ахату Маннаповичу, где часами обсуждал на арабском языке недавно прочитанную книгу. В то время, как его одноклассники шли на танцы или прогуливались по аллее парка с девчонками, Китаец корпел над сборкой какого-нибудь сверхсложного радиоприемника. Силища в нем была недетская – постоянное общение с железками у кузнеца Максуда давали себя знать. А вот на уроках физкультуры он с трудом преодолевал гимнастического «коня», и на беговой дорожке его обгоняли даже девчонки. Однажды ребятам для комплекта не хватило одного игрока и они попросили Китайца выйти на футбольную площадку. Первый же удар по оказавшемуся у его ног мячу завершился вызовом «скорой помощи» и загипсованной голенью.

Девчонкам он поначалу нравился – высокий, стройный, широкие прямо развернутые плечи, смуглая бархатистая кожа, а ресницы такие, что представительницам прекрасного пола только завистливо вздыхать приходилось. Но как только они оказывали ему какие-либо знаки внимания, он недоуменно пожимал плечами. Да один его непонятный взгляд чего стоил. Уставится своими серыми глазищами и смотрит

подолгу, не мигая. Ни слова доброго не скажет, ни улыбнется, Так что интерес к дальнейшему общению пропал так же быстро, как и возникал.

А мама Шоня с каждым днем все отчетливее понимала, что внешне сын становится точной копией отца. Рост, фигура, строение ладоней, даже походка и поза во сне – все напоминало Джамала. Вот только сдержанностью и молчаливостью пошел он в нее. Джамал, тот велеречивым был, способным разговорить кого угодно, а уж как комплименты расточал, словно стихи слагал.

Когда Роман учился в десятом классе, Ахат Маннапович все настойчивее стал поговаривать о том, что его любимому ученику нужно поступать на востфак, тот самый факультет, который некогда заканчивал и сам Раззаков. А однажды учитель высказался напрямую: «Ты добьешься того, чего не сумел сделать я, станешь настоящим дипломатом. – И пообещал твердо. – Я помогу тебе подготовиться.

А вот мама Шоня, узнав о выборе сына, почему-то опечалилась.

– Зачем тебе, Роман, этот факультет? – Арабский язык ты и так знаешь. Поступал бы лучше в какой-нибудь технический вуз, вон всем соседям радиоприемники и телевизоры чинишь, руки у тебя золотые, все говорят.

И все же он уступил настояниям директора школы, отнес документы в приемную комиссию университета. Первые три экзамена сдал легко, получив две «пятерки» и одну «четвер-

ку», а перед четвертым и вовсе не волновался. Абитуриентам было предоставлено право сдавать на выбор английский или арабский языки. Ромка, конечно же, выбрал арабский.

– После экзамена забежишь домой, порадуешь своих, а потом сразу ко мне, я плов приготовлю, – напутствовал его накануне вечером Ахат Маннапович.

Экзаменатор оказался довольно молодым мужчиной. Он согласно кивал головой, слушая ответы Романа, но с каждой произнесенной им фразой отчего-то хмурился все больше и больше.

– Достаточно, – наконец произнес он и, взяв экзаменационный лист, что-то быстро в нем начертил, сложил вдвое и протянул абитуриенту:

– Вы, юноша, явно переоценили свои возможности, выбрав для сдачи вступительного экзамена арабский язык. Я поставил вам «неудовлетворительно».

– Что вы мне поставили? – недоумевая, переспросил Рома.

– Я поставил вам «два», неужели не ясно? Подготовьтесь, как следует, и на будущий год попробуйте поступать снова, если, конечно, не заберут в армию.

До дома Ахата Маннаповича Роман брел пешком. Он перебирал в памяти каждую произнесенную им арабскую фразу и не понимал, где совершил ошибку. Директор распахнул дверь сразу, видно с нетерпением ждал появления гостя. Понурый вид Романа как губкой стер с его лица улыбку, а из

глаз – выражение счастливого нетерпения.

– Что случилось, ты заболел?

– Здоров, – выдавил из себя Ромка.– Мне поставили «двойку».

– За что? Что ты натворил?

– Ничего я не натворил. Ответил на все вопросы, он гонял меня сначала по билету, а потом еще кучу дополнительных вопросов задал. И все равно – «два».

Предательская слеза скатилась на полосатую шелковую пижаму директора. Он обхватил голову руками и начал как-то странно раскачиваться из стороны в сторону. После чего Ахат Маннапович впал в настоящую буйную истерику. Он метался по комнате, извергая ругательства невесть в чей адрес, хватал трубку телефона, порываясь кому-то звонить. Потом умчался на кухню, извлек из холодильника запотевшую бутылку водки, опрокинул доверху наполненный стакан и угомонился.

Дома печальную новость восприняли на удивление спокойно. Мама Сима, конечно, повздыхала, что-то бормоча себе под нос, а мама Шоня ровным голосом посоветовала сыну прилечь и постараться уснуть. Через несколько дней он получил повестку из военкомата.

Результат медкомиссии ошарашил Ромку не меньше, чем двойка по арабскому. Врач заявил, что у призывника Лучинского плоскостопие и от службы в армии он освобождается. Никакого плоскостопия Ромка у себя сроду не заме-

чал и лишь недоуменно крутил в руках пахнувший типографской краской новенький военный билет, в котором появилась единственная чернильная запись: «В мирное время не годен, в военное годен к нестроевой».

– Вот и армии мой сын негоден, – не сказала, а прошептала мама Шоня, прочитав ту надпись. Потом спрятала военный билет в шкаф, где хранились все семейные документы и потянула сына за руку: «Пойдем, Роман, попьем чаю, да поговорим. Давно пора».

В тот вечер Ромка впервые узнал настоящее имя своего отца, историю любви своей матери. Мама Шоня рассказывала своему повзрослевшему сыну все без утайки – о внезапном и до сих пор непонятном исчезновении Джамала из ее жизни, и о тех мытарствах, которые ей пришлось перенести.

– Меня потом вызывали в КГБ, – вспоминала мать. – Якобы я неправильно написала ту бумагу, в которой обязалась никогда больше не интересоваться судьбой Джамала. Потом предложили мне подписать бумагу о сотрудничестве, когда я отказалась, грозили, велели подумать и сказали, что еще вызовут. Я попросилась поехать в колхоз на сбор хлопка, тогда как раз наших фабричных отправляли. В колхозе у меня чуть не случился выкидыш, положили в больницу на сохранение, так обо мне, видать, и забыли. А может, просто рукой махнули. На что им мать-одиночка с кроватной фабрики.

– Но я знала, что эта история нам еще аукнется, молила только, чтоб не на тебе. И вот... С университетом все ясно.

На этот факультет, я узнавала, берут только особо проверенных. Да и в армию тебя не взяли все по той же причине. Уж им-то хорошо известно, кто твой отец. Уехать тебе надо, сын, вот что я скажу, – вдруг решительно заявила она.

– Куда уехать, мама?

– Как куда? Ты же по матери – еврей. А в Израиле национальность детей определяется по национальности матери.

– Да при чем тут Израиль? – поразился он.

– Да при том, что здесь тебе жизни не будет. Помяни мое слово, не будет.

Х Х

Х

Выйдя из голландского посольства в Москве, где размещалась группа израильских дипломатов, Ромка еще раз внимательно вчитался в печатные строки белого листка, заменившего авиабилет. Да, все точно. Завтра в 19.00, аэропорт Шереметьево-2, рейс Москва-Вена-ТельАвив. С того памятного вечера, когда мама Шоня посоветовала ему уехать, прошло без малого пять лет. И вот теперь он – репатриант, человек без паспорта и даже без гражданства, которого его лишили, заставив при этом заплатить в сберкассе 250 рублей. А сколько событий произошло с ним за эти пять лет!

После окончания школы, бесславно провалив экзамен по арабскому языку и забракованный медкомиссией в военкомате, Ромка устроился мастером в телевизионное ателье. В

городе начался настоящий бум на цветные телевизоры. Были они, честно сказать, довольно барахляцкие, часто выходили из строя и профессия телевизионного мастера, до того довольно неприметная, вдруг стала важной и необходимой всем. Уже вскоре он снискал славу лучшего мастера в городе и заполучить на установку или ремонт цветного телевизора самого Романа Лучинского считалось столь же непростой и престижной задачей, как, допустим, раздобыть из-под прилавка остро дефицитный мебельный гарнитур иностранного производства. И хотя работать ему приходилось частенько до самого позднего вечера, дело свое он любил, да и деньги зарабатывал приличные. Уже через год приобрел двухкомнатную кооперативную квартиру в районе-новостройке, начал подумывать о покупке «Жигулей». Но тут беды, сначала одна, затем другая, обрушились на их семью.

Однажды воскресным вечером, когда он вернулся домой от очередного клиента, мама Шоня, как о чем-то обыденном попросила: «Отвези меня завтра утром в больницу, Роман».

– А что случилось? – спросил он, подняв глаза от тарелки.

– Да ничего особенного, просто провериться хочу.

Утром он вызвал такси по телефону, а когда садились в машину, мать назвала водителю адрес онкологической клиники. Из больницы через месяц он повез ее на кладбище. Когда разошлись немногочисленные бывшие соседи по коммунальному двору, мама Сима посмотрела на Рому ясными глазами и сказала: «Сыночек, похорони меня рядом с Соней».

Недолго уж мне осталось». Ее наказ ему пришлось выполнить через три месяца.

Вечерами он возвращался в пустую квартиру и не находил себе места. Пытался стряпать – все пригорало, либо убегало из кастрюли. Мокрая тряпка вырывалась из рук, свертывалась жгутом, хлестала по ногам и даже по лицу, но мыть пол никак не хотела.

От отчаяния и одиночества он попытался даже жениться. Но его избранница, юное существо с точеной фигуркой и кукольным личиком, оказалась не только непроходимо глупа, но и непреодолимо капризна. За мнимый, как выяснилось впоследствии, аборт, а скорее за собственное спокойствие, он отдал ей почти все, что скопил до этого на «Жигули» и потом еще долго поражался собственному, к счастью временному, ослеплению.

Приближался очередной Новый год. Утром Романа вызвал к себе заведующий телеателье.

– Рома, надо сгонять на продуктовую базу, там у директора телевизор барахлит, а они коллективом праздник отмечают в собственной столовой и непременно хотят «Голубой огонек» смотреть.

– Да когда ж я успею, Леонид Матвеевич? – взмолился Ромка. – У меня заказы на весь день расписаны. К тому же я и сам собираюсь новый год в гостях встречать.

– Вот и хорошо, что в гостях, – перебил его заведующий. – База эта непростая, там сплошь деликатесы. Хорошо спра-

вишься, не откажут тебе в паре банок икорки, да килограммчике балычка. Вот и порадуешь своих друзей, да и самым дорогим гостем для них сегодня будешь. Короче, не обсуждаем. С наступающим тебя, да езжай, не мешкай.

На базу он попал только часам к семи вечера. Тучный золотозубый директор, облаченный в наимоднейший костюм из блестящего серого дакрона, с огромным перстнем-печаткой на безымянном пальце правой руки воскликнул укоризненно: «А мы уж и не чаяли вас дожидаться. Но ваш начальник сказал, что приедет лучший мастер».

– Заказов было много, – проворчал Роман, снимая заднюю крышку цветного «Рубина». Поломка была непростой, а главное полетели два предохранителя, добраться до которых было целой проблемой. К тому же мешал суетливый директор, то и дело задающий свои дурацкие вопросы. Наконец, экран вновь засветился мерным голубым светом, а вслед за тем мультяшный волк в ярких цветных трусах погнался за неуловимым зайцем.

– Вот спасибо, уважили, ну право слово, уважили. Вы действительно большой мастер. Сколько мы вам должны? – затарахтел довольный директор.

– А можно мне вместо оплаты каких-нибудь продуктов у вас купить, а то идти в гости, а в магазин я уже никак не успеваю.

– О чем вы говорите, драгоценный мой. О каком «купить» толкуете?! Сейчас все принесут сюда, в кабинет, самое луч-

шее, самое вкусное. И никаких денег не надо. Вы нас так выручили.

Минут через двадцать он выходил из кабинета директора, унося с собой довольно увесистый пакет, в который даже заглянуть постеснялся. Мастер уже миновал, было, проходную базы, когда его окликнул вахтер: «Молодой человек, показываем вещи – что в портфельчике, а что в пакетике?»

– Я телевизионный мастер, вы же меня сами часа два назад пропускали. В портфеле инструменты, детали всякие, а пакет мне ваш директор вместо оплаты за работу дал.

– Насчет деталек ваших ничего против не имею, не наш ассортимент, – ворчливо заметил вахтер, – А вот на продукты должна быть товарная накладная, иначе не пропущу.

– А вы позвоните своему начальнику, он вам подтвердит, – посоветовал Рома.

– Звонить начальству прав мне не дадено, – возразил вахтер. Вон на стеночке висит внутренний телефон, под ним список номеров, сами звоните. Портфельчик свой заберите, а пакетик пока у меня полежит.

Один за другим набирал Рома номера внутренних телефонов, но ни один из них так и не ответил.

– Послушайте, – обратился он снова к вахтеру. – Телефоны не отвечают. Может ваши сотрудники уже новый год отмечают. Вы позвольте, я пройду еще раз к директору, попрошу у него накладную, или что там у вас положено.

– Никак нет, не позволю, – в голосе вахтера уже сквозила

явная издевка. – Заявочка на вас была выписана одноразовая, к тому же рабочий день закончился, а после рабочего дня посторонних не пускаем.

– Что же мне делать? – обескуражено спросил Рома.

– А идти отсюда по добру, да по здорову, пока у меня настроение хорошее. А то ведь вызову сейчас наряд милиции и оформим, как попытку вынести ворованный товар с государственной базы.

Ни к каким друзьям он в тот вечер не пошел. Купил по дороге бутылку шампанского, да так и не сообразил открыть ее в полночь – сидел на кухне и, раздосадованный, курил сигареты одну за другой. Объегорили, как пацана, да еще и позабавлялись всласть, злился он. Ишь, вахтер все разыграл, как по нотам, Сначала дал пройти почти через всю проходную, а потом вернул. И телефон директора не отвечал не потому, что он вышел, а просто знал, что кроме телемастера звонить с проходной больше некому. У него же на селекторе видно, откуда звонят... Увидев, что на часах уже миновала полночь, он решил просто побродить по городу, где выпал редкий для этих мест снег. А когда одевался, вдруг, неожиданно для себя, вспомнил слова мамы Шони и сказал, так же твердо, как и она когда-то: «Надо уезжать».

Х Х

Х

...С утра у лейтенанта Рони Авива было скверное настроение. Собственно, это скверное настроение не покидало его уже целую неделю. С тех самых пор, как его непосредственный шеф Эфраим Гуральски объявил, что Рони переводится в отдел по приему репатриантов в тельавивский аэропорт имени Бен-Гуриона. Да при этом еще и съязвил: «Как выдающийся знаток русского языка и загадочной русской души». Это была ссылка, и не просто ссылка, а ссылка позорная. И все из-за ерунды. Подумаешь, на два дня задержался в отпуске. Но как ему было вырваться из этого пленительного Парижа, особенно когда его красавица Литаль смотрела так умоляюще и просила еще хоть разок подняться на самый-самый верх Эйфелевой башни, а потом «еще хоть разочек» прокатиться на парходике по Сене. Да пусть весь мир перевернется, но он не откажет своей любимой, решил тогда Рони. А за два дня ни Ясир Арафат Израиль не признает, ни израильскую разведку не расформируют.

И вот теперь сиди здесь, задавай прибывающим репатриантом из России стандартные вопросы: «Кем вы работали в СССР, какую занимали должность, имели ли контакты с КГБ?»...

Через неплотно закрытую дверь Рони услышал шум множества голосов и понял, что приземлился очередной самолет. Он сверился с расписанием – так и есть, самолет из Вены. В динамике послышался голос диктора: «Дорогие репатрианты, поздравляем вас с прибытием на священную землю

Израиля. Сдайте, пожалуйста, свои въездные визы, по две фотографии и дождитесь вызова для получения удостоверения нового репатрианта. Мужчин свыше восемнадцати лет просим пройти в комнату номер одиннадцать». Динамик смолк, потом, через несколько минут, зазвучал снова, повторяя то же самое сообщение.

В дверь постучали, вошел высокий парень, при виде которого Рони обомлел. Он даже глаза протер, словно отгоняя наваждение. Перед ним стоял не еврей, а самый натуральный араб. Повинуясь какому-то наитию, Рони заговорил с ним на арабском, поздоровался и спросил, откуда он прибыл, как его имя и фамилия. Парень спокойно, без какого-либо волнения или смущения ответил ему на чистейшем арабском:

– Меня зовут Роман Лучинский, сейчас я прилетел из Вены, в Вену из Москвы, а родом я из Средней Азии.

– Вы говорите на русском языке? – спросил Рони, переходя на русский.

И снова спокойный ответ, теперь уже на безукоризненном русском: «Разумеется, я же родился и жил в СССР».

– Но вы еврей?

– Да, моя мама, Софья Ильинична Лучинская, еврейка, – и счел нужным уточнить. – Она умерла.

– А кто ваш отец?

Роман вспомнил последний вечер, который он провел у постели матери в больнице. Впервые она называла его не по имени, а так как привыкла называть мама Сима.

– Сыночек, заклинаю тебя. Никогда, никому не говори, кто твой отец. Раз и навсегда – забудь его имя. Если спрашивать будут, отвечай, что это я от тебя скрывала его имя. Ты слышишь? Никогда... Никому... – она стала задыхаться, и врач выпроводил его из палаты.

«Так кто ваш отец?» – повторил вопрос офицер и Роман, чуть смущенно улыбнувшись, ответил:

– Мама никогда не хотела говорить со мной об этом. Разговоры о моем отце в нашей семье были исключены.

Уже механически задавая другие необходимые для заполнения анкеты вопросы, Рони внимательно вглядывался в нового репатрианта, пытаясь составить его первичный психологический портрет. Он понимал, что перед ним человек неординарный и лихорадочно соображал, что теперь следует предпринять. Лучинский отвечал односложно и взгляда от Рони не отводил. У него был странный, немигающий взор. «Как у волка, подумалось Рони» и на полях анкеты он черкнул на иврите: «зээв» – волк.

Глава третья ШКОЛА

Едва за Романом закрылась дверь, Рони схватил телефонную трубку и начал лихорадочно набирать номер своего шефа, мысленно заклиная, чтобы Эфраим оказался на месте. Трубку сняли только после пятого гудка.

– Эфраим, я хочу, чтобы ты срочно приехал в аэропорт, – начал Рони.

– И немедленно тебя подменил, не так ли? – шутливо продолжил начальник, пребывавший, судя по игривым интонациям, в прекрасном расположении духа. – Или, может быть, рейсом из Парижа прилетел Исмаил Хания, вышел из самолета с белым флагом, а теперь просит тебя выписать ему документы нового репатрианта и оформить израильское гражданство, – продолжал балагурить Гуральски.

Рони понял, что понапрасну теряет время и потому сразу же перешел на официальный язык: «Господин майор, вариант «Бет». На их профессиональном сленге, вариант «Бет», названный второй буквой ивритского алфавита, означал ситуацию, требующую немедленного решения на месте. Майор враз сменил шутливый тон на деловой:

– Принято, немедленно выезжаю, – отозвался он и в трубке раздались короткие гудки.

Сразу вслед за этим Рони попросил зайти в его кабинет чиновника, отвечающего за подготовку документов для вновь прибывших.

– По венскому рейсу работы много? – спросил офицер.

– Да, хватает, Часа, думаю, на два, не меньше.

– Среди прибывших есть репатриант Роман Лучинский. Надо сделать так, чтобы он покинул аэропорт одним из последних.

– Нет проблем, – отозвался чиновник и, не задавая лиш-

них вопросов представителю спецслужбы, покинул кабинет.

Через полчаса появился Гуральски. Они надолго закрылись в кабинете, решая, как действовать дальше.

– В любом случае мы ни на минуту не должны выпускать его из нашего поля зрения, – рассуждал майор. – Только нужно найти такой вариант, чтобы он был предельно ограничен в контактах, но при этом, до поры до времени не догадывался, что вызывает наш особый интерес.

– А что если отправить его в кибуц «Зор Алеф», – предложил лейтенант.

– Молодец, лейтенант, прекрасная мысль! – удовлетворенно откликнулся Гуральски. – Для начала так и поступим. А вечером обсудим ситуацию с руководством и решим, как действовать дальше. Думаю, что настала пора и мне познакомиться с этим Лучинским. Тебе проводить с ним повторную беседу не следует. Парень он, судя по-всему, совсем не глупый и наверняка уже понял, какую службу ты представляешь. Я же вполне сойду за сотрудника репатриантской службы. Вот только под каким бы благовидным предлогом мне его пригласить?

– Нет ничего проще, – ухмыльнулся лейтенант. – Я сейчас распоряжусь, чтобы тебе передали все его документы, а ты, когда будешь ему их вручать, спокойно сойдешь за работника репатриантской службы и поговоришь без помех.

На том и остановились. Через несколько минут Роман Лучинский, прибывший из Советского Союза, получил голу-

бенькое книжечку, удостоверяющую его статус нового репатрианта и гражданина государства Израиль.

– Присядьте, молодой человек и выслушайте меня внимательно, – предложил ему Эфраим Гуральски. – Если я правильно понял, в Израиле у вас нет ни родственников, ни даже знакомых...

Лучинский согласно кивнул, подтверждая: «Никого».

В таком случае, я полагаю, вам вполне подойдет новая программа, предусматривающая абсорбцию для одиночек, прибывающих в страну. Программа рассчитана только на молодых людей в возрасте до двадцати пяти лет, так что этому критерию вы вполне соответствуете. Итак, я предлагаю вам отправиться в кибуц. Вы знаете, что это такое?

– Ну, что-то вроде колхоза, – неуверенно предположил Роман.

– В принципе правильно, но это слишком узкое трактование понятия «кибуц», – заметил Эфраим. – Хотя в этом вы еще успеете разобраться. Я же сейчас толкую о другом. В каждом кибуце есть непременно какое-либо производство, иногда даже научные лаборатории. В кибуце, который я хочу предложить вам, есть мастерская по сборке телевизоров. Нам конечно до японских телевизоров еще очень далеко, но зато наши, местные, и по цене значительно дешевле. Учитывая вашу профессию, вам это вполне подойдет. В кибуце вы пробудете полгода – так предусмотрено программой. За это время вы сумеете, хотя бы поверхностно, узнать иврит,

осмотреться, Через полгода можете выбирать себе любое место жительства в стране, а может быть, и из кибуца сами уезжать не захотите – жизнь покажет. Начальное пребывание в кибуце хорошо еще и тем, что вам не нужно будет самому заботиться о бытовой стороне жизни. Вас обеспечивают жильем и трехразовым питанием, что для человека без семьи весьма существенно. Единственное неудобство заключается в том, что кибуц «Зор Алеф» находится довольно далеко от центра. Но, учитывая преимущества вашей программы, я думаю, с этим недостатком, можно на какое-то время смириться. У вас еще будет возможность как следует ознакомиться со страной.

– Я согласен, – не раздумывая, ответил Роман.

Поздним вечером майор Эфраим Гуральски и лейтенант Рони Авив докладывали о своих соображениях молоджавому на вид бригадному генералу. Генерал уже успел ознакомиться с анкетой Романа Лучинского и теперь, не перебивая, слушал подчиненных. Рони горячился, доказывая, что им попался поистине уникальный экземпляр, Гуральски, как мог, то и дело охлаждал пыл молодого лейтенанта.

– Ну что ж, подведем некоторые итоги, – произнес наконец генерал. – Вы позволите это сделать мне, господин лейтенант, или у вас есть веские возражения против моей кандидатуры?

Рони вспыхнул от смущения и только закашлялся.

– Будем считать, что высокие договаривающиеся сторо-

ны пришли к соглашению, – улыбнулся генерал и, враз по-серьезнев, продолжил. – Парень на самом деле необычный. Внешность типично арабская, знание языка практически безукоризненное, разве что подшлифовать немного. Но можем ли мы сейчас дать однозначный ответ на вопрос, приехал ли он сюда по доброй воле, или является агентом Кей Джи Би (так многие на Западе называли КГБ – авт.)?

– Меня и самого весь день преследуют сомнения по этому поводу, – признался майор Гуральски.

– Ну, если бы подобные сомнения были тебе чужды, ты бы вряд ли дослужился до майора, – ухмыльнулся генерал и по его тону было понятно, что он симпатизирует этому толковому офицеру своего управления. – Значит, необходима проверочная операция, иного пути, я, пожалуй, не вижу.

– Слишком сложно, – усомнился Гуральски.

– Сложно, не спору. Надо задействовать нашу агентуру, на сбор всех возможных сведений времени уйдет немало. Но вполне может оказаться, что в этом случае наши действия, какими бы сложностями они не сопровождались, в итоге дадут весьма ощутимый результат. Постараюсь завтра убедить в этом наше руководство. А вы, господа, позаботьтесь, чтобы Волк – ведь так ты его назвал, Рони? – был под нашим постоянным контролем.

– С завтрашнего дня в кибуце «Зор Алеф» начинает работать новый преподаватель иврита. Весьма молодой и энергичный человек, которому несложно будет подружиться с

нашим подопечным, не вызывая у него никаких подозрений. Желаете знать его имя, господин генерал?

– Я иногда бываю несносным бюрократом. Желаяю.

Майор достал из папки листок с фотографией и установочными данными агента-преподавателя и протянул его генералу. Тот внимательно ознакомился с содержанием и удовлетворенно заметил:

«Лучшего варианта и я бы не смог предложить. А русский язык он знает?»

– Большинство учителей иврита русского не знают, в этом, кстати, заключается их методика. В нашем же случае я учел несколько иной аспект. Наш протеже прекрасно говорит на арабском, так что в общении они затруднены не будут, к тому же мы получим возможность оценить, насколько глубоки знания арабского языка у нашего Волка.

Прошло четыре месяца. Спокойная размеренная жизнь довольно богатого кибуца и его обитателей пришлась Роману по душе. Ему нравилось здесь все. Его уютная комнатка, сияющая чистотой и солнечным светом, день и ночь ворчащее неподалеку Средиземное море, просторная столовая, где питались все местные обитатели. От изобилия блюд у Романа поначалу глаза разбегались. Одних салатов он в первый день насчитал шестнадцать. В столовой все собирались в определенные часы. Действовала система самообслуживания. Каждый брал себе все, что хотел, и сколько хотел – соответственно аппетиту и вкусам. Нравилась ему и его новая рабо-

та. В мастерской действительно собирали местные телевизоры. Внешне неказисты, они тем ни менее отличались надежностью и изображение давали достаточно приличное. Обитатели кибуца к новичкам относились достаточно приветливо, но с особыми расспросами в душу не лезли, здесь это было не принято. Люди были поглощены работой, собственными житейскими заботами. В будни вкалывали, в выходные отдыхали, устраивая шумные застолья в столовой, либо уезжая куда-нибудь, преимущественно в ТельАвив, развлекаться. В кибуце имелось несколько хороших автомашин, достаточно было диспетчеру заранее сообщить о своем желании поехать, и в распоряжение кибуцников предоставлялась машина.

Особенно сдружился Роман с преподавателем иврита. Авраам, или Ави, как представился он при первом знакомстве, был лет на пять старше Романа, но строгого педагога из себя не корчил. Группа у них подобралась небольшая – всего девять человек, репатрианты из разных стран. Из СССР Лучинский был единственный. На занятиях пытались разговаривать только на иврите. Если к Ави кто-то обращался с вопросами на ином языке, он делал вид, что не слышит. Объяснял значение слов всеми доступными методами, включая мимику, жесты и игры. Язык, казавшийся поначалу невероятно мудреным, на деле оказался весьма логично организованным.

– Это естественно. – пояснял Авраам. – Составитель со-

временного иврита Бен-Иегуда был по профессии математиком, поэтому построение иврита столь логично и выверено. Достаточно выучить двести слов и понять, как преобразуются глаголы, чтобы заговорить на иврите, – уверял своих учеников преподаватель.

Вместе с Ави группа новых репатриантов уже побывала на экскурсиях в Иерусалиме, Хайфе и Тель-Авиве, ездили они на Мертвое море, и на крокодиловую ферму, побывали в поразившем воображение Романа сафари, где вольно гуляли по дорожкам страусы и пеликаны, а огромный орангутанг по прозвищу Вратарь, забавляя всех, детвору особенно, ловко ловил бросаемые ему мандарины.

В общем-то, если не считать ранних детских лет, это были самые беспечные четыре месяца в его жизни. Он любил встать пораньше и, прихватив полотенце, отправлялся к морю. Плескался в волнах до изнеможения, потом растягивался на еще прохладном утреннем песочке. Но как бы рано не приходил Роман на побережье, он всегда встречал здесь группу парней, совершающих по кромке берега пробежку. Судя по их потным лицам, пробежка занимала у них довольно много времени. Как-то и Роман попробовал пробежаться по песку. Это оказалось неожиданно трудным занятием. Поначалу ныли мышцы ног, болела поясница. Но постепенно он втянулся и даже находил удовольствие в этих пробежках. Вскоре к нему присоединился и Ави. Роман с удивлением смотрел на своего старшего приятеля, который в беге по пес-

ку демонстрировал чудеса неутомимости. Заметив удивленный взгляд, Ави лаконично пояснил: «Я же армию отслужил, а для солдата бег по песку – первое упражнение».

Х Х

Х

Однажды во время ужина Ави обратился к Роману с неожиданным предложением: «Давай завтра прокатимся в ТельАвив».

– Так ведь рабочий же день...

– Пустяки, с начальником мастерской я договорился, он тебя отпускает. Побродим по городу, посидим в кафе у фонтана на Дизенгоф-центре, оттуда вид открывается просто чудесный, – увещевал его Ави, а потом добавил. – К тому же с тобой хочет поговорить один твой знакомый.

– Какой еще знакомый, – удивился Роман. – Откуда у меня в Израиле знакомые, кроме здешних?

– Ну, завтра сам увидишь, – туманно ответил Ави. – Значит, договорились?

– Хорошо, давай съездим, – ответил Роман, уже понимая, что за этим предложением кроется нечто иное, чем обычная прогулка.

Этому разговору предшествовала целая череда напряженнейших совещаний в неприметном строгом здании без всяких вывесок и каких-либо иных опознавательных знаков, а

еще ранее – кропотливая деятельность людей, которые не всегда даже знали, с какой целью и для чего выполняют они возложенную на них миссию.

О полученных сведениях бригадному генералу докладывал майор Эфраим Гуральски, а затем они вместе отправились на доклад к одному из руководителей израильской разведки.

– Предпринятая нами проверка, – сообщал генерал своему непосредственному шефу, – дала довольно любопытный результат. Мать Лучинского влюбилась в молодые годы в арабского коммуниста Джамала Зевар-Ага. Судя по-всему, это был тот еще конъюнктурщик. Поняв, что в СССР его жить не оставят, он познакомился в Москве с некой шведкой и вместе с ней сумел удрать в Стокгольм, где проживает и теперь. Он не только ничего не знает о существовании своего сына, но даже и о беременности своей бывшей возлюбленной не догадывался. Удрал, как последний трус, даже не попрощавшись с любимой. Лучинский уверяет, что в их семье о его биологическом отце говорить было не принято и он даже имени его не знает.

– Сомнительно, господа, вам так не кажется?

– Кажется, – согласно кивнул генерал. – Но сути дела это, по большому счету, не меняет.

– Вот как раз по большому счету и меняет, – резко возразил шеф разведки. – К чему скрывать такую очевидную деталь, какая истинная причина в этом сокрыта?.. Не исклю-

чаю, конечно, мысль, что за этим могут быть причины сугубо семейные, нежелание говорить о личной жизни матери, тем более, что ее уже нет, но возможно причина куда более серьезна. Ну, хорошо, к этому мы еще непременно вернемся. Что в остальном? – и он испытующе взглянул на майора.

– В остальном все подтверждается. Рос себе парень, увлекался радиотехникой. Директор его школы, сейчас он на пенсии, выпускник факультета восточных языков местного университета, занимался с мальчишкой арабским, готовил к поступлению на свой бывший факультет. Понятное дело, его на вступительных экзаменах срезали – с подобной биографией на такой факультет не принимают. По той же причине не взяли и в армию. Способный парень вынужден был работать телевизионным мастером в обычном ателье при доме быта. Потом засобирился в Израиль. О причинах отъезда никому не говорил. Да и говорить к тому времени было уже не с кем. Из родных никого не осталось, а близких друзей не было, он вообще довольно замкнутый. Но есть еще одна деталь, которая беспокоит нас гораздо больше, чем то, что он скрыл от нас имя своего отца. Вызов из Израиля он получил через еврейские организации – тут как раз все чисто. А вот как его выпустило КГБ – мне лично непонятно, а выяснить подробности не удалось. Там стараются одиночек не выпускать. Роман Лучинский, выходит, оказался редким исключением.

– Может быть, как раз за него сыграло то обстоятельство, что у него нечистая биография. Так сказать, избавились и –

слава Богу, – высказал предположение бригадный генерал.

– Считаете, у нас вполне достаточно данных, чтобы провести с ним установочную беседу?

– Полагаю, что так, – высказался генерал.

– Кто будет беседовать?

– Майор Гуральски. Они уже встречались в аэропорту Бен-Гуриона, так что эффект первого знакомства мы можем вполне логично использовать.

– Не возражаю, – подвел итоги совещания руководитель. – С этого момента докладывать обо всем, что касается Волка, будете мне лично. Удачи!

...В Тель-Авиве все было так, как обещал Ави. Сначала они погуляли в центре, выпили кофе у фонтана огромного торгового центра «Дизенгоф», а потом оказались у входа в высотное здание в самом центре города.

– До недавнего времени это было самое высокое здание Тель-Авива, но скоро построят еще выше, – пояснил Ави. – Здесь полно всяких магазинов, офисов, даже правительственных учреждений.

Они вошли в огромный холл, поднялись в просторном лифте и оказались перед глухой дверью без всяких табличек. Пропел приятную трель электронный звонок, с тихим жужжанием замка отворилась дверь, и навстречу вышел черноволосый смуглый мужчина, показавшийся Роману знакомым. Он напряг память и припомнил, что с этим человеком встречался в аэропорту, когда прилетел в Израиль – тот

вручал ему удостоверение нового репатрианта и убеждал поехать в кибуц. Роман и не заметил, куда исчез Ави. В небольшой комнате, где из мебели были только два глубоких кресла и низенький столик, они остались вдвоем.

– Можешь называть меня Шай, – сообщил Гуральски на достаточно приличном, лишь с легким акцентом, русском языке. – Ну, а твое имя я, конечно, помню. – Разговор у нас будет долгим, так что давай закажем кофе, чай, или другие напитки. А может быть, ты голоден, тогда нам принесут сэндвичи.

– Нет спасибо, – отказался Роман. – Я бы с удовольствием выпил холодной воды.

– Ну что ж, воду сейчас принесут, а пообедаем позже, – легко согласился его собеседник. – Ну, а пока побеседуем. Как ты относишься к Израилю? – огорошил он Романа первым вопросом, показавшимся ему каким-то чересчур уж любовным.

– Что значит, как отношусь. Нормально отношусь. В кибуце мне нравится, учу язык, работаю, отдыхаю. Может, вас что-то конкретное интересует, так вы уточните.

– Хорошо, уточню. Конечно, те четыре месяца, что ты здесь провел, слишком небольшой срок... Но все же спрошу. Считаешь ли ты Израиль страной, которая может стать твоей родиной? Настоящей родиной.

– Это и правда вопрос, на который так сразу не ответишь. Вы же наверняка знаете, что жизнь в кибуце довольно за-

мкнутая, особенно у меня – работа, учеба. Я еще мало что видел, почти ничего не знаю, ни обычаев, ни людей. Пока мне все нравится и я ничего плохого про Израиль сказать не могу.

Гуральски сменил тактику разговора. Теперь он расспрашивал Романа в подробностях о его работе, о том, как ему дается иврит, о взаимоотношениях с окружающими людьми, довольно покивал головой, когда Рома рассказал ему о своих утренних пробежках по побережью. Потом он неожиданно поставил на столик руку с упором на локте и предложил Роману: «Потягемся». Через мгновение майор почувствовал, что его ладонь оказалась в стальных тисках, припечатанная к поверхности стола. Он едва перевел дыхание и, потирая враз покрасневшую руку, с усилием произнес:

– Ну и силища у тебя, парень. Откуда?

– С кузнецом дружил, помогал ему понемногу, – не вдаваясь в подробности, коротко ответил Рома.

В дверь постучали и девушка в длинной до пят юбке внесла поднос с бутербродами и кофе. Когда с обедом было покончено, майор предложил Роме сигарету, закурил сам и заговорил снова:

– У меня сложилось впечатление, что парень ты прямой и потому скажу тебе прямо. Мы хотели бы предложить тебе одну работу. Интересную и чрезвычайно важную. Но даже для того, чтобы просто рассказать тебе об этой работе, хотя бы в общих чертах, нам необходимо убедиться, что ты с нами

вполне искренен.

– Да мне скрывать нечего, – пожал плечами Роман.

– Англичане в таких случаях утверждают, что у каждого в шкафу спрятан свой скелет, – ухмыльнулся майор. – Согласись, что есть достаточная степень риска, когда доверяешься малознакомому человеку и поэтому хотелось бы этот риск свести до минимума. Ты понимаешь, о чем я толкую?

– Не свосем, – признался Лучинский. – Вы же мне толком так ничего и не сказали, как же я могу вас понять, Шай?

– Ну хорошо, – словно принимая какое-то очень важное для себя решение, откликнулся Гуральски. – Ты что-нибудь слышал, или, может быть, читал о приборе, который называется «Полиграф»?

– Детектор лжи, что ли?

– Вот именно, детектор лжи. Как ты отнесешься к тому, что мы тебя попросим пройти проверку на полиграфе. Это, разумеется, дело совершенно добровольное и обязать тебя никто не имеет права. Но если, как сам сказал, тебе скрывать нечего, то...

«Да я согласен», – перебил его Роман, несколько обескуражив скорым ответом своего собеседника. Майор не ожидал, что он согласится так легко и без колебаний, даже не пытаясь выяснить, для чего нужна такая проверка. В соседней комнате мужчина в белом медицинском халате, осведомился у Романа о его самочувствии, о том, как спал минувшей ночью и, предварительно измерив кровяное давление,

стал прилаживать многочисленные датчики.

– Отвечать на вопросы только односложно, – предупредил он. – Никаких пояснений и отступлений не требуется, только «да» и «нет». Понятно? Тогда приступим. Вы приехали из СССР?

– Да.

– Ваша мать жива?

– Нет.

– Вы давали подписку о сотрудничестве с КГБ?

– Нет.

– У вас есть оперативный псевдоним?...

Вопросы следовали один за другим, то в убыстряющемся, то в замедленном темпе. Через полчаса, доктор отцепил от него датчики и они снова перешли в комнату, где беседовали до этого. Затем майора вызвали и отсутствовал он довольно долго.

Доктор попросту огорошил Эфраима:

– Я бы мог подумать, что прибор вышел из строя, но полиграф в совершенно исправном состоянии, – говорил он. – Этот мальчишка спутал нам все карты. Такое впечатление, что он попросту издевался над нами, давая заведомо ложные ответы на самые безобидные вопросы. Так что я теперь не могу сказать, когда он врал, а когда говорил правду. В любом случае, с этим парнем надо ухо держать остро и попытаться понять, что у него на уме.

Эфраим не торопился возвращаться к Лучинскому. Следовало обдумать все, что сообщил ему врач. Неужели их подозрения, что перед ними агент советской разведки, имеют под собой серьезные основания. Но когда его успели так вышколить? Ведь нужны долгие годы упорных тренировок, чтобы с таким мастерством владеть искусством притворства. Мысли путались, а посоветоваться прямо сейчас было не с кем. Решение нужно принимать самому. Или прервать беседу до следующего раза. А до какого следующего?.. Так ничего толком и не решив, майор вернулся к Роману. Тот безмятежно отхлебывал воду из высокого стакана, немигающим взглядом глядя прямо перед собой. «И правда, как волк, подумал Гуральски. Точно Рони подметил, молодец». И тут же задал вопрос, который возник у него в голове совершенно неожиданно:

– Ты уже когда-то проходил проверку на полиграфе?

– И не раз, – невозмутимо подтвердил Рома.

Эфраим едва не подпрыгнул от изумления: «Где, когда, кто тебя проверял?» – засыпал он его вопросами.

– Ну вы же знаете, что я увлекался радиотехникой. Один раз в журнале прочитал описание детектора лжи и сам его сконструировал. Мы потом с пацанами друг друга проверяли, пока не надоело.

– Так что же ты молчал об этом?!

– А меня никто не спрашивал.

– Ну что ж, резонно, мы как-то упустили из виду, надо бы-

ло поинтересоваться, знаком ли ты с этим прибором. Один ноль в твою пользу. Скажи, ты мог бы остаться сегодня в Тель-Авиве?

– Если нужно... Но я же никого в кибуце не предупредил, что не вернусь.

– Ну это мы как-нибудь уладим, не волнуйся. Поехали.

Эфраим отвез Романа на конспиративную квартиру, сказал, что приедет к восьми утра, порекомендовал как следует выспаться, а сам, уже изрядно вымотанный этим нелегким днем, отправился на доклад к бригадному генералу – тот ждал его с нетерпением и велел приехать в любое время.

Генерал слушал своего офицера, не перебивая и не задавая ни единого вопроса. И лишь когда Гуральски умолк, категорично потребовал:

– Выводы, майор.

Гуральски надолго задумался, потом четко, без колебаний, произнес одно-единственное слово:

– Школа.

Х Х

Х

Рассвет еще только начинал брезжить, когда Волк открыл глаза и, не разрешая себе больше нежиться, сильным движением выбросил мускулистое тело из кровати. Делая привычную гимнастику, взглянул на часы, фиксируя время, по-

том перевел взгляд на календарь. Сегодня ровно год, как он здесь.

...После той памятной поездки в ТельАвив, Роман в кибуц больше не вернулся. Утром за ним заехал Эфраим, усадил его в машину и уже через два часа они входили в подъезд многоквартирного дома в Хайфе. Здесь он прожил около трех месяцев. На прощанье майор Гуральски сказал:

– Люди, которые будут открывать входную дверь своим ключом – мои коллеги. Отнесись к ним с полным доверием, а я рассчитываю, что и ты вызовешь доверие у них. Запомни важное. Никто из приходящих сюда людей не знает твоего имени. Но если кто-либо вдруг обратится к тебе по имени, неважно, как тебя назовут – твоим или чужим именем, ты должен сделать следующее. В тумбочке твоей спальни стоит телефон без цифрового диска. Тебе надо поднять трубку и сразу опустить ее обратно. Это все. Устраивайся.

Оставшись один, он прошелся по квартире. В холодильнике обнаружилось достаточное количество всяческих продуктов. В платяном шкафу были развешаны брюки, рубашки, на полках, аккуратно сложенное, лежало белье.

На следующий день заскрежетал ключ в замке, в квартиру вошел плотный мужчина, чье лицо было изборождено такими глубокими морщинами, что они казались шрамами. Он основательно устроился в кресле, закурил и, тоном не терпящим возражений, не попросил, а потребовал, чтобы молодой человек рассказал ему в самых мельчайших подробностях о

своей жизни.

– С какого момента? С рождения?– попытался съязвить Рома.

– С того момента, как отчетливо себя помнишь. Русский писатель Лев Толстой помнил себя с двухлетнего возраста, Альберт Эйнштейн – примерно с такого же. А ты?

Посетителей было трое, они чередовались неделями, разговаривали преимущественно на арабском, иногда переходили на иврит, что для Ромы было сложнее всего. Но они обладали завидным терпением, помогая своему собеседнику подыскивать нужные слова на мало доступном пока языке. Впрочем, природные способности выручали его и здесь. Однажды кто-то из пришедших, прервав беседу, попросил:

– Яков, нельзя ли мне стакан воды, в горле пересохло.

Рома молча встал, но вместо кухни тотчас отправился в спальню, поднял и тут же опустил трубку телефона, который, как и говорил Эфраим, обнаружил в прикроватной тумбочке. Не успел он сделать еще и шага, как телефон зазвонил.

– Все в порядке, – услышал он голос в трубке. – Мы просто проверяли, не забыл ли ты наших инструкций.

Так прошло около трех месяцев, когда в квартире, в сопровождении Эфраима, появился бригадный генерал. Разговор с этим неординарным человеком навсегда врезался Роману в память, оставил глубочайший след в его душе. Хотя разговор шел у них о проблемах отнюдь не духовных. Генерал с неподдельной тревогой и подкупающей искренностью

говорил о той угрозе, которую несут миру террористические организации различного толка, особо подчеркивая наибольшую опасность исламских группировок.

– К сожалению, политики и деловые круги большинства стран мира не хотят всерьез воспринимать эту угрозу, не понимая, что мы уже стоим на пороге катастрофы. Террористическая война грозит перерасти в мировую и тогда остановить эту силу будет намного сложнее, – рассуждал генерал и убежденно произнес. – Если третья мировая война и начнется, то это будет террористическая война.

Роман уже смутно догадывался, что эти беседы ведутся с ним неспроста. И хотя не знал ни звания, ни должности своего собеседника, интуитивно понимал, что с ним говорит весьма высокопоставленный человек, обладающий знаниями совершенно особого порядка, того, который открывает доступ к самой секретной информации. И он не ошибся. Во время очередной встречи генерал считал возможным высказаться напрямик. На эту встречу он приехал без сопровождения.

– Мы хотим предложить тебе стать участником нашей общей борьбы. И не просто участником, а активным бойцом.

– Но что я умею? – усомнился Роман.

– Дело не в умении, это, в конце-концов, наживное, – поморщился генерал. – Определенные навыки можно привить многим. Тут все дело в убеждении. Нужно понимать, ради чего ты пойдешь на риск, самоотречение, лишения и неудоб-

ства. Нужно быть готовым на многие отрешения. Тебе предстоит прожить совершенно иную жизнь, забыть не только свое имя и биографию, а превратиться в иного человека. Ежесекундно находиться на грани жизни и смерти. Играть и притворяться, но делать это так искусно, как не способен ни один актер. Потому что провал роли грозит актеру всего моральными угрызениями, в худшем случае свистом из зала. Провал разведчика означает только одно – смерть. Я не пугаю тебя, но обязан предупредить. И если ты откажешься, если не готов к такой жизни, скажи мне об этом прямо. Тебя никто не осудит. Мы просто попросим, чтобы ты навсегда вычеркнул из своей памяти все наши встречи и разговоры, забыл о том, что с тобой происходило за эти несколько месяцев. Ты вернешься к обычной жизни и мешать тебе никто не будет.

– Когда я должен дать ответ?

– Здесь и сейчас. – И генерал испытующе поглядел на молодого человека.

Роман не отвел своего взгляда, произнеся коротко: «Я согласен».

– А знаешь, я почему-то не сомневался в твоём ответе. Тебя отвезут в школу подготовки агентов-нелегалов. Отныне звать тебя будут Зээв, что в переводе означает волк. Имя это в Израиле достаточно распространенное, так что удивления оно не вызовет. Для тебя же оно станет частью моего личного пароля. Завтра тебе нужно будет выполнить несколь-

ко формальностей, написать расписку о неразглашении тайны, оформить еще кое-какие бумаги и открыть счет в другом банке, куда будет поступать твое жалованье. Ну, это все тебе объяснит Шай, когда заедет за тобой. Никаких вещей с собой брать не надо. Тебе все выдадут в школе. А сейчас пойдем на кухню. Я хочу угостить тебя рыбой по-мароккански. Рыбу я привез с собой. Как чувствовал, что она пригодится – отметить твое вступление в новую жизнь.

Ловко разделявая огромную рыбину, посыпая ее специями, сдабривая зеленью и чесноком. Генерал весело поведал, что он прекрасный кулинар и если ему удастся выкроить время и что-то приготовить дома, вся семья бывает в восторге. Так что сегодня и Роману предстояло оценить кулинарные способности генерала. «Мы даже выпьем с тобой немного водки, как говорят русские «на дорогу». Ты пьешь водку?», поинтересовался генерал.

– Русские не говорят «на дорогу», они говорят – «на дорожку», – машинально поправил его Волк. – А водку я не пью. – И он засмеялся своим воспоминаниям. – Мне лет десять было, когда мы, мальчишки, помогали на свадьбе подносы разносить, посуду со столов убирать. Гости уже расходились, а мне ужасно пить захотелось. На столе уже все бутылки убрали, ни воды не осталось, ни лимонаду. А тут смотрю, стакан стоит почти полный, вроде как с водой. Я и выпил залпом, а там водка оказалась. С тех пор я о ней даже думать не могу.

– Ну и не думай, раз не можешь, я тоже, признаться, не большой любитель. В холодильнике, я видел, несколько банок пива есть, так что мы им и удовлетворимся...

Х Х

Х

С того вечера, так круто изменившего всю его жизнь, прошел год. И вот теперь, занимаясь утренней гимнастикой, Волк отчего-то вспомнил, какую восхитительную рыбу на самом деле приготовил тогда генерал. Они засиделись допоздна. Пиво из холодильника так достать и не удосужились. Генерал не запугивал, а спокойно говорил о той жизни, которая теперь ему предстоит, и Ромке в тот вечер почудилось, что с ним говорит отец. Во всяком случае, вот так, наверное, и должен разговаривать заботливый отец, провожающий сына в дальнюю дорогу. С ним-то никто и никогда так не говорил. Когда они расставались, Роман неожиданно для себя произнес: «Мне бы очень хотелось познакомиться с вашими сыновьями, побывать за вашим семейным столом и еще раз отведать этой дивной рыбы». Генерал посмотрел на него долгим, нескрываемо печальным взглядом и только после затянувшейся паузы ответил: «С сегодняшнего дня тебе необходимо привыкать к мысли, что большинство твоих личных желаний так и останутся неосуществленными. Ничего не попишешь. Ты сам сделал выбор»...

– Зээв, ты чего возишься, на завтрак опоздаем, – прервал его воспоминания, пробегая мимо, постоянный напарник и товарищ по школе Галь (в переводе с иврита – волна. Авт.).

Волк вытянул ногу, но Галь боковым зрением увидел, ловко перепрыгнул и со смехом промчался дальше.

– У нас сегодня автовождение, если я ничего не путаю? – спросил Волк Галя за завтраком.

– Отменяется, – ответил тот беспечно. – Почему, не знаю, – упредил он следующий вопрос. – Предупредили, что вместо вождения самостоятельные занятия в библиотеке.

– О, здорово, я как раз кое-что хотел посмотреть, – откликнулся Волк.

– Ну, ты у нас известный книжный червь, – подначил товарища Галь. – Всем известно, тебя хлебом не корми, дай с книжкой посидеть.

– Конечно. Ты-то предпочитаешь с пистолетом бегать, а книги добру учат, – не остался в долгу Волк.

– Аль Капоне любил говаривать, что доброе слово и пистолет в придачу действуют на людей куда убедительнее, чем просто доброе слово, – наставительно отозвался Галь.

Так беззлобно перешучиваясь, они покончили с завтраком и отправились в читальный зал, где, разделенные ширмами, стояли столы с уютно светившимися лампами. В читалке каждый курсант занимался так, что никто не мог видеть, над каким материалом он работает, что именно читает. Время близилось к обеду, когда Волка вызвали к начальни-

ку школы. В его кабинете он, к собственной радости, увидел бригадного генерала. «Ну надо же, только утром его вспоминал, а тут он и сам пожаловал», подумалось Волку.

– О твоих успехах мне известно все до мельчайших подробностей, – заговорил генерал после того, как они обменялись приветствиями. Не скрою, меня радует, что наставники особо выделяют твои аналитические способности и прекрасную память. Тренер по рукопашному бою тоже отмечает, что ты заметно прибавил. А вот инструктор по стрельбе тобой недоволен. Стреляет, говорит, он вроде и неплохо, а вот к оружию равнодушен.

– Можно сказать, в точку попал, – не стал ни отрицать, ни возражать Волк. – Оружие никаких особых эмоций у меня не пробуждает.

– Послушай, Зээв. – Конечно, самое сильное оружие разведчика – это его голова. Но тебя готовят к весьма специфической деятельности. И неизвестно еще, в каких передрягах ты побываешь прежде, чем понадобятся твои аналитические способности. Стрельбу подтянуть! – приказным тоном, не терпящим возражений, заявил генерал. – А теперь отправляйся обедать. После обеда займись сбором в дорогу. Завтра утром вы с Галем летите в Европу. Задание получите от меня вечером.

Привыкший за год обучения в школе не задавать лишних вопросов, Волк вышел из кабинета.

Вечером в специальном кабинете, где не было окон, а

вместо мебели вдоль стен стояли стеллажи из стальных сейфов, заместитель начальника школы по оперативной подготовке вручил им довольно потрепанные загранпаспорта с изрядным количеством пограничных штампов самых разных стран, а инструктор детализировал задание. Курсантам предстояло вылететь в Вену, там поочередно следить друг за другом, пытаясь, естественно, избавиться от слежки. Кроме этого им следовало познакомиться с одним местным жителем и двумя приезжими, узнать об этих людях как можно больше, а потом изложить в рапорте. Напутствующий их инструктор подчеркнул, что все трое должны быть людьми разного возраста и разных социальных групп.

– Ну конечно, тебе-то в Вене, как рыбе в воде, у тебя с немецким языком полный порядок, – заныл Галь, как только они остались одни. – А у меня сплошные проблемы, терпеть не могу этот немецкий.

– Я думаю, наши начальники и этот аспект не пропустили мимо своего внимания, – задумчиво сказал Волк. – Пойдем-ка лучше в кинозал и закажем фильм-путеводитель по Вене. Не помешает.

Х Х

Х

Красавица-Вена очаровала молодых людей. Стояла ранняя теплая осень. Листва с деревьев еще даже желтеть не на-

чала и буйная зелень источала непередаваемые ароматы. В парке Штрауса, где из цветов был выложен гигантский скрипичный ключ, играла тихая музыка, летние кафе были забиты туристами. Галь и Зээв поселились, в соответствии с инструкцией, в разных гостиницах. «Случайно познакомиться» они имели право только через неделю, при условии, что создадут для знакомства вполне естественные обстоятельства.

В первый же день Волк довольно легко обнаружил слежку своего напарника и избавился от нее без всяких затруднений. Потом сам был огорчен и даже несколько растерян, когда Галь, спина которого отчетливо маячила у него перед глазами, вдруг исчез, как растворился. Приятели чередовались в слежке, умело используя все те методы и приемы, которым их обучили в школе, изобретали по ходу собственные. Свое задание они воспринимали скорее игрой, нежели серьезной проверкой собственных возможностей – настолько легко им все удавалось.

В тот день Волк решил непременно съездить в частную картинную галерею Рудольфа Леопольда, которая находилась в седьмом районе Вены. Об этой галерее рассказывали легенды. Поговаривали, что она насчитывает свыше пяти тысяч шедевров мировой живописи, которые оцениваются на сумму свыше ста миллионов долларов. Основу частной коллекции составляли полотна, в годы Второй мировой войны отнятые нацистами у евреев. Леопольд не признавал рести-

туции – то есть возвращения произведений искусства их законным владельцам, а в случае возникновения исков предпочитал расплачиваться деньгами, а не картинами. Волк достаточно много читал о коллекции Леопольда и с утра решил отправиться в венский квартал музеев, где располагалась галерея. Слежку за собой он заметил, едва вышел из гостиницы. Но это был не Галь. Тщедушный человек в неброском твидом пиджаке попадался ему на глаза уже не в первый раз, но всегда в центре города, где толпами гуляли туристы, частенько на глаза попадались одни и те же группы. Позже Волк и сам не мог дать себе ясного ответа, отчего он обратил внимание именно на этого субъекта. Скорее всего, сработала интуиция. Однако сегодня он уже не сомневался: никакого случайного совпадения. За ним следили, и следили достаточно «плотно». Предпринятые попытки избавиться от слежки ни к чему не привели – преследователь возникал снова и снова. Он видел его то в зеркальном отражении витрин магазинов, то обнаруживал на противоположной стороне улицы, якобы внимательно изучающим расписание автобуса. Волк решил не менять своих планов, а заодно проверить, как события будут развиваться дальше. Остановив такси, он уже практически не сомневался, что от слежки так просто ему не избавиться.

В галере народу оказалось битком и Волк уже было решил, что в этой толчее он сумеет ускользнуть от своего соглядатая, который уже маячил тут как тут. Но если учесть,

что следил он, судя по-всему, за ним уже не первый день, значит, ему не составит ни малейшего труда возобновить слежку позже. Следовало придумать что-то более действенное. Решение пришло вскоре, и довольно неожиданно, как только у Волка возникла некая ассоциация.

На весьма специфические занятия по воровскому делу курсанты школы всегда отправлялись, пересмеиваясь. И не столько потому, что шарить по карманам им доставляло удовольствие, а веселясь от предстоящей встречи с «инструктором». Им был бывший вор-карманник, небольшого роста сухонький старичок, ходячий кладезь всяких невероятных и очень забавных историй из жизни преступного мира. При первом знакомстве бывший вор представился странным именем – Березка. Однажды он поведал курсантам такую историю из собственной биографии. Отбывая наказание в одной из тюрем, Березка был направлен в качестве садовника в дом начальника тюрьмы. Скучающей от безделья хозяйке он с ходу наплел какую-то жалостную историю и та, проникнув состраданием к несчастному, принялась собственноручно варить кофе. Кончилось дело тем, что Березка, прихватив из хозяйского шкафа офицерский мундир начальника с многочисленными медалями, был таков. Зачем украл мундир, он потом толком и сам объяснить не мог. Скорее всего, в тот момент на глаза не попало ничего более ценного. Через несколько часов вор уже был в другом городе, в вокзальном туалете переоделся и, облаченный полицейским офи-

цером, не нашел ничего лучшего, чем отправиться в ресторан. В кармане мундира Березка обнаружил достаточно приличную сумму денег, что сулило ему разнообразнейшие развлечения, к которым так тянулась истосковавшаяся в неволе душа. Погулял он на славу, но под конец ввязался в какую-то совершенно нелепую пьяную драку, которую, как потом с трудом вспоминал, сам же и спровоцировал, требуя, чтобы все мужчины, присутствовавшие в зале, выказывали ему особые почести, а дамы танцевали исключительно с ним, оставив своих кавалеров. В полицейском участке, куда его доставили, все выяснилось мгновенно – оповещение о побеге заключенного и краже им офицерского мундира уже было распространено повсюду. Во всей этой истории Березке было жаль только несчастную женщину – жену начальника тюрьмы, которая, по рассказам, была наказана своим строгим мужем офицерским ремнем.

И вот теперь здесь, в картинной галерее Леопольда, Волк, наблюдая за своим преследователем, поражался его внешнему сходству с Березкой. Цепь случайных, а может, вовсе и не случайных, ассоциаций привела Волка в итоге к принятию совершенно неожиданного решения. Оставалось только выбрать жертву. Но и за этим дело не стало – жертва словно сама предлагала свои услуги. Толстый джентльмен, потея и отдуваясь, то и дело извлекал из кармана брюк огромный носовой платок, вытирал потную шею, лицо, запихивая потом платок куда попало и, извлекая его через мгновения снова.

Во время этих беспрестанных манипуляций Волк и заметил в заднем кармане брюк толстяка достаточно внушительных размеров бумажник. Переходя от одной картины к другой, Волк оказался за спиной толстяка. Извлечь из его брючного кармана бумажник и опустить его в пиджачный карман филера было делом мгновения. После чего Волк приблизился к полицейскому, стоявшему у входа в галерею и зашептал ему на ухо:

– Обратите внимание на тех двух господ, что стоят сейчас слева. Вон тот, юркий, только что, на моих глазах, вытащил бумажник из кармана того толстяка, что рядом.

– Стойте здесь и никуда не уходите, – скомандовал полицейский и, поправляя на ходу кобуру с пистолетом, направился решительным шагом в сторону указанных ему людей.

За дельнейшим развитием событий Волк наблюдал через окно уютного кафе на противоположной стороне улицы, где он лакомился дивным яблочным штруделем с цикорием. К зданию галереи, взрывая клекочущими звуками сирены тишину патриархальной Вены, подкатила машина с надписью «полиция», полицейский вывел потерпевшего и подозреваемого и вся эта живописная группа укатила. Несколько недель спустя, когда этот эпизод разбирался на практическом занятии в школе, инструктор по методам наружного наблюдения испытующе спросил Волка:

– А простая мысль, что это именно мы установили за тобой контрольное наблюдение, тебе в голову не пришла? Ты

ведь сдал австрийской полиции нашего человека, и нам пришлось приложить немало усилий, чтобы замять эту историю без лишней шумихи.

– Никаких мыслей, кроме той, что за мной следят, а мне надлежит от слежки избавиться, я себе не позволял, – твердо ответил Волк. – У меня не было связи с Центром, чтобы запросить соответствующие инструкции и решение я принимал самостоятельно, сообразуясь только с возникшей ситуацией. За мной следили, слежку я обнаружил и обязан был ее устранить. – Волк надменно улыбнулся и добавил. – Пусть скажет спасибо, что я обошелся с ним вполне гуманно. Если бы мне не удался такой вариант, я бы его попросту ликвидировал.

Начальник школы, прочитав подробный рапорт инструктора и, выслушав его собственные комментарии, счел необходимым заметить: «Курсант действовал правильно, нам его упрекнуть не в чем. По крайней мере, я теперь могу быть уверен, что в обстановке, когда под угрозой срыва окажется важное задание, или его собственной жизни будет угрожать опасность, он поступит не менее решительно».

Х Х

Х

Между тем, венская командировка завершилась для Волка совсем не так безоблачно и внесла в его душу смятение.

Среди трех людей, с которыми ему, по заданию школы, необходимо было завязать знакомство, оказалась аспирантка одного из ленинградских вузов. Элеонора Уфимцева, или Эля, как она попросила себя называть. В целях совершенствования диалектов немецкого языка, она приехала в Австрию, вместе со своей ближайшей подругой и коллегой Натальей Лариной по так называемому обмену, жили обе в семье преподавательницы Венского университета, целыми днями бродили по улицам и музеям, охотно при этом общаясь. Зээв обратил на них внимание, когда девушки, громко переговариваясь по-русски, обсуждали, выпить ли им в «Аиде» по чашке кофе с пирожными, или пойти в музей. Зээв разрешил спор по-своему: «Позвольте, я предложу вам компромиссное решение. Я угощаю вас кофе с пирожными, а вы идете вместе со мной в музей.

«С какой стати?»— вспыхнула Эля, «С удовольствием», — откликнулась Наташа. Они были такими разными, но обе такими милыми и непосредственными. Волк представился подругам начинающим радиоинженером из Гамбурга, который в полном восторге от красавицы-Вены и уже подумывает о том, чтобы навсегда перебраться в этот дивный город. Подруги были весьма привлекательными девушками, если не сказать больше. Обе светловолосые, что называется, яркие. Наташа ему очень понравилась, высокая, стройная, что струна звенящая, но очарован он был Элей. Она чем-то напомнила Волку соседку-балерину, что жила в их ташкентском

дворе – такая же статная, с густой копной ржанных волос. Он даже пошутил однажды, что все Элеоноры отличаются красотой, на что Эля отреагировала тут же: «А вы многих Элеонор знаете?», отчего заставила парня смутиться и пробормотать в ответ нечто отрицательное.

Эля притягивала взгляды всех, кто ее видел. Открытая улыбка, искренний взгляд не оставляли сомнений, что эта девушка любит и воспринимает окружающий мир во всем его великолепии и во всех его проявлениях. А может быть, молодому человеку, влюбившемуся в Элю с первого взгляда, все это привиделось, сочинилось? Кто знает... Ведь даже самый мудрый из царей – Соломон изрек однажды, что, познав многое, не понимает всего трех вещей: движения орла в небе, движения змеи по скользкой скале вверх и движения от сердца мужчины к сердцу женщины. Волк был парнем, мало сказать, эрудированным. Он вполне доходчиво мог объяснить, как летает в небе самолет и движутся вверх по любой поверхности, как одушевленные, так и механические предметы. Но третий постулат царя Соломона был ему неведом также, как и гениальному правителю древнего необузданного племени иудеев – сибаритов и сластолюбцев.

Наташа оказалась подругой верной и понимающей. Она без ревности и капризов восприняла тот факт, что молодой человек отдал предпочтение не ей. Лишь позволяла себе подтрунивать над Элей, когда та чересчур старательно наводила макияж перед свиданием, да вместо неизменных джин-

сов надевала так шедшее к ее стройной фигурке легкое черное платье с кружевной отделкой.

То ли очарование тихой ранней осени, то ли дивные Элины волосы, в которых то и дело вспыхивало солнышко, а может, ее ласковый взгляд так подействовали на Волка, но ему вовсе не хотелось собирать установочные данные на эту нежную и такую доверчивую девушку. Ночами, оставшись в гостинице один, он корил себя за неуместную сентиментальность, а на следующий день спешил к Эле, брал ее за руку, и уже вдвоем, они бродили по городу, сидели в неправдоподобно красивых его парках, забредая в самые укромные уголки.

– Когда ты приедешь в Ленинград, я покажу тебе Петродворец и Эрмитаж, – мечтала Эля и неожиданно спрашивала. – А ты знаешь, какой единственный из ленинградских мостов не разводится?

– Поцелуев мост, – отвечал он, не задумываясь.

– Ну, конечно, ты же все на свете знаешь. А вот Наташа просила задать тебе вопрос, как было отчество сестер Лариных в романе Пушкина «Евгений Онегин»?

– Они были Ольга и Татьяна Дмитриевны. У Пушкина в одном единственном месте это упоминается, когда сестры приходят на могилу отца, то читают, высеченную на надгробном камне, надпись: «Здесь похоронен Дмитрий Ларин».

«Ну откуда ты все-все знаешь, о чем тебя не спроси?!» –

снова восхищалась пораженная его эрудицией Эля, а Волк корил себя за легкомыслие. И вправду, откуда простой радиоинженер из Гамбурга мог знать об отчестве сестер Лариных из романа русского поэта Пушкина, о том, что из всех ленинградских мостов не разводится только Поцелуев мост, где узнал он о последних раскопках древней Трои, и о том, что находится на холсте под изображением Джоконды, и еще об очень многом, о чем они бесконечно и беспечно говорили с Элей, и он забывал, что должен фиксировать, беспрестанно контролировать каждый свой жест, каждую не только произнесенную, но еще лишь задуманную фразу. С этой девушкой ему хотелось быть самим собой, и чтобы она называла его тем именем, которое он и сам уже начал забывать...

Когда в его номере раздался телефонный звонок, он решил, что звонит кто-то из гостиничной obsługi – больше этого номера никто не знал. Но хорошо знакомый голос человека, имеющего право отдавать Зээву команды, произнес: «Вылетай завтра, утренним рейсом».

– Один, или с Галем? – задал он от растерянности вопрос, чтобы хоть как-то потянуть время, но в трубке уже звучали короткие гудки.

Еще неделю назад курсант Волк даже и представить бы себе не позволил, что осмелится задать вопрос, столь грубо нарушающий инструкцию. Эка он расслабился. Но корить себя было некогда, Волк поспешно собирался, набирал номер телефона дома, где жила Эля, заклиная, чтобы она ока-

залась на месте. Она не стала переспрашивать, какой причиной вызвана столь экстренная встреча, просто коротко ответила, что приедет через полчаса. Ему невероятно трудно было врать ей о той неотложной причине, что заставляет его срочно вернуться в Гамбург. Эля даже успокаивала, говорила, что ничего страшного не произошло, жизнь есть жизнь и в ней полно неожиданностей, но по ее глазам Волк видел – девушка не верит ни единому его слову, так ему во всяком случае казалось. Он проводил ее до дому, а когда они прощались, Эля достала из сумочки плотный листок бумаги, сложенный вдвое. «Здесь мой ленинградский адрес и телефон».

– Я даже не заметил, когда ты успела это написать, – удивился Волк.

– А я сделала это перед выходом из дому, – спокойно ответила Эля. – Я же знала, что ты уезжаешь.

– Откуда? Я сам только что узнал и по телефону не говорил тебе об этом.

– Знала и все, – она поцеловала его, надолго прильнув к плечу, потом отстранилась и тем же ровным голосом добавила. – Иди первый.

Волк ушел, не оборачиваясь и не произнеся больше ни слова. Да и что он мог сказать этой чудной, такой чистой и все понимающей девушке, прекрасно зная, что ни на письма, ни на телефонные звонки у него права не будет.

...От его отчета о знакомстве с ленинградскими аспирантками Элеонорой Уфимцевой и Натальей Лариной инструк-

тор школы агентов-нелегалов не оставил камня на камне. «Кроме самого факта знакомства я не увидел в твоём рапорте ни конкретных людей, ни их характеров, ни даже толком изложенных биографий», – отругал его инструктор, а потом, помолчав с минуту, счел все же нужным добавить:

– Послушай парень, в эту школу никто никого силой не загоняет. Ты сам выбрал свой путь. Я не знаю, можешь ли ты свернуть с этого пути сейчас, это решать не мне, но я свои соображения руководству доложить обязан.

Волк ждал вызова к начальнику школы, а сюда, как всегда неожиданно, приехал бригадный генерал.

– Рассказывай, – категорично потребовал он от курсанта, но Волк упрямо молчал, не сводя с него своего немигающего взгляда. Молчание затянулось надолго, пока его не прервал сам Волк:

– Это будет мой первый и последний (на этом слове он сделал ударение) секрет. Если такой вариант неприемлем, я готов принять любое ваше решение.

Повидавший на своем веку много жизненных коллизий генерал понимал, вернее догадывался, что происходит в душе курсанта. Такое, рано или поздно, происходило со многими разведчиками, которые сознательно обрекали свою жизнь на вечное одиночество. Он практически не сомневался, что причина кроется в одной из двух женщин (вот только какой? – все ломал голову генерал, так и не найдя ответа), о которой Зээв не пожелал сообщать какие-либо подробно-

сти в своем отчете. Умудренный опытом генерал практически не сомневался, что речь идет не о мимолетной интрижке, а о внезапном, но от этого не менее глубоком чувстве. Но генералу предстояло принять решение, и решение непростое. Слишком высокую цену придется заплатить многим, если этот парень так и не научится управлять своими чувствами и эмоциями.

– Я отстраняю тебя от практических занятий до особого распоряжения, – приказал генерал. – Только общефизическая подготовка и читальный зал – это пока все. – генерал ждал, что курсант, на которого он возлагал столько надежд, захочет добавить что-то еще, но Волк молча удалился из кабинета.

Через две недели ему разрешили вернуться к занятиям в полном объеме.

Прошло еще три года. Он занимался упорно, не давая себе послаблений ни в чем, и был, безусловно, самым лучшим курсантом. С Галем они почти не расставались, их даже переселили в одну комнату, и обоим теперь уже было понятно, что их целенаправленно готовят к выполнению какого-то совместного задания. Количество дисциплин с каждым разом все прибавлялось и прибавлялось. И они, как должно, воспринимали, когда их обучали взрывному делу и физическому устранению противника при помощи бытовых предметов, доводили уровень вождения автомобилей различных марок до виртуозности гонщиков, заставляли изучать строе-

ние самолетов и материальную часть теплоходов, совершенствовались знание языков, в первую очередь диалектов арабского, и учили даже многостраничные тексты запоминать с первого раза, постоянно тренируя и развивая память. Частенько им приходилось уезжать в командировки, иногда коротенькие, на два-три дня, иногда долгие – на месяц.

Последние полгода, проведенные в школе подготовки агентов-нелегалов, Волк и Галь занимались отдельно от других курсантов, вдвоем, по специально составленной для них индивидуальной программе. Разговаривать, даже между собой, они были обязаны только на арабском. Много времени уделялось физической подготовке, рукопашному бою, стрельбе по самым различным, преимущественно двигающимся мишеням. Потом был месяц карантина в небольшой квартирке одного из южных пригородов Тель-Авива и, наконец, инструктаж, который проводил все тот же бригадный генерал:

– В страну, определенную вам для адаптации в арабском мире, отправляетесь порознь, – ронял он скупые фразы. – Зээв – первый номер, Галь – второй, страхующий. Контакт между вами разрешен только в самом исключительном, форс-мажорном, так сказать, случае, а такого случая допускать вы не имеете права. Две недели на изучение новой легенды, обдумывание, анализ, потом в путь. Уточненное задание получите через три месяца после прибытия в страну назначения. Завтра в течение дня каждый из вас должен по-

бывать в старом Яффо, где неподалеку от порта есть лавка кальянщика. Продавец – один из ваших будущих связных. Народу в лавке бывает немного и вам не представит труда выбрать момент, когда в лавке не будет ни единого покупателя. Вы купите по кальяну и отдадите – двадцатишекелевую купюру Галь, он зайдет первым, и – пятидесятишекелевую банкноту Зээв, который появится у кальянщика не раньше, чем через час, после Галя. После «покупки» вы попросите разрешения оставить кальян на пару часов, чтобы не ходить с тяжелым свертком по городу. Каждый из вас должен запомнить номер той купюры, которую отдаст кальянщику. – генерал поднялся, прошел по комнате, а затем, словно стряхнув с себя тяжелый груз, произнес весело, – А сейчас я отправляюсь на кухню и приготовлю вам свою знаменитую марокканскую рыбу, Сдается, мои кулинарные таланты Зээв когда-то оценил в полной мере...

Глава четвертая НАЕМНИК КИТАЕЦ

Наконец-то Закиру повезло – он попал в дом к самому Ахмаду ар-Равийя. Старец был одним из самых почитаемых в округе людей. Ахмаду понадобился садовник и ему порекомендовали Закира, скромного молодого человека, приехавшего из далекой пакистанской провинции, выносливого, трудолюбивого, готового всегда оказать любую услугу, да к

тому же умеющего держать язык за зубами.

Вот уже скоро год, как он в Карачи. Крупнейший портовый город, насчитывающий до 18 миллионов человек, поразило его воображение. Таких огромных городов Закиру еще видеть не приходилось. В этом финансовом и промышленном центре Пакистана расположены крупнейшие корпорации страны, развита текстильная и автомобильная промышленность, индустрия развлечений, этот город – один из крупнейших центров высшего образования в исламском мире. Местные жители называют Карачи, площадь которого превышает три с половиной тысячи квадратных километра, «городом огней», так он весь сияет в ночное время. Но из всех красот мегаполиса только любованье огнями и было доступно бедному сироте Закиру. Он работал от зари до зари, пытаясь собрать хоть немного денег. За какую только не брался работу! Подметал и поливал улицы, развозил на тачке воду, был грузчиком, даже ухаживал за прикованными к постели инвалидами в доме престарелых. И вот судьба все же смилостивилась над ним. Богатый дом у Ахмада, знатные гости почти каждый день посещают почтенного старца, ведут с ним степенные беседы, советуются. Молчаливый садовник беседам не помеха. Он всегда находится на почтительном расстоянии, подходит только тогда, когда щелкнет пальцами Ахмад, подзывая работника за какой-нибудь надобностью – помочь повару принести из кухни блюдо ароматно пахнущей баранины, или что-то подать. Закир с поклоном и скупой

улыбкой охотно откликается на любое поручение хозяина, он польщен, что тот отличает его от других работников, ценя трудолюбие и неприхотливость. Хозяин обещает, что если Закир и в дальнейшем будет столь же прилежен и исполнительен, то когда-нибудь, со временем, он может стать даже управляющим в его доме. Это ли не счастье, это ли не цель, ради которой стоит постараться.

Вот только с выходными днями у работника худо, совсем не стало у Закира выходных дней. А так хочется молодому человеку выйти в город, погулять, хотя бы со стороны посмотреть, как люди развлекаются. И хотя совсем немного у Закира в Карачи знакомых, может, хоть кого-то удалось бы встретить, парой словечек перекинуться. Но нет пока у Закира выходных. Значит, надо ждать.

...Уважаемый хозяин Ахмад ар-Равийя собрался на пару дней поехать по делам в Исламабад и, о радость, сообщил Закиру, что тот поедет с ним. Все слуги с завистью смотрели на счастливчика. А он сиял, как медный таз. Но надо же случиться такому несчастью, что, поднося хозяину воду, Закир неловко споткнулся, потерял равновесие и уронил кувшин. Мало того, что старинный кувшин разлетелся на мелкие кусочки, вода обрызгала почтенного хозяина и брызги даже попали ему на лицо. Хозяин рассвирепел. Пнув ногой нерадивого слугу, который на карачках пытался собрать осколки, Ахмад ар-Равийя со злобой пробормотал несколько проклятий, не забыв, конечно, попросить прощения у Аллаха за

столь непотребные слова. В наказание за совершенный проступок, он через управляющего передал провинившемуся, что возьмет с собой в Исламабад другого слугу, а в сторону Закира, уезжая, даже не взглянул. На следующий день, чтобы хоть как-то развеяться от огорчения, Закир отправился в город. Побродив по запутанным улочкам старого квартала, он забрел в темную многолюдную кофейню, где, к своей радости увидел знакомого. Этого пронырливого человека знал, казалось, весь город. Был он услужлив, добродушен и готов всегда выполнить любое поручение, особенно если оно сулило хоть небольшое вознаграждение. Настоящее его имя было, кажется, никому не известно и все попросту называли его Абу Нувас – «кудрявый», ибо на черепе парня не росло ни волосинки и голова его была блестящей, как бильярдный шар.

– Я уж думал ты никогда не придешь, – ворчливо заметил Абу Нувас, едва Закир присел рядом. – У меня уже печень, должно быть, черного цвета стала, столько я за эти дни выпил кофе, тебя ожидая.

– А что я мог поделать? – уныло возразил Закир. – Ахмад ценит мое трудолюбие, никуда и на шаг от себя не отпускает. Даже в Исламабад хотел взять. Пришлось грохнуть кувшин, чтобы лишиться этой почетной поездки.

– Ты смелый человек, – кивнул Абу Нувас. – Не каждый осмелится разозлить самого

Ахмада аб-Равийя. Кстати учти, старик чрезвычайно зло-

памятен и столь же подозрителен. Если он почует что неладное, тебе несдобровать. Хотя я думаю, не успеет.

– Чего не успеет? – не понял Закир.

– Сильно навредить тебе не успеет. Похоже, скоро тебе придется убираться из его дома. – И, сменив ернические нотки, заговорил серьезно. – Центр разработал для тебя новое, промежуточное задание: тебе нужно записаться наемником в иностранный легион. Сейчас в африканские страны хлынула целая волна наемников разных мастей, многие спешат заработать на войне, а кому-то просто по душе это занятие. Скорее всего, местом твоего нового назначения станет Родезия. Считают, что адаптацию в Пакистане ты прошел вполне успешно и теперь, после поездки в Родезию, должен вернуться сюда, завоевав славу отважного воина. Не просто воина, а воина Аллаха, – со значением повторил Абу-Нувас. – Центр уделяет этому особое внимание, считая, что дальнейшее твое внедрение будет неразрывно связано с тем, насколько удачно ты справишься со своей задачей в Африке. Для тебя разработана совершенно новая программа, но об этом позже. Как тебе завербоваться в наемники, уже продуманно. А вот как выбраться из дома старика, не вызывая его обид, должен придумать ты сам.

– А если мне наплевать на его обиды, уйти прямо сейчас, пока он в Исламабаде. Самый удобный момент, объясняться не надо. Решит, что я удрал от его гнева.

– Ах, как нехорошо плевать на человека, который позво-

ляет тебе убирать навоз в своем саду, – засмеялся Абу-Нувас. – И хотя момент и впрямь – удобнее не подберешь, но для нас не годится. Ты же знаешь, старик – лицо чрезвычайно влиятельное, обладает огромными связями, как среди политиков и финансистов, так и среди духовенства. Ты должен покинуть его дом таким образом, чтобы, если понадобится, суметь к нему вернуться, разумеется, уже не садовником, а в новом качестве – человека, прошедшего серьезные испытания и с честью их выдержавшего. Ар-Равийя должен благословить тебя на подвиг, тогда твои будущие успехи, с присущим ему апломбом и бахвальством, он станет превозносить как собственные.

– Ну и задачку ты мне задал, – покачал головой Закир. – Ума не приложу, как это все обставить, чтобы старик меня отпустил.

– Ну, на счет своего ума ты не скромничай, его тебе не занимать. Придумаешь. Но о твоём плане мы должны знать досконально, чтобы, если потребуется, суметь его скорректировать. Велено также передать, что тебя никто не торопит. Напротив, все нужно сделать обстоятельно и если на это уйдет даже несколько месяцев – не страшно.

X X

X

Ахмад ар-Равийя вернулся домой через несколько дней, но Закира к себе и близко не подпускал. Оставалось набрать-

ся терпения. Как только хозяин уехал к кому-то в гости, громко предупредив, что вернется поздно вечером, Закир стремглав устремился в город. После долгого хождения по многочисленным лавкам и магазинам ему удалось найти кувшин, очень похожий на тот, который он разбил. Утром следующего дня Закир без спроса приблизился к беседке, где Ахмад ар-Равийя завтракал в окружении своих внуков и, почтительно склонившись, поставил на землю кувшин.

– Что это? – грозно спросил хозяин.

– Я купил кувшин, чтобы возместить вам убыток. Это хороший кувшин, хозяин. – пробормотал Закир, не смея поднять головы.

– А где ты взял деньги на такую покупку? – подозрительно спросил старец.

Закир был готов к такому вопросу и ответ подготовил заранее: «У меня были очень ценные четки, доставшиеся мне от моего покойного отца, а к нему они перешли от деда. Я продал четки и купил кувшин».

– Ты совершил грех, – поучительно, но, явно смягчаясь, заявил хозяин. – Нельзя продавать память предков.

– Раз вы считаете, что я нагрешил, значит, это действительно так. Извините меня за это. Но, я уверен, что отец, мир праху его, одобрил бы мой поступок. Я не мог простить себе, что случайно, клянусь Аллахом – случайно, лишил вас любимой вещи. Я не спал ночами, меня мучила совесть, и вот вчера, когда вы уехали, я отправился в город и нашел подоб-

ный кувшин. Примите его, хозяин, не делайте меня несчастным.

Ар-Равийя прикрыл бороду рукой, пряча довольную улыбку, и величавым жестом отпустил садовника. Кувшин остался стоять возле беседки. После завтрака, Закир следил за этим с особым вниманием, кувшин унесли в дом.

Старый Ахмад сменил гнев на милость, Закир снова выполнял его поручения, так что у него была возможность в любой момент обратиться к нему, но он не спешил, ждал подходящего случая. И такой случай вскоре представился. Как-то вечером в беседке Ахмада ар-Равийя шла оживленная беседа приехавших к нему, как видно издалека, гостей. Беседка была прекрасно освещена, а Закир, находящийся в темноте, за кустами роз, мог, по крайней мере, разобрать то, что говорилось и даже видеть все, что происходит. Речь шла о поставках оружия, похоже, на африканский континент.

Когда гости разошлись, старик остался в увитой виноградной лозой беседке и сидел, перебирая четки с довольной улыбкой на лице. Из услышанного Закир понял, что ар-Равийя весьма успешно сбыв крупную партию оружия. Вот тогда-то садовник и решился. Он приблизился и почтительно обратился к хозяину с просьбой выслушать его и разрешить сказать несколько слов. Ар-Равийя, на самом деле пребывал в хорошем расположении духа и милостивое разрешение говорить было получено. Закир сказал, что хочет уехать в отряд иностранного легиона, воевать в Африку.

– Вербовка наемников в нашей стране запрещена законом, – отрезал хозяин.

– Что вы, что вы! – наигранно испугался Закир. – Я не собираюсь нарушать законов нашей страны. То жалованье, что вы мне платите, я почти не трачу, у меня собралась вполне достаточная сумма, чтобы уехать в другую страну и завербоваться там.

– Но с чего вдруг тебе в голову пришла такая мысль? – подозрительно спросил хозяин. – Ты что, увлекаешься политикой?

– Нет, политика меня не интересует, – покачал головой Закир. – Но еще мой дед, а потом отец внушали мне с детства, что каждый правоверный мусульманин должен стать воином Аллаха, воспитать в себе храбрость и убить неверного. – Подобные фразы Закир уже не раз слышал от самого старика, когда тот беседовал с внуками и теперь, повторяя Ахмаду его же собственные мысли, бил наверняка, попадая, что называется, в десятку. – К тому же я мечтаю получить образование, закончить медресе, а для этого нужны средства. Наемникам, как я слышал, платят вполне прилично, чтобы за год заработать деньги на учебу.

Он не ожидал скорого ответа и потому был удивлен, что Ахмад ар-Равийя прервал разговор согласием.

– Твои предки были мудрыми людьми и воспитали тебя правильно, – заявил он. – Я благословляю тебя и буду внимательно следить за твоими успехами. Ты получишь реко-

мендательное письмо, за тебя поручатся весьма уважаемые люди, не подведи их – добавил старик многозначительно.

– Благодарю вас, учитель, – позволил Закир себе такое обращение. – Я буду молить Аллаха, чтобы он продлил ваши дни.

Х Х

Х

Лысый Абу Нувас пришел в полный восторг, услышав подробный рассказ Закира, о том, как ему удалось убедить старика ар-Равийя. А вот сидевший поблизости, в той же кофейне, загримированный до неузнаваемости Галь, был невесел. Он уже знал, что товарищ отправляется для выполнения нового, крайне опасного задания, и сожалел, что их пути, по всей видимости, теперь расходятся. Все это время, с тех пор, как они приехали в Пакистан, он незримо находился рядом. Роль страшущего не обижала – Галь понимал, что его товарищ куда более талантлив и основное задание, в итоге, предстоит выполнять именно Волку. И сейчас он грустил лишь оттого, что не может, не имеет права, подойти к другу и хотя бы молча пожать ему руку. Да что там руку пожать! Он даже взглянуть в сторону стола, за которым сидел Волк, и то не смеет, чтобы невзначай себя не выдать.

... В те оды волна «народно-освободительного» движения прокатилось по всей Африке. То в одной, то в другой стра-

не «Черного континента» вспыхивали войны, которые порой уносили тысячи людей. Наиболее многочисленные банды наемников, собранных из отборных головорезов со всего мира, стали появляться в Африке еще в шестидесятые годы, когда предатель Чомбе, овладев одной-единственной мятежной провинцией в Конго, возомнил себя лидером целого африканского континента. Газеты многих европейских стран пестрели объявлениями о том, что требуются бывшие солдаты, побывавшие в «горячих точках» для «интересной и хорошо оплачиваемой работы». Но уже к середине семидесятых годов лидеры африканских партизанских отрядов поняли, что не в состоянии без всякой поддержки противостоять хорошо оснащенным современной техникой и оружием, блестяще обученным наемникам иностранных легионов. Они могли рассчитывать в своей борьбе только на помощь арабских стран и СССР. Волк-Закир знал, что завербоваться в такой отряд куда как сложнее, чем в «обычный» иностранный легион. Нужно было пройти через тщательно законспирированную сеть посредников, явок, иметь необходимые рекомендации, чтобы вызвать доверие и оказаться в Африке на стороне воюющих повстанцев. Но «его биография», а также рекомендательное письмо и благожелательная характеристика Ахмада ар-Равийя открыли перед ним и эти тайные двери. Вербовщик лишь высказал сомнение по поводу того, что у Закира нет боевого опыта.

– Я силен физически, могу смело сказать, что метко стре-

ляю, а в драке один стою пятерых, – надменно заявил Закир, ему было не до скромности.

– Хорошо, – согласился вербовщик. – Рекомендация людей, которые тебя к нам направили, стоит дорогого, надеюсь, ты оправдаешь их доверие. Как будем звать тебя?

– Называйте меня Китаец, – заявил Закир, вспомнив свое, еще школьное прозвище.

– Почему Китаец? Но ты вовсе не похож на китайца.

– Поэтому я и придумал себе такое прозвище, – пояснил новобранец.

Вербовщику было не до психологических изысканий, да и какая в конце-концов разница, как будет называться этот очередной кандидат в покойники. Так в деле пакистанского наемника в графе «имя» появилась запись: «Китаец».

Х Х

Х

Какими они все были подонками. Красные бригады, и черные, зеленые и прочих разных цветов, которыми они себя называли. Они уничтожали людей, не задумываясь, кто эти люди. Молоды они, или стары, есть у них дети, или сами только начинают жить. Уже вскоре Китаец вполне четко понимал, что для наемников, на чьей бы стороне они не воевали, кровь людская, что вода, они льют ее всюду, куда их посылают, зачастую испытывая при этом садистское наслаждение.

В повстанческом отряде, куда был зачислен легионер Китаец, иностранцев было достаточно. Двое из них, явно кадровые военные, не считаясь с конспирацией, между собой спокойно говорили по-русски, полагая, что этого языка никто в отряде знать не может. Китайцу на занятиях с инструкторами приходилось тщательно скрывать свои навыки взрывного дела, проведения разведки на местности и другие специфические знания, которыми он, в свое время, овладел в школе агентов-нелегалов.

Как-то раз, сформировав небольшой отряд, их отправили в далекий рейд. Когда стемнело и партизаны устроились на ночлег, родезийцы извлекли из рюкзаков по бутылке крепчайшего местного самогона. Вскоре, опьянев и накурившись гашиша, они повалились в глубокий сон. Второй из наемников, судя по диалекту он был из Ирана, обратился к Китайцу, явно рассчитывая на его солидарность своим мыслям:

– Тоже мне солдаты, – говорил он, кривя в презрительной ухмылке губы. – Пушечное мясо. Их даже в плен не берут за полной ненадобностью, чтобы не кормить этот сброд. Просто убивают и все.

– Но ведь и мы убиваем, – чтобы вывести собеседника на откровенный разговор заметил Китаец.

– Мы – это совсем другое дело. Я, например, приехал сюда потому, что не могу не воевать. Когда ты почувствуешь, какой это кайф – убивать, держать в своих руках чужую жизнь, тогда ты забудешь обо всем, ты ощутишь себя великим и

близким к Всевышнему.

– Не смей упоминать имя Всевышнего, когда говоришь об убийстве, – строго одернул его Китаец.

– Да ладно тебе, тоже мне святоша выискался. Сам, небось, за длинным рублем прикатил. И правильно сделал. Я, например, считаю так. Нам платят за то, что мы воюем, потому что мы умеем это делать хорошо, лучше других. Так же как, допустим, платят умелому каменщику за то, что он строит дом. Хорошо построит – хорошо заплатят. Большой разницы я не вижу, мы тоже – выполняем свою работу. И я не спрашиваю себя, справедлива эта борьба, или нет. Мне наплевать, кто из них возьмет верх, чтобы овладеть местными алмазными копиями. Я воюю, получаю от этого удовольствие и хорошую оплату. Чего же еще?

А когда через несколько часов, началась перестрелка, Китаец пристрелил подонка, позволив себе, первую и последнюю в Африке, эмоциональную вспышку. После он корил себя. Не за то, что убил человека, этот робот, запрограммированный только на убийство, и человеком-то не имел права называться. Но убивая его, Китаец подвергал риску себя, а следовательно, поставил под угрозу срыва полученное задание. И хотя он действовал, как ему казалось, крайне осторожно, подвести могла любая случайность, от которой не может быть застрахован никто.

Уже вскоре он стал заметной фигурой в своем отряде. Особенно прославился в бою против роты наемников под

командованием американца Вильямса, которого Китаец ранил метким выстрелом в самом начале боя, выведя надолго из строя. Партизаны на голову разбили роту наемников, благодаря тактике, разработанной Китайцем. О смелости этого человека среди повстанцев Родезии уже слагали легенды. Слухи были тем невероятнее еще и от того, что имя его было окутано тайной. Китаец ни с кем не сблизился и о нем практически никто ничего не знал. Когда же ему задавали назойливые вопросы, он просто поворачивался и уходил. Одному слишком любопытному партизану он на глазах у всех вывихнул руку, пригрозив, что в следующий раз, если тот вздумает лезть со своими вопросами, руку сломает, а язык вырвет. Угрозу он произнес спокойным будничным тоном и от того всем окружающим стало ясно – сделает, не задумываясь.

Через год, когда истек его контракт, Китайцу предложили стать инструктором. Он отказался. Приказ возвращаться из Центра уже был получен. Но даже если бы ему пришлось задержаться, он бы придумал любые отговорки, только чтобы не обучать этих и без того озверевших головорезов еще более совершенным методам убийства.

X X

X

Изысканно одетый молодой блондин с шевелюрой густых волос и крупными дымчатыми очками на лице вышел из последнего вагона электропоезда, прибывшего в Цюрих, и по

подземному, ярко освещенному переходу направился в сторону Банхофф-штрассе. Подойдя к цюрихскому озеру, он у входа в парк купил только что запеченную румяную сосиску с горячей булкой, от души добавил пряной дижонской горчицы и с видимым удовольствием поглощал свой немудреный завтрак, устроившись на скамейке в тени густого дерева. Народу в этот еще довольно ранний час в парке было немного и блондин издали заметил неспешно приближающегося человека в клетчатом пиджаке. Незнакомец присел рядом и, поздоровавшись на иврите, извлек из бумажника пятидесятишекелевую купюру. Банковский номер на ней был тот, что навсегда отпечатался в памяти разведчика.

– А почему Китаец? – задал незнакомец неожиданный вопрос.

– Потому что я не похож на Китайца, – ответил он так, как ответил год назад вербовщику иностранного легиона.

– Мне ваш псевдоним не нравится, но история псевдонимов знавала и не такие курьезы. Например, в русской царской охранке был агент, он, кстати, арестовывал Дзержинского, по кличке Прыщик. Причем, этот псевдоним он выбрал себе сам.

– Вы назначили мне встречу, чтобы прочесть лекцию об истории псевдонимов?

– Ну, лишние знания еще никому не вредили, – наставительно произнес собеседник, и наконец представился. – Называйте меня Марк. Я ваш новый куратор. И не надо на меня

так откровенно злиться.

– Не надо злиться потому, что вы мой новый куратор? – все так же ершисто уточнил Китаец.

Марк от души рассмеялся: «А вы язва. Ну, это, может, и не плохо. В определенных, разумеется, случаях и в определенных же дозах. А теперь – к делу. Впрочем, нет, я должен выполнить еще одну, и довольно приятную, миссию Вам передает привет бригадный генерал. Он просил сказать, что не ошибся в вас и работой доволен. Это, кстати, и мнение Центра – руководство считает, что свою задачу в Родезии вы выполнили полностью».

– Спасибо за такую оценку, приятно слышать. А генералу прошу передать привет, я очень хорошо помню и ценю его уроки.

– Передам непременно, – кивнул Марк. – Вам надо возвращаться в Карачи. Коридор для возвращения уже проработан. Первый визит к Ахмаду ар-Равийя. Старик вас ждался. Он уже уши всем прожужжал о вашей смелости и отваге, которые он же, оказывается, в вас и вселил. Так что не вздумайте это опровергать и не забудьте его поблагодарить в самых изысканных выражениях. На лесть скупиться не надо. Ближайшие полгода проведете в медресе, думаю, с этим проблем не возникнет. А потом – Афганистан.

– Афганистан?

– Именно. Похоже, что там назревают важные события, и мы должны быть в курсе всего происходящего. При этом бу-

дет славно, если в Афганистан вы поедете по настоянию ар-Равийя и опять-таки с его рекомендациями. Комбинация с Родезией и его рекомендательным письмом вам удалась блестяще, нечто подобное надо придумать будет и теперь. Времени на обдумывание и осуществление нового плана у вас достаточно.

Х Х
Х

Ахмад ар-Равийя встретил Закира с нескрываемой радостью, можно сказать, как родного. Усадил за стол все в той же беседке, хлопнув в ладоши, велел подать самые изысканные блюда.

– Здесь у нас поначалу паника возникла, когда мы потеряли тебя из виду, – заговорил старец. – Ты словно растворился и я уж было решил, что ты струсил и удрал куда-нибудь в другое, более спокойное, место. Но потом один мой гость, очень уважаемый человек, стал восхвалять подвиги какого-то китайца и благодарить меня. Я ничего поначалу не понял: при чем тут китаец, какое я вообще имею к нему отношение. А мой гость и говорит: «Так это же тот самый человек, которого вы рекомендовали. Он взял себе прозвище Китаец. Ну, вот тогда все и стало на свои места.

– Да, ваш благожелательный отзыв обо мне и рекомендательно письмо, которым вы меня снабдили, сыграли нема-

ловажную роль. Я благодарю вас, учитель. Вы помогли мне ощутить себя настоящим мужчиной, воином, понять, что такое зло и как с ним бороться. Я не найду тех слов, которыми следует высказать благодарность вам.

Старик довольно заулыбался:

– Мне приятно, что ты умеешь ценить добро. В наш век это большая редкость. И потому я позабочусь о твоём будущем, тем более, что ты оправдал возложенные на тебя надежды и тем самым заслужил мое благосклонное внимание. Помнится, перед отъездом ты говорил, что хочешь учиться в медресе. Я знал, что ты должен приехать и кое-что предпринял. Недавно я встречался с муфтием Абдуль-Хамидом Зия. Ты знаешь, кто этот почтеннейший человек?

Закир лишь кивнул утвердительно. Да и как было не знать! Выдающийся знаток исламской юриспруденции, экономики и хадиссов, он учился под руководством своего отца – ныне покойного Муфтия Пакистана Абдусалама Таки Ясина и от отца же получил разрешение преподавать исламскую юриспруденцию и хадиссоведение. Кроме того муфтий Абдуль-Хамид Зия является весомым лицом в Верховном шариатском суде Пакистана.

– Так вот, – продолжал ар-Равийя. – Уважаемый муфтий еженедельно встречается с теми, кто стремится к духовному совершенствованию. Он любезно согласился встретиться и с тобой, а также способствовать твоему зачислению в медресе. Занятия начнутся через две недели. Такому молодому чело-

веку как ты не пристало нежиться в лени. Две недели на отдых тебе вполне должно хватить.

– На отдых мне бы хватило и гораздо меньше времени, а вот для того, чтобы отблагодарить вас за вашу доброту, мне не хватит и жизни. Может быть, эти две недели я смогу быть чем-то полезен в вашем доме. Располагайте мной по своему усмотрению.

Ахмад ар-Равийя в задумчивости пожевал сухими губами, разглядывая своего бывшего садовника. Возмужал, безусловно, раздался в плечах, окреп, но дело не только в этом. Вместо подобострастного слуги, каким он привык всегда видеть Закира, перед ним сидел уверенный в себе молодой мужчина, у которого уже и седина кое-где проступила. Это понятно – воевать, не розочки в саду постригать. Нет, превращать его снова в слугу, пусть даже на две недели, негоже. Давать же поручения деликатного характера, пожалуй, еще рановато. Сначала надо приглядеться. Слова о благодарности могут ничего и не значить. Не зря старая мудрость гласит: сколько не говори халва – во рту слаще не будет. Истинная верность проверяется не словами, а делами.

– Поживешь пока в моем дом. Гостем, – сделал вывод хозяин. – Ну, а если действительно хочешь быть мне полезен, присмотришь к моим людям, особенно к управляющему. С твоим нынешним опытом это, надеюсь, не составит труда. Все-все-все, хватит разговоров, теперь приступим к трапезе. Хорошая еда не терпит серьезных разговоров, она от этого

плохо усваивается, – ар-Равийя громко рассмеялся.

Через несколько дней Закир увидел, как проворно снуют по дому повара, сервируют дастархан дорогой посудой в парадной гостиной слуги. От хозяина он узнал, что сегодня их почтит своим визитом муфтий. Абдуль-Хамид Зия выглядел уже весьма пожилым человеком, хотя ему еще не исполнилось и сорока. Это впечатление усиливал взгляд умных, пронзительных глаз.

– Досточтимый Ахмад ар-Равийя много теплых слов говорил о тебе, – обратился муфтий к почтительно поклонившемуся ему Закиру. Назови мне свое полное имя.

– Закир Бин-Нурлан, мударрис (мударрис – почтительное обращение к учителю – авт.).

– Славное, славное имя. Ведь Закир – это человек все помнящий и беспрестанно восхваляющий Аллаха, а имя твоего отца обозначало свет. Ну что ж, присядь рядом, Закир. В медресе, где ты начнешь скоро учиться, есть два отделения: мушкилят – общеобразовательное и масалья – юридическое. Но ты получишь разрешение посещать занятия на обоих отделениях. Таким образом, ты сможешь изучать богословие, логику, диалектику, метафизику и космографию, канонические предания и объяснения к Корану, а также гражданские и уголовные законы мусульманского государства. Учеников медресе мы, как правило, называем либо «мулла» – знающий, либо «талиб» – ищущий знаний. К какой категории отнести тебя, я решу после того, как ты прой-

дешь экзамен у мударриса. Тебе все понятно?

– О да, мударрис. Вы объяснили все столь доступно, что у меня не осталось никаких неясностей. С вашего разрешения, я оставляю вас с уважаемым Ахмадом ар-Равийя наедине.

– Ты можешь остаться и разделить с нами трапезу, – благосклонно кивнул ар-Равийя.

– Вы слишком добры ко мне, господин, – отказался Закир. – Ученик не должен сидеть за одним столом с учителем. Для него высшее благо, если учитель позволит ему принести пищу. Я пойду на кухню и посмотрю, все ли там в порядке.

– Весьма воспитанный молодой человек, – заметил муфтий, когда Закир удалился. – И, по-моему, очень хорошо понимает свое место.

– Этим он мне и приглянулся, – согласно кивнул Ахмад ар-Равийя.

Х Х

Х

В замкнутом квадрате двухэтажного здания с открытыми лоджиями, обращенными во двор, располагалось медресе, куда явился Закир. Здесь находились мечеть и общежитие, а в открытых лоджиях размещались аудитории. Мулла Закир, этот статус он получил сразу же после прохождения экзамена, приятно удивив своими знаниями мударрисов, уже вскоре слыл самым прилежным учеником медресе. Свет в его

комнате не гас до самой поздней ночи. Закир старался, как можно быстрее, одолеть предложенный ему муфтием курс обучения, но как ни подгонял он время, как ни уплотнял свой график, в стенах медресе ему пришлось провести без малого десять месяцев.

Каждый выходной он, после молитвы в мечети, посещал уважаемого Ахмада и раз от раза тот был с ним все более откровенен. Изредка удавалось Китайцу выбраться и в известную уже кофейню. «Кудрявый» Абу Нувас предельно внимательно слушал «муллу», как теперь неизменно стал называть Закира.

Однажды дежурный по медресе, заглянув в аудиторию, где занимался Закир, сообщил, что его срочно хочет видеть Ахмад ар-Равийя. Старик показался Закиру весьма встревоженным и озабоченным. «Что-то случилось?» – спросил он.

– Русские солдаты вчера штурмовали дворец Амина в Афганистане, – не сказал, а скорее выдохнул Ахмад. – Сегодня туда уже отправляются транспортные самолеты с солдатами. Это война. И война, помяни мое слово, не на один год.

Глава пятая

И СНОВА – ВОЙНА

Вторжение советских войск в Афганистан всколыхнуло весь мир и на десять ближайших лет коренным образом изменило политическую обстановку на планете. Советы испы-

тывали прессинг со стороны всего западного мира. Даже знаменитая московская Олимпиада, которая должна была пройти с невиданной помпезностью и размахом подверглась бойкоту многих государств и в итоге, по сути, превратилась в турнир спортсменов социалистического лагеря.

У Ахмада ар-Равийя состоялся нелегкий разговор с муфтием Абдуль-Хамидом Зия, в результате которого Закиру удалось досрочно закончить обучение в медресе, сдав экзамены экстерном, что воспринялось, как явление поистине беспрецедентное.

– В Африке ты виртуозно овладел оружием, но теперь твоим главным оружием станут твои знания. В первую очередь знания, а уж потом автомат, – наставлял ар-Равийя своего подопечного. – Одна из основных твоих задач в Афганистане – стать проповедником наших идей. Конечно, и твой военный опыт тоже ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов. Отряды афганских муджахиддинов сейчас нуждаются в опытных, толковых командирах. Братья по вере помогут им. Но организация отрядов, отправка умелых инструкторов из различных стран исламского мира займет немало времени. Поэтому отправляйся, не мешкая, тебя уже ждут с нетерпением.

Х Х

Х

Очередную встречу Центр назначил ему в Израиле. На этот раз дорога была долгой, путанной и сложной. И не только потому, что так требовали правила конспирации. Выбраться из воюющего Афганистана в Израиль было делом далеко не простым. Легитимная причина, правда, нашлась довольно просто – ссылаясь на свои африканские связи, Китаец должен был провести переговоры об отправке группы инструкторов боевой подготовки.

Из афганского Джелал-Абада он по реке Аму-Дарья переправился в советский Термез, что на юге Узбекистана, благо советско-афганская граница в те смутные дни еще не была столь прочной и хорошо укрепленной, чтобы не найти в ней брешь. Из Термеза его доставили в Ташкент, а оттуда в – Москву. Поезд «Красная стрела» домчал его в Ленинград. В городе на Неве он позволил себе небольшую вольность – провел часа три, больше просто не мог позволить, в Эрмитаже. Когда он бродил по залам музея, впереди мелькнула копна светлых волос. «Эля!», ёкнуло сердце и он устремился вперед. Но это была не она. Совершенно незнакомая девушка, явно недоуменно оглянулась, когда он дотронулся до её локтя, и молодой человек поспешил пробормотать извинения. Конечно, телефон Элеоноры он помнил наизусть, но о том, чтобы позвонить ей не могло быть и речи. Незачем было беречь душу этой совершенно чудесной девушке. Да и себе тоже.

Перебравшись в Финляндию, из Хельсинки, он, наконец,

вылетел в Израиль. ТельАвив, несмотря на глубокую ночь, встретил его привычным весельем набережных, мерным шумом волн и морем огней. Китаец припомнил, как метко определяют израильтяне суть жизни своих трех самых больших городов: Иерусалим молится, Хайфа работает, ТельАвив гуляет. Да, не зря называют ТельАвив городом без перерыва. А тут он еще прилетел к концу рабочей недели, когда большинство горожан предпочитали морское побережье собственным квартирам. Здесь, на берегу Средиземного моря, на специально для этого отведенных лужайках, жарили шашлыки и сочные стейки, пили легкое вино из виноградников, некогда посаженных бароном Ротшильдом, сидели в открытых кафе, одним словом, наслаждались жизнью. Повсюду играли эстрадные ансамбли, под эту музыку люди, без всякого стеснения, танцевали прямо на тротуарах. Прохаживаясь по набережной, Китаец невольно загляделся на немолодую уже пару танцоров. Они были явными мастерами своего дела, почти что виртуозами. Он вспомнил, как в кибуце «Зор Алеф», где он когда-то жил, был танцевальный клуб. Здесь, под руководством опытного хореографа, занимались танцами все желающие. Многие из кибуцных любителей танцев в выходные дни уезжали к вечеру специально для того, чтобы потанцевать на набережных. По давнему решению тельавивского муниципалитета в выходные дни на побережье играли, бесплатно для горожан, лучшие эстрадные музыканты. Китаец гулял по набережной почти до рассвета,

впрочем, нескольких часов сна и привычная гимнастика вернули ему бодрость. Утром, надев блондинистый парик, приклеив усы и, прикрыв глаза дымчатыми очками, он, опять переменяв свою внешность до неузнаваемости, отправился на встречу. Поплутав около часа по улицам, и убедившись, что блондинистый турист, облаченный в джинсовые шорты и просторную футболку, не привлек излишнего внимания, он вошел в подъезд обычного внешне дома и пешком поднялся на четвертый этаж. В небольшой гостиной его приветствовали два пожилых человека, в одном из которых он с радостью узнал бригадного генерала.

Уже через несколько минут после начала беседы Китаец понял, что незнакомец, пришедший вместе с генералом – один из высших руководителей израильской разведки. Говорил, преимущественно, он.

– Советы весьма опрометчиво вторглись в Афганистан, сегодня это понимают не только во всем мире, но хорошо осознают наиболее трезвые советские политики и даже военачальники, – говорил шеф внешней разведки. – Бойня развязывается великая и мы предвидим, что столь же велики будут людские потери. Что станет с самим Афганистаном, пока не совсем ясно, хотя можно спрогнозировать, что эта, и без того полунищая страна, окончательно рухнет в бездну хаоса и разрухи. Не сомневаюсь, что ты хорошо осознаешь, насколько важная нам информация любого характера.

– Руководство приняло решение, в соответствии с кото-

рым твои действия станут практически неограниченными, – подключился к беседе бригадный генерал. – Твои нынешние полномочия настолько высоки, что тебе дается право принятия любого решения самостоятельно, на месте, в зависимости от обстоятельств. Как говорится, «алегер ком алегер» – на войне, как на войне. Поэтому ты должен действовать так, чтобы ничем себя не расшифровать.

– Стрелять и убивать? – счел нужным уточнить агент.

– Если другого выхода не будет, стрелять и убивать тоже, – жестко отреагировал шеф. – После Африки не тебя учить, как избежать ненужного кровопролития. К тому же чудеса героизма ты можешь проявлять, не только убивая, но и, в основном, спасая своих единоверцев. Конечно, у головорезов всех мастей слава погромче, но и у народного защитника авторитета должно быть немногим меньше. К тому же, уважаемый «мулла», не пренебрегайте, ни в коем случае, проповедями. Это принесет вам дополнительную известность и уважение, а также, что наиболее для нас важно, перспективу возможности общаться с людьми определенного, высшего круга. Пожелаю вам успеха.

Когда Китаец остался с генералом наедине, то первым делом, улыбаясь, спросил: «А рыба по-мароккански сегодня будет?»

– Ах, ты хитрец, запомнил! Ну, а как же. Моя рыба теперь для тебя, что талисман. Без нее просто не отпущу тебя. Пойдем на кухню, поможешь мне.

– Слушаюсь, мой генерал, – и Китаец шутливо вытянулся по стойке «смирно».

– Нет, – покачал головой наставник. – Больше не генерал. Военный пенсионер, который преподает востоковедение в университете. Думаю, теперь не будет большим нарушением, если ты узнаешь мое имя – Элиэзер Бен-Яков. Можешь называть меня Лазарь, так в детстве звала меня моя матушка. И Элиэзер поведал, что руководство разведки решило, учитывая особый случай и отступая от общепринятых в разведке правил и инструкций, привлечь его, пенсионера, к разработке данной операции. А вот о том, каких трудов стоило вызвать Волка в ТельАвив, генерал своему ученику рассказывать не стал, ни к чему ему знать все то, что пришлось выслушать Бен-Якову от высшего руководства.

По всем канонам, писанным и даже неписанным, глубокое внедрение агента-нелегала в чужеродную среду уже само по себе исключало его появление в той стране, где он жил и проходил подготовку. Об этом отставному генералу вынужден был напомнить один из руководителей разведки, еще с десятков лет назад и сам числившийся среди его учеников и работавший под непосредственным руководством Бен-Якова. Отставной генерал слушал, согласно кивал, но оставался при своем мнении. История мировой разведки знает немало случаев, когда внедренный на долгие годы агент-нелегал, оторванный от родины, с которой подолгу не имел никакой связи, проникался иной идеологией, менял свои взгляды и от-

ношения, а главное – утрачивал веру в свое дело и свое предназначение. И сейчас, когда Волку предстояло раствориться в исламском мире,

генерал хотел еще раз увидеть, лишний раз убедиться, насколько крепок духом его подопечный. Позиция генерала возобладала только после, казалось бы, бесконечных дискуссий и обсуждений. Несколько известных корифеев разведки, чье мнение оказалось решающим, поддержали отставного генерала, и лишь тогда специальное подразделение вплотную занялось отработкой маршрута агента от Афганистана до Израиля.

– Роман, а ты не хочешь хотя бы здесь избавиться от своего маскарада? – спросил отставной генерал и Китаец едва сдержался, чтобы не вздрогнуть, до того неожиданно прозвучало имя, которое он даже сам запретил себе вспоминать.

– Ну-ну, – успокоил его Элиэзер. – Прости старику такую вольность, тем более, что я ее себе позволил только наедине с тобой. Скоро явится Марк, так что величать тебя будем только твоим новым псевдонимом, хотя для нас ты по-прежнему остаешься Зээв. Да, по поводу Марка хочу тебе сказать, что это чрезвычайно опытный и настолько же надежный человек, которому ты можешь доверять всецело. Это очень важно, потому что именно он, надеюсь, на долгие годы, стал твоим куратором. Что же касается связных, то не удивляйся, если увидишь в Афганистане кого-либо из старых своих знакомых. Мы учли этот аспект, потому что в той особой обста-

новке, где тебе приходится действовать, даже самый мудреный пароль может оказаться ненадежным.

– А как быть с инструкторами, которых я должен отправить в Афганистан? – поинтересовался Зээв.

– Над этим работает сейчас целая группа. Сложностей не возникнет, а в детали тебя посвятит Марк. – Но не сегодня. Сегодня мы только ужинаем и отдыхаем. К тому же времени у тебя предостаточно. Ты же не можешь выполнить столь сложную миссию, как вербовка инструкторов, за каких-нибудь два-три дня.

– Но это все детали, – задумчиво добавил Элиэзер. – Я же, пока мы вдвоем, хотел поговорить с тобой вот о чем. Твое внедрение, и это не только мое, но и общее мнение, проходит довольно успешно. Но именно в этом сейчас и сокрыта для тебя и главная трудность, и главная опасность. Ситуация складывается таким образом, что ты теперь очень многие годы будешь действовать самостоятельно, иногда даже без связи. Это вызвано, в том числе, и соображениями твоей собственной безопасности. Но при этом, совершая тот или иной шаг, любое свое действие, ты не имеешь права забывать, какой цели служишь. Всякий раз, когда возникнет ситуация, требующая от тебя, и только от тебя одного, принятия важного решения, ты должен руководствоваться главной целью. Война закончится, как бы долго она ни тянулась. Но теперь уже совершенно очевидно, что останутся люди, которые из всех жизненных навыков овладеют всего лишь одним – уби-

вать. И можешь не сомневаться, желающие объединить их в единую, и страшную силу, тотчас окажутся рядом. Уже сейчас создана международная группа аналитиков, куда вошли и наши специалисты, работающая над этой проблемой. Так вот, их выводы весьма неутешительны. Они прогнозируют резкую активизацию исламских террористических организаций. Не исключают также, что у исламских террористов появится свой, единый, координационный центр, следовательно, и свои лидеры. Вполне возможно, что ими станут люди, которых мы сегодня еще не знаем. Как ты понимаешь, они не явятся из космоса. Они рядом с нами уже сегодня и наша общая задача, твоя в том числе, разглядеть этих людей. Мы не исключаем вероятности, даже скажу больше, полагаем вполне вероятным, что будущие лидеры исламских экстремистов сейчас устремятся в Афганистан. Не исключено, что с кем-то из них тебя именно там сведет судьба. Поэтому будь внимателен к каждому. Общее военное прошлое объединяет людей, в будущем может стать для тебя лучшей характеристикой.

Генерал ненадолго умолк, о чем-то задумавшись, потом продолжил: «Тебе будет трудно, порой невыносимо трудно. Потому что, в отличие от многих других, выполняющих, скажем так, подобную миссию, ты наиболее успешно внедряешься в исламскую среду. И чем глубже ты будешь внедряться, чем больше становиться своим и близким, тем больше будут ждать от тебя решительных и активных действий.

А это значит, что каждый раз ты окажешься перед выбором.

Сегодня ни один аналитик не сможет спрогнозировать, какие сюрпризы преподнесет тебе жизнь. Но всегда помни: ты борешься с угрозой, перед которой оказался весь мир. И поэтому твоя миссия благородна, какие бы методы ты не выбрал».

– Значит, цель оправдывает средства?

– Значит, так, – твердо ответил генерал.

...Роман и припомнить не мог, когда за последние годы у него выпадало столько свободного времени. С Марком они встречались ежедневно, но встречи продолжались не более трех-четырех часов. Все остальное время он был предоставлен сам себе. Без усталости бродил по Тель-Авиву, съездил в Иерусалим, побывал на Мертвом море и даже, по старой памяти, отправился в сафари, где беззаботно, от души веселься, бросал апельсины орангутангу-вратарю.

Х Х

Х

Голуби заполнили весь город. Никогда в жизни не доводилось Китайцу видеть сразу столько голубей, сколько собиралось их на площади перед мечетью в Мазари-Шарифе. Голуби были сытые, каких-то неправдоподобных размеров и ничуть не боялись людей. Когда правоверные собирались на

молитву, им приходилось разгонять голубей камнями. Раскормленные птицы неохотно поднимались вверх, всего на несколько метров, но потом опускались прямо на блестящие остроносые калоши, которые перед входом в мечеть оставляли мусульмане. В окрестностях Мазари-Шарифа сформировалась крупная группировка муджахиддинов (буквальный перевод – «борцы за веру» – авт.) Они носили ту же традиционную афганскую одежду, что и подавляющее большинство местного населения – светлые рубахи, просторные парусиновые штаны, черная жилетка, чалма – и внешне ничем не выделялись. Неповоротливое и непривычное русскому уху слово муджахид советские солдаты не выговаривали, называли их реже моджахедами, а чаще – душманами (в переводе с афг. «враг» – авт), или употребляли еще более простое жаргонное слово – духи. Афганцы же советских солдат и офицеров, всех без исключения, вне зависимости от звания, называли «шурави», что, собственно, и переводилось как «советский».

...Бои за город Мазари-Шариф отличались особым кровопролитием. Участие в этих сражениях стало синонимом и символом героизма, как среди повстанцев, так и в советских войсках. За голову одного из русских офицеров, отличившихся под Мазари-Шарифом, была даже назначена баснословная по тем временам плата в десять тысяч долларов.

Молоденький старлей Алексей Плохой отличился в первые же дни войны при взятии штурмом приграничного аф-

ганского города Джелал-Абад. Его заметил командующий 40-й армией, которая составляла, как тогда называли, «ограниченный контингент советских войск» в Афганистане и отметил своим приказом министр обороны СССР. Славного «воина-интернационалиста» повысили в должности, досрочно присвоили звание капитана, дали ему батальон и даже представили к присвоению звания Героя Советского Союза. О нем появилось несколько очерков в крупнейших газетах, и кто-то даже придумал байку: «Самый хороший в Советской армии – капитан Плохой».

Но, продвигаясь вглубь страны со своим батальоном, Плохой однажды сплеховал. Как-то под вечер батальон под командованием капитана Плохого зашел в один из кишлаков. Его встретили радушно: угостили мясом специально зарезанного барана, удобно, по тамошним понятиям, расквартировали. Кишлак находился наверху узкого каменистого ущелья. Когда утром батальон двинулся по ущелью вниз, сверху ударили крупнокалиберные пулеметы. Но нападавшие не учли воинской доблести и умения капитана. Алексей Плохой с огромными, до семидесяти процентов личного состава потерями, все же сумел кое-как развернуться, и сравнял кишлак с землей. Не щадили никого, смертоносный огонь уничтожал без разбору всех. После зачистки в живых обнаружили семнадцать афганцев. Плохой вызвал по радиации вертолет, все семнадцать пленных были заброшены вовнутрь и, когда «вертушка» поднялась на сотню метров, Плохой собствен-

норучно выбросил каждого из семнадцати афганцев вниз, на скалы. Жуткая история получила огласку, Плохого отдали под трибунал. Сначала его приговорили к расстрелу, потом кто-то из военных прокуроров обнаружил закон, запрещающий расстреливать Героев Советского Союза и, хотя капитану звание еще присвоено не было, расстрел ему отменили.

Плохого мурыжили еще довольно долго, но потом что-то враз резко изменилось. Капитана наградили орденом Красной Звезды и отправили воевать в район Мазари-Шарифа. С тех пор он «прописался» в самых опасных и смертоносных местах Афганистана – на Саланге, в Баграме, Кандагаре, но, хотя ранений получил несчетно, остался жив и вышел из этой бойни полковником с пятью орденами Красной Звезды. Должно быть, кто-то невидимый раз и навсегда определил ему «Красной звездой» наградной потолок и выше этого ордена Алексей Плохой за десять лет войны так ничего и не удостоился.

История для той бессмысленной бойни совершенно типичная. В советских войсках воинский подвиг и уголовное преступление ходили бок о бок. Мальчишка-сержант спас из-под шквального огня моджахедов афганскую семилетнюю девочку, прикрыв ее своим телом и сам едва остался жив, а выписавшись из госпиталя после тяжелых ранений, в первый же день ограбил автопоезд с гуманитарной помощью, спокойно пристрелив при этом сопровождающих. Бравый подполковник, награжденный многими боевыми орденами, на-

полнял пустые цинковые гробы награбленными у местного населения золотыми ювелирными изделиями и наркотиком и под печально-известным грифом «Груз-200» отправлял их в Союз военно-транспортными Ил-76 – теми самыми рейсами, которые в годы войны назывались «черный тюльпан».

Среди солдат, которые вскоре поняли, какой именно «интернациональный долг» они здесь выполняют, но так и не сумевших понять, за что и за кого они ежедневно гибнут и теряют собственное здоровье, зрело глухое, а иногда, прорываясь, и явное недовольство. В войсках началось пьянство, на папиросы, забитые солдатами местным гашишем, офицеры попросту перестали обращать внимание.

Правительство Бабрака Кармаля, возглавившего, по решению Москвы, Высший революционный совет Афганистана, было инертным и беспомощным. Даже набравший политическую силу и ставший впоследствии президентом Мохаммад Наджибулла, который до конца 1979 года укрывался от гнева шаха Амина в СССР, все свои действия согласовывал с советскими советниками – «мушаверами». По сути дела к каждому афганскому руководителю, к командирам всех подразделений регулярной армии был прикреплен советский советник.

Особенно выделялся среди «мушаверов» Евгений Полинчук. Его кабинет находился на первом этаже здания НДПА – народно-демократической партии Афганистана, в том же самом крыле, которое занимал Бабрак Кармаль, а впо-

следствии «доктор Наджиб», как афганцы предпочитали называть бывшего борца и азартного любителя конных скачек Наджибуллу. Возглавив национальную службу информации (ХАД) – «наше афганское КГБ», как любил повторять Наджибулла, он рассчитывал прибрать к рукам все бразды управления страной, но очень быстро понял тщетность своих попыток, терпеливо дожидаясь, когда его усилия оценит «старший русский брат», и вполне смирился с ролью марионетки. Так же, как впрочем, смирился с этой малопочтенной миссией и Бабрак Кармаль. Впрочем, Кармаль личную проблему решил весьма своеобразно. В недолгую свою бытность послом Афганистана в Чехословакии, он пристрастился к неповторимому чешскому пиву, у советских друзей научился запивать этим дивным напитком ледяную «Столичную» водочку и за этим занятием день проходил незаметно. Кармаль долгому пребыванию в родной, но такой беспокойной стране, предпочитал командировки в Москву, где после непродолжительных, но частых переговоров, вернее наставлений и поучений, проводил время по собственному усмотрению и к собственному удовольствию.

Тем временем сбывались худшие из прогнозов противников этой бессмысленной, но от того не ставшей менее жестокой войны – она затягивалась год от года, и потери уже исчислялись десятками тысяч людей. Войну проклинали по обеим сторонам реки Аму-Дарьи, и в Советском Союзе и в самых отдаленных кишлаках Афганистана, граничащих с

Пакистаном. Но ни та, ни другая сторона, казалось, уже не может вырваться из этого смертоносного водоворота.

За эти годы мулла Закир Бен-Нурлан стал известен многим муджахиддинам. Его проповеди отличались особой глубиной и в то же время были доступны пониманию любого, даже самого необразованного землепашца. И хотя ему, по необходимости, приходилось частенько произносить в своих проповедях бесчеловечные постулаты исламистов, типа: «Долг каждого афганца защищать от неверных свою родину – Афганистан и свою веру – священный ислам. Во имя Аллаха долгом каждого правоверного мусульманина является священная война – джихад, для этого ему следует идти и убивать неверных, только тогда душа его сможет войти во врата рая», он умел найти и такие слова, которые доходили до сердца каждого. Не без основания поговаривали прихожане мечетей, что уважаемый мулла и в бою от пуль не гнется и за спины других не прячется. А с его меткостью стрелка мало кто может соперничать. Ценили Закира Бен-Нурлана и в руководстве повстанческого движения. Здесь отдавали должное стратегическому мышлению муллы и даже журили, что столь уважаемый и досточтимый человек неоправданно рискует собой, отправляясь в бой, как рядовой муджахид. В таких случаях он отвечал с пафосом, здесь это было вполне уместно:

– Долг любого правоверного, а муллы в особенности – спасти своего единове́рца. Я выполняю волю Аллаха и посту-

пать иначе не могу. «Да-да, уважаемый, – отвечали ему, мы понимаем, что Аллах наделил вас особой силой и то, что делаете вы, не может сделать никто иной».

Закир и в самом деле практически в каждом бою спасал от неминуемой смерти несколько человек, не раз под обстрелом выносил раненых с поля боя. Это принесло ему ни с чем не сравнимую славу и авторитет, с другой стороны никому не приходило и мысли в голову поинтересоваться у муллы, а сколько неверных отправил он на тот свет собственными руками. Да и осмелюсь спросить его кто об этом, наглеца наверняка бы заставили замолчать тотчас, надавав еще и тумачков в придачу.

Довольно редко, но все же удавалось Закиру бывать и в Кабуле. С надежными документами он мог не опасаться проверки советского патруля. В центре афганской столицы, на разбомбленной улице Шерианау, он еще в самом начале своего пребывания в воюющей стране встретил того, кого узнал бы, несмотря на самый искусный грим – Галя.

... Кабул находится в долине меж гор Шердаваза и Асамай, окруженный холмами Гиндукуша и хребтами Паропамиза. Ровно в девятнадцать часов, как говорят военные, или в семь вечера, как предпочитают выражаться штатские, ежедневно, с поразительной пунктуальностью, со всех окрестных холмов, хребтов и просто возвышенностей на Кабул сыпались снаряды. В домах и отелях города без пяти семь люди открывали окна и стеклянные балконные двери, чтобы не

посыпались от взрывной волны осколки, и обреченно ждали окончания очередного обстрела. Попасть снарядом в центр города у муджихиддинов считалось особой доблестью, поэтому улице Шеринау доставалось больше всех других. От тротуаров и проезжей части не осталось даже воспоминаний – сплошные рытвины, воронки. И все же, когда обстрел затихал, открывались лавки и магазинчики мелких торговцев, только тусклый свет керосиновых ламп их заведений и освещал улицу, если это блеклое мерцание можно было назвать освещением. В лавке, куда зашел Закир, неброско одетый афганец рассматривал товар. Купив бутылку воды, мулла вышел и, не спеша, направился вдоль Шеринау. Через несколько минут с ним поравнялся Галь. Только по блеску глаз можно было бы догадаться, как рады друзья этой долгожданной встрече. Но кто сумеет разглядеть глаза двух человек, о чем-то не спеша беседующих на темной улице. А они не могли себе позволить не то чтобы крепко обняться, но даже и обменяться рукопожатием.

Сдерживая волнение от встречи, Галь лаконично передавал задание Центра:

– Твоя основная цель – приблизиться к шаху Максуду, стать его доверенным лицом. В центре понимают всю сложность этой задачи, но надеются на тебя. Ты, кстати, уже встречался с ним?

– Всего несколько раз, да и то мельком. Последний раз он приезжал с каким-то Бин Ладеном, про которого расска-

зывают, что он проявил чудеса героизма в боях под Джалал-Абадом. Еще рассказывают о его сказочном богатстве, который он сейчас тратит на оружие и на подготовку боевиков-повстанцев.

– Нам уже известен этот господин. Похоже, он действительно богат, но особого интереса не представляет. Сын миллионера, разбогатевшего на строительстве дорог в США и Саудовской Аравии, похоже, ищет способы, как помочь папе избавиться от лишнего десятка миллионов. Смутно поговаривают о том, что Усама связан с ЦРУ, но информация непроверенная. Кое-кто считает, что он вообще сам распространяет слух и о своих контактах с ЦРУ, дабы придать себе особую значимость. Одним словом, отнюдь не он объект твоего внимания. Твоя цель – шах Максуд, – повторил связной. – Следующая встреча через три недели в кишлаке Чор-Су, в известном тебе месте. Будет другой человек, ты его узнаешь. Но контактировать вам запрещено. Вы, максимум, можете поприветствовать друг друга. И никаких бесед. Он найдет возможность передать тебе шифровку. Ситуацию по передаче шифровки должен создать сам связной, ты ее ни в коем случае не иницируй. И вообще, береги себя, – добавил Галь голосом, вовсе не свойственным тональности деловых наставлений.

– А ты? Мы с тобой еще увидимся? – не удержался Закир от торопливых вопросов, так как понимал, что Галь уже прощается с ним.

– Обязательно, даже не сомневайся. Боюсь только, что не скоро.

Закир возвращался к себе, и по дороге обдумывал новое задание. Штука ли – подобраться к самому Максуду. Шах Максуд родился в семье военного, получил довольно приличное образование, хотя, поступив в политехнический институт, его так и не закончил. Став одним из лидеров движения «Мусульманская молодежь», Максуд предпринял попытку правительственного переворота, однако потерпел поражение и вынужден был скрываться в Пакистане. Вернувшись в Афганистан после вторжения советских войск, Шах Максуд своей базой выбрал провинцию Панджшер и стал одним из тех, кто возглавил повстанческое движение муджахиддинов. В мусульманском мире он приобрел славу отважного полководца и выдающегося организатора партизанского движения.

Шах Максуд формировал свои отряды не только по географическому, но и по родо-племенному признакам. Действия каждого отряда, возглавляемые полевыми командирами, координировались представителями партизанского движения и потому были чрезвычайно эффективны. На протяжении всех лет войны муджахиддины имели весьма разветвленную разведывательную сеть, внедряясь практически во все правительственные структуры Афганистана, в ряды командования армии, в спецслужбы и полицию. Главной целью вооруженной борьбы повстанцев Максуд видел свержение

государственной власти и, как итог, вывод советских войск из Афганистана.

Приближенные к Шаху отмечали не только его волевые качества, но и особое коварство вкупе с проницательностью, наделяя его качествами провидца, который видит все и вся насквозь. Вот к этому человеку и предстояло приблизиться Закиру.

Х Х

Х

Подходящий случай представился довольно скоро, но при весьма необычных и достаточно непростых для муллы обстоятельствах.

В этот день муджахиддинам довольно легко удалось отбить атаку немногочисленного отряда «шурави». Бой уже затихал, когда из-за поворота на узкой тропинке между скал появился верхом на ослике старик. Здесь его знали многие – он жил в одном из близлежащих кишлаков, славился своей житейской мудростью и независимостью взглядов. Раздался неожиданный выстрел и старик, громко вскрикнув, упал, оказавшись придавленным тяжестью ослика. Подняться он не мог, как ни старался, возможно, был ранен. Ближе всех к этому месту оказался мулла Закир. «Прикройте меня!», – крикнул он и бросился к старику. Тот оказался цел, только при падении, очевидно, вывихнул ногу. Волоком оттаскивая

его от опасного места, Закир вдруг ощутил толчок и тут же острая боль пронзила левое плечо.

Его доставили в полевой госпиталь. Ранение оказалось непростым, в плечо попала разрывная пуля, а попади маленький кусочек свинца всего на несколько сантиметров ниже, смерть была бы неминуемой. К тому же условия полевого госпиталя и квалификация хирурга оставляли желать много лучшего. Во время операции в кровь попала инфекция, больше десяти дней он находился без сознания, пребывая на грани между жизнью и смертью.

«Если я без сознания бредил, то на каком языке?», – пронзила его мысль, как только он очнулся.

– Давно я здесь? – спросил Закир забинтованного афганца, лежащего на соседнем топчане.

– Давно, уважаемый, – отозвался тот. – А сколько дней я не знаю, не считал.

– Кричал, бредил? – настороженно поинтересовался Закир.

– Нет, – покачал головой афганец. – Вы только стонали, но очень тихо, будто боялись кого-то побеспокоить. А мы все молились за ваше выздоровление, просили Аллаха, чтобы он сохранил жизнь такому благородному человеку.

Через несколько дней полевой госпиталь посетил шах Максуд. Шах вообще взял себе за правило посещать полевые госпиталы, наведывать раненых, вселять в них бодрость духа. Так что и нынешний его визит из ряда вон выходящим

не был. Первым делом он направился к постели Закира.

– Как вы себя чувствуете, уважаемый? – осведомился он.

Закир попытался приподняться, хотя бы сесть, но шах удержал его: «Нет, нет, дорогой мулла, вставать вам еще нельзя, так во всяком случае, говорит этот сын собаки, который вас оперировал».

– Он добрый человек, – счел необходимым заступиться за хирурга Закир. – А то, что ему знаний не хватает – не его вина. Он старался сделать для меня все, что мог.

– О, о вашем благородстве известно всем, – отреагировал Максуд. – Впрочем, вы правы, идет война. Знающих врачей на все полевые госпитали не хватает, вот и приходится обращаться даже к услугам недоучек. Я хотел примерно наказать этого докторишку, но ваше доброе слово спасло его от моего праведного гнева. В конце-концов, если бы не он, все для вас могло закончиться гораздо печальнее, – Максуд произнес эти слова нарочито громко, чтобы другие больные, находившиеся здесь же, могли оценить его благородство и справедливость. – Здесь очень душно, – неожиданно сменил Максуд тему разговора. – Я прикажу, чтобы вас перенесли во двор, поближе к живительной влаге ручья. Подышите воздухом, а заодно и разговор продолжим.

Через полчаса, коротко поговорив с каждым из раненых, он снова подошел к Закиру и подивился разительной перемене, что за это короткое время произошла с больным. Свежий горный воздух и умиротворяющее журчание ручья вер-

нули Закиру бодрость, болезненная бледность сменилась матовым румянцем.

– Вы поправляетесь прямо на глазах! – воскликнул Максуд. – Я рад этому, ибо теперь у меня появилась надежда, что вы вскоре вернетесь к своим делам. Мы с вами, если помните, пару раз уже встречались. Не скрою, отправляясь сюда, я навел о вас кое-какие справки, так как уже довольно много слышал от людей о мулле Закире Бин Нурлане. Я был приятно удивлен, когда узнал, что у нас с вами есть общий знакомый – уважаемый Ахмад ар-Равийя. Долгое время проведя в Пакистане, я не раз встречался в Карачи с этим почтеннейшим человеком, сумел оценить его связи и влияние, которые он всегда подтверждает делом. Ар-Равийя очень обеспокоен вашим ранением и я заверил его, что сделаю для вас все необходимое. Просил передать, что ценит вас и гордится вами. Для меня лучшей характеристики, чем отзыв ар-Равийя и быть не может. Я знаю, что вы человек образованный и пользовались благосклонным вниманием муфтия, слышан и о том, что прошли блестящую школу в Африке, слыли там храбрым бойцом. Не стану от вас скрывать – мне приятно, что такой человек сражается в наших рядах. Я вижу, что утомил вас своим разговором, вы все же еще очень слабы. На прощание скажу лишь одно: «Поскорее поправляйтесь и – до встречи. Мы найдем достойное применение вашим знаниям и способностям».

Закир и впрямь был на грани изнеможения, но впасть в

забыть было для него слишком большой роскошью. Необходимо прямо сейчас, не откладывая, еще раз прокрутить в памяти весь состоявшийся разговор, проанализировать не только каждую фразу и слово, но и интонации, с какими они были произнесены, и даже жесты, взгляды своего высокопоставленного собеседника. Закиру было известно, что Шах Максуд не забывает своих пакистанских покровителей, и в определенных кругах соседнего государства ему продолжают оказывать всяческую помощь и содействие. Значит, разведке Максуда стало известно о связях Закира со стариком ар-Равийя. Ну что ж, это следует отнести к положительной стороне дела, ибо рекомендация влиятельного старца на самом деле дорогого стоит. А вот предложение Максуда использовать знания и военный опыт муллы, что кроется за этим?... Возможность проникнуть туда, куда он так стремится, или дополнительные риск и опасность? Вопросов было куда больше, чем ответов.

Х Х

Х

Это было похоже на сон. Да какой там сон! Даже в самом кошмарном сне не могло ему привидиться такого. Казнили Абу Нуваса – «кудрявого». И он, Закир, должен был при этом присутствовать, и не просто присутствовать, но и ничем не выдать себя.

Ярость от собственного бессилия, от сознания, что не может помочь товарищу, клокотала в нем, но Закир не позволил себе даже веки опустить во время казни.

Еще несколько недель назад он приметил в расположении штаба нового конюха, признав в нем своего связного, с которым встречался в кофейне на окраине Карачи. Но всякий раз, когда Закир проходил мимо кюнешен, Абу Нувас подавал со стороны невидимый, но для них двоих вполне понятный сигнал – не подходить!

Легенда Абу Нуваса казалось ему самому такой прочной и непогрешимой, что он в какой-то момент, видимо, расслабился. Кто-то из службы безопасности Шаха Максуда обратил внимание, что новый повар чересчур уж тщательно, как-то даже не по-мужски витиевато, штопает одежду. Повара обыскали и в одном из швов черной жилетки была обнаружена шифровка. Расшифровать неизвестный код не удалось, но у контрразведчиков не оставалось ни малейших сомнений – связной шел на встречу с агентом. Стало быть, агент находился где-то рядом, может быть, в одном из партизанских отрядов, а возможно и в самом штабе – такой вероятности тоже нельзя было исключать.

К связному применяли самые жестокие и изощренные пытки, на которые только были способны палачи. Абу-Нувас молчал. И откуда взялось столько сил – духовных и физических в этом тщедушном теле!

– Ни одно живое существо не может выдержать того, что

выдерживает этот шакал, – докладывал начальник контрразведки шаху. – Он может подохнуть в любой момент, а этого допускать нельзя. Его надо казнить.

Максуд согласно кивнул головой.

– Я составил список людей, которые на казни должны присутствовать обязательно. Мои люди будут смотреть во все глаза, может быть, предатель чем себя и выдаст. – И он протянул список, состоявший из двух десятков имен. Было в списке и имя муллы Закира Бин Нурлана.

– А этот человек как попал в твой черный список? – недовольно поморщился Шах, увидев фамилию того, кого приблизил к себе сам.

– Этот человек в вашем окружении недавно и хотя, я знаю, вы ему доверяете, упустить представившуюся возможность лишний раз его проверить, было бы верхом легкомыслия. Кстати, если вы соизволите обратить внимание, моя фамилия тоже значится в этом списке.

– Кого ты хочешь провести этими хитростями?! – рявкнул шах, но список утвердил – цена человеческому предательству и коварству была ему слишком хорошо известна.

...Все было кончено. Сверкнула сталь клинка, голова с выпученными от ужаса и навсегда застывшими глазами глухо стукнулась о песок. Почему-то именно в этот момент Закиру подумалось, что он, наверное, уже никогда не узнает настоящего имени человека, с которым был знаком столько лет и к которому все, да и он сам обращались только по его

нелепому прозвищу. Да что там имя! У него не было даже возможности сообщить о героической гибели связного. Последующие несколько часов он провел в неведомом для него ранее состоянии. Отвечал на вопросы, что-то делал, даже пил чай в окружении других людей. Но при этом у него было такое ощущение, что это не он, а какой-то заменивший его робот говорит, движется, проверяет перед сном оружие...

Х Х

Х

Через несколько дней шах Максуд вызвал Закира. «У меня печальные новости, дорогой брат, – произнес он и, приподняв чалму, стал яростно растирать затылок, отгоняя нахлынувшую боль. – Умер Ахмад ар-Равийя. Мы выезжаем сегодня же.

Закир взглянул вопрошающе.

– Да конечно, вы едете тоже. Я знаю, как относился к вам уважаемый ар-Равийя и просто не имею права лишать вас возможности проводить его в последний путь.

Закира удивило, что на похороны народу собралось совсем немного.

– Советами и помощью покойного пользовались многие, но большинство из них старались не афишировать своих отношений, – пояснил шах Максуд. – А вы мужественный человек, – счел необходимым добавить он. – Не проронили ни слезинки.

– Идет война, – возразил мулла. – Нам некогда горевать

даже по тем, кого убивают неверные. А смерть в столь почитенном возрасте – не горе, но лишь благодеяние Аллаха.

– Старик не зря был высокого мнения о вашем уме, – заметил Максуд и добавил многозначительно, – он не ошибался в людях.

Странные чувства владели Закиром на этих похоронах. Ему было доподлинно известно, что старик финансировал поставки оружия, не пренебрегал торговлей наркотиками, то есть сеял повсюду смерть. Но он не мог избавиться от мысли, что в глубине души благодарен покойному – ведь именно он, пусть даже невольно, способствовал достижению той цели, которую поставил перед собой Закир.

В Панджшерское ущелье, где располагался штаб Максуда, они вернулись через сутки, когда рассвет еще только занимался. В дороге все больше молчали, лишь изредка обмениваясь вроде ничего не значившими репликами. Но так могло показаться только стороннему наблюдателю. На самом деле шах не упускал ни единой возможности как можно лучше понять, кто находится рядом. Действительно ли искренен с ним этот немногословный человек, насколько глубокими обладает знаниями, способен ли мыслить самостоятельно, или предпочитает подлаживаться под чужое мнение, скрывая свое собственное, либо не умея его отстаивать. И чем больше приглядывался Максуд к мулле Закиру, тем больше убеждался, что перед ним человек неординарный. «Неординарный еще не значит – верный», остужал сам себя Максуд,

решив, однако, что мулла стоит того, чтобы его приблизить к себе, не упуская не единой возможности проверить. И все же, как приятно беседовать не с тупоголовыми баранами, которые только и умеют, что преданно заглядывать в глаза и трясутся от вечного страха и угодничества.

Мулла человек совершенно иного толка. Он на лету схватывает любую мысль, а его собственные суждения отличаются глубиной мышления, склонностью к анализу, выверенностью тщательно взвешенных и хорошо обдуманых выводов. «Конечно, мулла не обладает подготовкой и навыками разведки и контрразведки, продолжал рассуждать шах, Но его аналитические способности очевидны, делают ему честь и он умеет разложить по полочкам и проанализировать любую ситуацию так, как это не в состоянии сделать многие разведчики-профессионалы».

Узнай отставной генерал Элизер Бен-Яков о подобных рассуждениях одного из лидеров повстанческого движения, он бы, несомненно, порадовался за своего ученика, за его безукоризненную конспирацию, великолепно отшлифованное умение перевоплотиться.

В руководстве советских войск совершенно отчетливо сознавали, что именно такие командиры, как шах Максуд, представляют в Афганистане наибольшую угрозу и потому за годы войны было предпринято не менее десятка попыток ликвидации шаха. Но все они провалились. Приходилось признать, что разведка и контрразведка Максуда всегда бы-

ли на высоте. Не последнюю роль в этом сыграл и скромный, никому на советской стороне неизвестный, мулла Закир Бин Нурлан. Ему пришлось приложить немало сил и изобретательности, чтобы оставаться постоянно в тени. Он избегал штабных совещаний, а если и высказывал свое мнению, то старался это делать только с глазу на глаз с Максудом. Конечно, это было нелегко, тем более, что неожиданно у него появился явный враг – один из наиболее доверенных максудовских контрразведчиков. Наиль-эд-Дин был знатоком своего дела, его отличительными чертами к тому же являлись коварство, неверие и недоверие ко всему и всем. Поговаривали, что он рос вместе с шахом Максудом и тот доверял ему безраздельно. Наиль-эд-Дин был горазд на всякие проверки и провокации, за глаза его называли Аль Каззаб, что в переводе означает лживый, скрывающий свои мысли.

Видя, что шах внимательно прислушивается к мнению муллы, контрразведчик воспытал к Закиру лютой ненавистью, причиной которой была элементарная ревность, которую сам шах же и пробудил. А случилось это так.

На какое-то время в Панджшерском ущелье воцарилось относительное затишье. Вся мощь и сила ударов советских войск переместилось в другом направлении. Воспользовавшись этим, приближенные Максуда, в их числе и Наиль-эд-Дин, рекомендовали ему собрать полевых командиров самых крупных партизанских отрядов. Такая необходимость уже давно назрела и шах, не колеблясь, дал свое согласие.

Узнав об этом, Закир спросил:

– Дата и место сбора на совещании были озвучены вслух?

Максуд, разумеется, понял, к чему задан такой вопрос и снисходительно пояснил: «На совещании присутствовали только самые проверенные люди».

– Но и у стен есть уши, – резонно парировал Закир. – Секрет остается секретом только до тех пор, пока он не озвучен. Во всех иных случаях он становится достоянием кого угодно. И вот что еще меня смущает. Это, скорее всего, интуиция, но не только. С подобными случаями я уже сталкивался в Африке. Сегодняшняя ситуация напоминает мне затишье перед боем. Нас словно кто-то хочет убедить, что все силы «шурави» направлены сейчас в другом направлении и им не до ваших отрядов.

– Наша разведка не располагает такими сведениями, – покачал головой Максуд.

– Отсутствие сведений не может служить гарантией отсутствия планов, – снова возразил мулла. – Я бы посоветовал вам, уважаемый шах, за несколько часов до назначенного времени покинуть ущелье вместе с собравшимся полевыми командирами. Но в этот план, если вы, разумеется, его примите, посвящать не следует никого, его надо осуществлять внезапно и стремительно.

И хотя у Закира на самом деле не было никаких данных об очередной готовящейся операции по устранению шаха, его выводы оказались верными. Ракетный обстрел места, где

должны были собраться вместе с шахом полевые командиры самых крупных отрядов, начался через час после того, как они его покинули.

Спустя какое-то время шах раздраженным тоном сделал въедливое замечание своему контрразведчику, заметив, что один мулла Закир стоит всего его аппарата. Подобного замечания было вполне достаточно, чтобы вызвать не только ревность, но и ненависть Аль Каззаба. На какие только ухищрения он не пускался, чтобы опорочить Закира в глазах шаха. Однажды сразу тридцать с лишним «воинов Аллаха» отравились приготовленной на обед похлебкой. Допрошенный с пристрастием повар «признался», что когда обед был уже готов, он предложил проходящему мимо мулле Закиру, снять пробу. Мулла подошел к котлу и, по утверждению повара, пробуя пищу, высыпал в кипящую похлебку что-то белое. Повар решил, что это, должно быть, была соль, и значения-де этому не придал. От неминуемой расправы Закира спасло лишь то, что незадолго до обеда он, в сопровождении нескольких бойцов, покинул расположение лагеря и отправился в кишлак на похороны, чтобы отпеть покойного. За повара, было, взялись основательно, но бедолаге хватило и нескольких ударов палками по пяткам, чтобы он во всем сознался. Вечером к нему подошел человек, лицо которого было закрыто до самых глаз платком и, вручив пакет с белым порошком, велел высыпать содержимое в котел, а потом, во время неизбежного допроса, обвинить во всем муллу ЗХа-

кира. В случае отказа грозился обесчестить двенадцатилетнюю дочь повара, которую пока взяли в заложницы. Девочку вскоре обнаружили прикованной к дереву и все подозрения с муллы Закира были сняты естественным образом.

Неизвестно, чем бы закончился незримый поединок контрразведчика с муллой, если бы не бесславная смерть Наиль-эд-Дина. Автомобиль, которым он предпочел управлять лично, груженный японской электроникой, награбленной из колонны с гуманитарным грузом, не удержался на мокрой горной дороге и рухнул в ущелье. Этому трагическому событию предшествовала небольшая, но весьма вдумчиво и хитроумно разработанная операция. Закиру нужно было прежде всего выяснить, когда в их регионе окажется автоколонна с гуманитарным грузом, и не какой-нибудь там тушенкой, или даже лекарствами, а с таким товаром, который бы мог безоговорочно заинтересовать корыстолюбивого Аль Каззаба. Когда сведения были получены, умело продвинутая информация попала в точку. Против партии японских телевизоров, видеомагнитофонов и кинокамер нечистый на руку контрразведчик, конечно, устоять не смог. Он отправил тайно доверенных людей, которые ограбили колонну и львиную долю награбленного загрузили в машину своего патрона. Не ошибся Закир и в том, что переправлять товар Наиль-эд-Дин не доверит никому, а повезет его сам. Остальное было делом техники и правильного применения давно усвоенных знаний строения автомобиля. Нет, со стороны Закира

это вовсе не было мезью. На том фронте, где он сражался, против него пытались применить те самые коварные методы, которые, несомненно, представляли угрозу его жизни. Он сделал ответный ход, всего лишь. Тот единственно необходимый ход, который требовали от него не только природный инстинкт самосохранения, но и целесообразность порученного ему дела.

Конечно, разведчику было нелегко. Он был одиночкой. В свое время Закир долго думал над тем, как обзавестись помощником. Но после тщательных размышлений пришел к выводу, что даже собственной агентуры он здесь себе позволить не может. Армейская разведка, даже представители спецслужб, как Советского Союза, так и других стран, которых здесь кишмя кишело, вербовали агентуру из местных жителей налево и направо. Но в случае предательства, или случайного провала их всегда бы защитила мощь их государств. Закир же действовал в одиночку и потому испытывал особые сложности. Этим правом на одиночество он наделил себя сам, решив, что такой вариант наиболее разумен и целесообразен. К тому времени, имея за плечами немалый опыт разведчика, он прекрасно понимал, что столь глубоко внедренные агенты-нелегалы, как он сам – товар штучный, если не сказать – эксклюзивный и чем глубже внедряется разведчик в среду своего обитания, чем дальше и дольше находится он от Центра, тем эффективнее в будущем будет его результат. Тот результат, достичь которого иногда предсто-

яло даже не через годы, а через десятилетия. В свое время он прочитал немало «шпионской» литературы и теперь со снисхождением думал о том, что только писательская фантазия приводила к скорому достижению большой цели. Понятно, что деятельность глубоко и надежно внедренных агентов-нелегалов на страницы книг и газет, по вполне понятным причинам, не попадала. О ней, перенимая опыт, можно было узнать только из сухих, без всякой беллетристики и домыслов, отчетов, хранящихся в сейфах под грифом «Совершенно секретно».

Однако, над тем, как сложилась его судьба, разведчик задумывался нечасто – попросту не позволял себе такой роскоши. Он лишь изредка, но все же вспоминал прощальный разговор с генералом Элиэзером Бен-Яаковом в Тель-Авиве. С того памятного дня уж, почитай, десять лет как миновало. Изменились ли его взгляды? Не растворился ли он мыслями в инородной среде, от чего предостерегал его наставник? И сам себе отвечал: «нет». Свою цель он видел по-прежнему ясно и к осуществлению ее шел, не сгибаясь. Конечно, он видел, как надоела всем эта бессмысленная, но от этого не менее жестокая война. Генерал был прав: многие афганцы, хотя и проклинали войну, уже не представляли себе иной жизни. А пришедшие воевать пацаны просто другой жизни уже и не знали вовсе. Это было поколение, «родившееся с оружием в руках». Что ждет их в будущем, если из всех жизненных навыков они овладели только умением стрелять, взрывать и

уничтожать. Они ожесточили свои сердца и людские страдания никого здесь не задевали за душу.

...И все-таки, это уже ясно было всем, казавшаяся бесконечной бойня заканчивалась. Все чаще говорили о предполагаемом выводе советских войск из Афганистана. Представители советского командования, несмотря на все возражения президента Наджибуллы, вступали в переговоры с лидерами повстанческого движения муджахиддинов и, в первую очередь, с шахом Максудом. Одновременно готовилась тайная операция по разгрому отрядов шаха Максуда, получившая в Генштабе вооруженных сил СССР кодовое название «Цунами».

Мулла Закир был одним из тех, кто ратовал за переговоры, хотя и с известными оговорками:

– Вы всегда говорили о том, что вашей основной целью является вывод «шурави» из Афганистана, – увещевал он шаха. – поэтому сейчас назрел тот момент, когда нам даже выгодно помочь Советам и обеспечить беспрепятственный вывод их войск. Но Наджибулле как раз невыгодно оставлять в стране такую сильную вооруженную группировку, как ваша. Не сомневаюсь, что он будет настаивать на уничтожении нашего движения».

– Так что же вы предлагаете, мулла? – нервничал Шах. – Я что-то никак не уловлю вашу мысль.

– Надо вести переговоры и усилить, максимально активизировать действия нашей разведки, в канцелярии и ближай-

шем окружении Наджибуллы – особенно. Сейчас важны любые сведения, пусть даже самые разрозненные. Мы сумеем объединить их в единую логическую цепь.

Говоря так, Закир преследовал главную цель. Он опасался, и как выяснилось, не без оснований, что Наджибулла сумеет убедить советское руководство в оказании ему помощи на последнем этапе, ибо президент Афганистана, как никто другой понимал – после вывода войск он останется с шахом Максудом наедине, а этой схватки ему не выиграть никогда, настолько велика была популярность шаха в народе. Но Закир недоумевал, почему вывод войск через перевал Саланг, находящийся на высоте 3000 метров, начался в феврале, когда здесь бушуют снежные метели, ежедневно сходят лавины. Это было рискованно, грозило немалыми, вовсе уж неоправданными потерями. Возможно, за этим крылся какой-то хитроумный план ГРУ, но для разгадки его, особенно таким образом, чтобы не вызвать подозрений, у Закира не было ни времени, ни возможностей.

Русские солдаты обустроили здесь, на Саланге, каменные заставы, афганские повстанцы ограничились лишь тем, что разводили костры, а на ночь прятались меж скал, устраиваясь, кто как сумеет. И все же сбылись самые худшие опасения Закира. Под утро, когда все партизаны еще спали, а к тому времени основные силы Максуда сосредоточились на перевале, на Саланг обрушился невероятный шквал артиллерийских и авиационных ударов. Этим постыдным же-

стом Кремль пытался спасти своего ставленника Наджибуллу. Кромешный ад, превращавший в месиво камни, технику и людские тела, гудел трое суток.

Во время одного из налетов авиации Закир был контужен. Уже находясь на лечении в доме одного местного целителя, он узнал, что шах Максуд сумел уцелеть. Выбравшись с перевала, он отправил в Кабул письмо на имя советского посла. В этом письме шах писал, что бомбардировки, которые обрушились на Саланг в последние дни пребывания советского контингента в Афганистане, уничтожили весь недавно проявившийся оптимизм. Напротив, – утверждал Шах, это заставляет нас верить, что вы хотите любым путем навязать нашему народу умирающий режим. А это невозможно...

В письме шаха явно сквозили не только нотки обиды и разочарования. Закир отчетливо понимал, что шах Максуд, обманутый и оскорбленный в своих самых оптимистических ожиданиях, готов продолжать борьбу.

Х Х

Х

В тот по-южному жаркий майский день, когда в советском городе Термезе праздновали вывод последнего подразделения советских солдат из Афганистана, мулла Закир Бин Нурлан сидел в темной кофейне на окраине Карачи. Здесь все было, как и много лет назад. Он хотел занять тот угловой

столик, который некогда облюбовал геройски погибший Абу Нувас, но его уже занимали двое шумных мужчин, готовых во время игры в нарды вцепиться в глотки друг другу. Их показушная ссора не мешала Закиру, он просто не слышал громких криков. Не притронувшись к заказанному кофе, он пробыл здесь недолго, а после, добравшись до центра, стал, не спеша, прогуливаться по шумным улицам, отчего-то уверенный, что уж сегодня его точно разыщет связной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УБИТЬ БИН-ЛАДЕНА

Глава шестая

ЗНАКОМСТВО

Марк был в своем неизменном клетчатом пиджаке, но в многолюдном центре Карачи это в глаза не бросалось – идет себе фланирующий турист, глазеет по сторонам, подолгу останавливаясь у витрин магазинов. Увидев Закира, он закричал так громко и восторженно, что даже прохожие стали оборачиваться: «О, уважаемый мулла! Как я счастлив вас видеть. Ну надо же, какая неожиданная встреча! – восклицал он. – Такую встречу надо непременно отметить, Прошу вас, не отказывайтесь. Здесь поблизости есть дивная кофейня. Выпьем чудесного кофе, вспомним былые дни».

Шумный иностранец был настолько искренним в своей нежданной радости, что люди, слышавшие его восклицания,

невольно заулыбались. Кофейня и впрямь была хороша, особенно тем, что народу здесь было битком.

– Как ты себя чувствуешь после ранения и контузии? – участливо поинтересовался куратор, едва они уселись за столик.

– Да я уже и думать об этом забыл, – беспечно отозвался Закир.

– Ну вот и славно. Работа тебе предстоит, как нам представляется, трудная, опасная и, видимо, достаточно долгая. Так что хорошее здоровье – фактор далеко не последний. Мы получили донесение о твоей последней встрече с шахом Максудом в Афганистане. Там есть одна деталь, которую ты упомянул вскользь, а нас интересуют, как ты сам понимаешь, даже самые мельчайшие подробности.

– Что ты имеешь в виду?

– Давай не будем забегать вперед, я прошу тебя сейчас во всех подробностях припомнить эту встречу, не пропуская никаких деталей. Кто был, где, о чем говорили, о чем умалчивали, какое настроение царило во время встречи. Одним словом, побольше деталей.

Закир сосредоточился, вспоминая ту, действительно не совсем обычную встречу. Он тогда еще был очень слаб после контузии, только-только невыносимые головные боли оставили его. Приехав проведать муллу в высокогорный кишлак, шах был явно чем-то озабочен, малоразговорчив и угрюм. Когда Закир вышел проводить его до машины, шах остано-

вился, и, понизив голос, произнес: «У меня намечается одна очень важная встреча, мне хочется, чтобы вы на ней присутствовали. Здоровье вам позволит?..»

Через несколько дней он прислал за муллой машину. Они долго петляли по узким горным тропам, пока не заехали в какое-то селение, где у въезда дежурили вооруженные до зубов бойцы.

В просторной комнате на коврах сидели четверо мужчин. С одним из них, худым до изнеможенного вида, Заикр виделся лишь однажды – шах представил его тогда Усамой Бин Ладеном, остальных мулла знал достаточно хорошо. Во время обильного угощения о делах не говорили. Показавшийся Закиру во время первой встречи угрюмым, Бин Ладен на сей раз был разговорчивее всех. К тому времени о нем в Афганистане ходили самые противоречивые слухи. Поговаривали, что именно он поставил на поток снабжение моджахиддинов свежими силами из арабских стран. Кое-кто из лидеров повстанческого движения склонен был афишировать Бин Ладена как некий символ «священной борьбы против неверных» – джихада. До разведчика доходили слухи, что в Пешаваре приезжий араб сначала открыл так называемый «Бейт-Уль-Ансар» – Дом исследователей, который по сути стал штабом для приезжающих в Афганистан волонтеров, а чуть позже – «Бюро службы джихада». Именно деятельность этого бюро, как сообщил в свое время Закир связному Галю, по различным сведениям, поощрялась администрацией

США. По замыслу Вашингтона «Бюро» Бин Ладена должно было стать всемирным центром борьбы мусульман против Советского Союза.

Шах Максуд, поначалу отзывавшийся о Бин Ладене весьма комплиментарно и уважительно, вскоре изменил свое мнение о нем. Шах считал, что боевые подвиги Усамы сильно преувеличены. Он скептически отзывался о том, что у Усамы на первом месте все равно стоит бизнес. «Идеи идеями, а деньги деньгами», говаривал о Бин Ладене Максуд, не без оснований считавший Усаму всего лишь талантливым конъюнктурщиком. А предпринятая им в самом конце войны попытка штурма подконтрольного Наджибулле Джалал-Абада была абсолютно непродуманной и моментально захлебнулась. Шах тогда ругался последними словами, обвиняя саудовца в том, что он только людей загубил понапрасну, дабы прославиться самому дерзкой попыткой взять город.

Увидев Шаха, мирно разделяющего трапезу с Бин Ладеном, Закир поначалу даже удивился тому, что они оказались в одной компании. Тем более, когда уловил, какие злобные взгляды исподлобья Максуд нет-нет да и бросает на не в меру расхваставшегося гостя.

– Я вовремя понял, какую ценность будет представлять архив нашей священной войны в Афганистане, – вещал Усама. – Поэтому каждый воин, прибывающий в мой «Дом исследователей», обязан был заполнить специально разработанную анкету. Разумеется, все анкеты оставались у меня и

теперь я могу смело утверждать, что обладаю самой всеобъемлющей и подробной базой данных об участниках войны. Такое досье и не снилось никому, и оно в моих руках.

Похоже, что из всех собравшихся внимательнее всех слушал рассказчика мулла Закир и Усама не оставил это без внимания. Когда мужчины, закончив трапезу, вышли прогуляться к горному ручью, Усама выбрал своим собеседником именно Закира. Они шли, чуть поотстав от основной группы. Бин Ладен решил блеснуть своей памятью и спросил Закира: «Мне кажется, или я действительно однажды вас видел в одном из своих лагерей подготовки? И услышав от муллы комплимент своей памяти, довольно кивнул. На память мне действительно грех жаловаться», согласился Усама и в своем обычном хвастливом тоне стал рассказывать о своей «поистине гениальной» идее создать лагеря боевой подготовки, «Дом исследователей» и «Бюро джихада».

– Поверьте, уважаемый мулла, моя «Аль-Кайда» (буквальный перевод «база» – авт.) скоро превратится в настоящую армию и возглавит всемирный джихад, – уверял Бен-Ладен.

В тот день Закир, прогуливаясь вдоль ручья с Бин Ладеном, лишь искусно изображал внимание – он помнил наставления Галя о том, что этот господин фигура дутая и особого интереса не представляет. Разве что подсознательно отметил: если все, что говорит ему сейчас этот человек, является правдой хоть на половину, то он сам и его деятель-

ность заслуживают самого пристального внимания. Поэтому, когда представилась возможность, разведчик и передал в Центр донесение о встрече с шахом, упомянув также о присутствии Усамы Бин Ладена.

Когда гости разъехались и Закир остался с шахом наедине, тот сказал, не скрывая раздражения: «Этот человек» мнит себя чуть ли не лидером всей нашей священной войны. Вы же слышали, как он говорил о своем архиве, давая понять, что все нити теперь находятся у него в руках. Его интересуют только власть и деньги, о народе он думает меньше всего и ему наплевать, какая жизнь будет в нашей стране. Если для достижения своей цели ему понадобится загубить миллионы единоверцев, он не задумается ни на мгновение. Усама сейчас одержим идеей превратить свою «базу» в Исламскую армию и сам, конечно, мнит себя ее главнокомандующим. На самом деле эта идея принадлежала одному из палестинских шейхов, мир праху его, который задумал создать организацию по образу и подобию «Братьев-мусульман». Усама лишь ловко воспользовался чужой идеей и теперь повсюду ее выдает за свою...»

Марк слушал разведчика, ни разу его не перебив. И только, когда Закир умолк, произнес задумчиво:

– Да, недооценили мы этого саудита, следует признать, что вовремя не разглядели его амбиций. У нас были сведения, что ЦРУ не очень высокого мнения об оперативных способностях этого человека. А его тщеславные устремле-

ния, поддерживаемые огромным капиталом, видно, в расчет не брались. Кое-кто из наших, правда, не исключает, что нас могли умышленно дезинформировать, принижая истинную роль Бин Ладена, чтобы обеспечить ему наибольшую свободу действий. Если это действительно была хорошо выверенная «деза», то она сработала, как надо. Мы ведь далеко не сразу разобрались в истинной цели его «Дома исследователей», а «Бюро службы джихада» и вовсе воспринималось, как некий популистский ход.

– НУ, по поводу это пресловутого «Бюро» и у меня поначалу сложилось такое же мнение, – возразил Закир. – Мне показалась, что вокруг бюро слишком много шумихи, которая ему понадобилась для саморекламы.

– Как бы там ни было, деятельность Усамы Бин Ладена теперь должна быть постоянно в поле нашего зрения. Руководство приняло решение, что действовать мы будем автономно, без консолидации со спецслужбами США и других стран. Во всяком случае, на первых порах. Такое решение принято не столько в интересах сбора разведанных, сколько по политическим мотивам. Но тебе об этом знать надо. Ты ведь уже понял, что весь этот разговор я веду с тобой не ради расширения собственного кругозора.

– Да уж как не понять, давно сообразил. Значит, теперь Бин Ладен, – утвердительно сказал разведчик и тотчас добавил решительно, как говорится, без выдоха. – У меня условие.

– У тебя? Условие? – недовольно проговорил куратор, явно давая понять, что условия ставят другие, но никак не исполнитель задания.

– Да. Условие. У меня, – ответил агент, отчетливо акцентируя каждое сказанное слово. – Я хочу побывать дома.

– Ты с ума сошел, – непонятно почему понизив голос до шепота, – произнес Марк. – Ты что, не понимаешь, насколько опасна сейчас твоя поездка в Израиль. Ты уже не тот, кем был десять лет назад. Сейчас тебя может узнать любой, кто был в Афганистане. Степень риска слишком высока и тебя не спасут никакие парики...

– Ты не понял, – перебил его Закир. – Я говорю не об Израиле. Я не хуже тебя понимаю, что в Израиле я смогу появиться только тогда, когда меня выведут из игры. Да и тогда это будет, скорее всего, небезопасно. Но я веду речь о том городе, где родился. Я не тороплюсь и вас не тороплю. Если за эти годы я и овладел чем-то безукоризненно, так это умением ждать. Терпеливо ждать. Возможно, легенда появится в связи с какими-то вновь открывшимися обстоятельствами. Если нет – ее надо будет придумать. Но я должен туда поехать.

– Ну что за блажь, дорогой ты мой? – чуть ли не жалобно выговорил куратор. Хотя он, опытный агентурный работник, уже понимал – спорить бесполезно. Кому, как ни ему, было знать, что нервная система человека, обреченного на многие годы одиночества, необходимости притворяться, мимикри-

ровать, изворачиваться, неся при этом невероятной тяжести груз ответственности, меняют психологию человека до такой степени, что понять его мысли и порывы уже неподвластно никому. Да и сам он, может, не вполне отчетливо осознает, чего хочет. Одним словом, Марк не счел нужным обострять разговор и согласно кивнул:

– Будем считать, что твое условие принято. Обещаю. что-нибудь придумаем.

Закир расслабленно откинулся на спинку стула. Лицо его враз приняло умиротворенное выражение, словно он содрал с себя давящую на него маску. Впрочем, длилось это не больше мгновения. Он собрался и произнес, скорее даже потребовал, обычным деловитым тоном: «Конкретику!», давая понять, что готов к продолжению прерванного разговора.

– Мы оба устали, – пробормотал Марк. – К тому же я уже кое-куда опаздываю. Встретимся через два дня. Я найду возможность оповестить тебя о месте встречи.

Но Закир уже полностью пришел в себя. Широко улыбнувшись и, не скрывая, кто здесь хозяин положения, он возразил:

– Не стоит беспокоиться, я сам найду возможность оповестить тебя о месте встречи. Да, и вот еще что. Мой генерал, ну, ты понимаешь, о ком я говорю, мне сказал, что ты человек, которому я могу доверять безраздельно. И если я сейчас сказал даже то, что не понравилось тебе и не понравится высшему руководству, то мне на это наплевать. Ты не

можешь не доверять мне, я обязан доверять тебе. Если ты не поймешь и не признаешь моей откровенности, тогда наберись мужества и признайся, что агент «Волк» вышел из-под контроля.

– Ты, контуженный, – рассвирепел Марк. – Тебя, видно, сильно по башке шибануло. Ты вообще потерял все ориентиры. Ты забыл, с кем так разговариваешь?

И вот тут наступило мгновение, которое разведчики всех стран мира называют одинаково – «момент истины». «Волк» уставился на него долгим немигающим взглядом. Его слова были словно вырубленными из горной породы:

– Я не предаю и не предаю идеи. Но я действую один, и всегда – один. Я принимаю решение, я добиваюсь, или не добиваюсь, результата. Но один. Мое прикрытие – это моя цель. Вы все – лишь ориентиры. Вы долго к этому стремились и добились того, чего добивались. Передай, кому сочтешь нужным: я четко осознаю, с каким невероятным злом я борюсь. Это стало моей личной борьбой. Вы планируете на бумаге, составляете схемы, а я ясно представляю, во что превратится мир, окажись он во власти этих «воинов Аллаха». И не надо меня больше агитировать. Достаточно – ориентировать. Да, и вот еще что. Не стоит думать о том, что теперь со мной делать, – досадливо добавил он, заметив смятение во взгляде куратора. – Ваши ориентиры действительно важны, лично ты мне глубоко симпатичен. Но внутреннюю ситуацию знаю только я, решения буду принимать сам,

нравится это кому-то, или нет. Если мои условия покажутся Центру неприемлемыми, я исчезну. Кстати, исчезну сегодня – поэтому и сказал, что последующие встречи буду планировать я, а не вы. И еще – личная просьба. Передай генералу – он никогда не разочаруется во мне и ему не придется сожалеть о том, что он рекомендовал меня для выполнения того дела, которое я сейчас выполняю.

– Генерал умер, – сказал, как отрубил, Марк.

Закир оцепенел на мгновение, не произнеся ни слова и даже не кивнув на прощание, поднялся и вышел из кофейни. Вскоре Марк убедился, что профессионал даже в горе остается профессионалом – от его слежки агент легко ускользнул через несколько минут.

Х Х

Х

Собрать в Карачи сведения про Усаму Бин Ладена для Закира особого труда не представляло. Он по-прежнему часто бывал в доме ныне покойного Ахмада ар-Равийя, где теперь полновластным хозяином стал сорокалетний сын Ахмада – Азамат (буквальный перевод «рыцарь», «герой» – авт.). Азамат не забыл, насколько благосклонен был отец к своему протеже, как ценил его ум, целеустремленность и тактичность и сам относился к мулле с почтением. В доме ар-Равийя по-прежнему собирались весьма влиятельные люди,

обладающие чрезвычайно ценной информацией. И уже вскоре Закир знал, что Усама Бин Мухаммед Бин Авад Бин Ладен (таково было его полное имя) родился в семье саудовского миллиардера, владельца крупнейшей в стране строительной компании Мухаммеда Авада Бин Ладена, который был вхож в королевскую семью, где пользовался почетом и уважением. Семнадцатый сын Мухаммеда Бин Ладена Усама закончил университет в Джидде, унаследовал от отца 300 миллионов долларов, какое-то время служил в шариатской полиции, потом создал фирму по реставрации мусульманских святынь в Мекке и Медине. В самом начале 1980 года он отправился в Афганистан. Клички – «Муджахид» «Хадж», «Абу-Абдалла», «Директор».

В доме Азамата ар-Равийя у Закира состоялся один весьма любопытный и очень полезный разговор.

– Усама человек невероятного тщеславия, при этом он обожает всякие секреты, заговоры, тайные организации, – поведал мулле словоохотливый собеседник. – Его, как пчелу на цветок, так и тянет к различным спецслужбам, как нашим, пакистанским, так и американским. В свое время он довольно умело распространял слухи о том, что священная война в Афганистане финансируется чуть ли не им единолично. Но только глупец может поверить в этот вздор. Понятно, что финансирование шло от могущественных держав. Схема проста и незатейлива. Американцы посылали в Афганистан оружие, Бин Ладен, выдавая это оружие за приоб-

ретенное на собственные деньги, снабжал им прибывавших волонтеров и местных партизан.

– И что же, американской разведке об этом ничего не было известно? – «наивно» осведомился мулла Закир, дабы вывести своего собеседника на дальнейшие откровения.

– Ну что вы, дорогой мулла. – Никакого секрета! Американцы все прекрасно знали. Более того, их это вполне устраивало. Зачем им на весь мир заявлять о том, что они отправляют оружие в воюющую страну и дразнить при этом своего налогоплательщика. Бахвальство Усамы их, напротив, вполне устраивало. Скажу больше. Семейство Бин Ладенов весьма плотно контактировало с семьей президента США, а один из помощников президента даже был какое-то время торговым представителем семейного бизнеса Бин Ладенов в Техасе. Но именно Усама сейчас, насколько я понимаю, вбивает клин в отношения своей семьи с американской администрацией. Что-то он в итоге с американцами не поделил и его нынешние высказывания о своих недавних партнерах полны враждебности...

– Я встречался с Бин Ладеном в Афганистане, даже вместе с шахом Максудом побывал однажды в одном из его лагерей, – осторожно заметил Закир, не зная еще, как собеседник среагирует на такое знакомство.

– О, я знаком с Шахом. В отличии от Усамы это человек, у которого слова не расходятся с делами...

Гостей пригласили к столу и беседа прервалась. Собствен-

но, продолжать обсуждение Усамы было и небезопасно: собеседник Закира был человеком явно проницательным и повышенный интерес к этой теме мог навести его на неприятные для муллы мысли.

Х Х

Х

Волку было неизвестно, чем обернется для него внезапная вспышка, которую он позволил себе во время встречи с куратором в кофейне. А тем временем в Израиле решалась судьба разведчика.

К чести Марка, он сумел преодолеть в себе личные амбиции, но не доложить о выходке агента не имел права. Если Волк выполнит свою угрозу, то в итоге может действительно просто выйти из-под контроля и тогда деятельность этого агента будет непредсказуемой. А что если она обернется угрозой для интересов государства? Так, или примерно так рассуждали руководители израильской внешней разведки. Марк утверждал, основываясь на своем знании и понимании агента, что Волк по-прежнему добросовестно и честно выполняет свой долг, а его неадекватное поведение объяснял возможными последствиями контузии. Куратор тем самым хотел, если уж говорить прямо, выгородить своего подопечного, но сослужил ему плохую службу. Один из руководителей разведки вполне резонно, разве что с излишней

резкостью, заявил, что если результатом поведения агента послужила контузия, то такой агент попросту опасен и его судьбу надо решать кардинально. Марк возразил, что у него нет медицинского подтверждения, а о контузии он упомянул предположительно. Отговорка прозвучала неубедительно и ни на кого впечатления не произвела. Дальнейшее обсуждение продолжалось без участия Марка и он несколько дней, пока его не вызвали вновь, корил себя за необдуманное высказывание.

– Где сейчас Волк? – спросил Марка шеф разведки, когда они встретились вновь.

– По уточненным данным, в Эр-Рияде. – отрапортовал Марк и поспешно добавил. – Там же сейчас, как нам удалось выяснить, находится и Усама Бин Ладен. Предполагаю, что Волк отправился в Саудовскую Аравию, приступив к выполнению нашего задания.

– Опять предположения, – поморщился генерал. – Ну, с этим еще предстоит разобраться. А пока необходимо организовать встречу Волка с Галем. Хорошо бы, чтобы встреча носила случайный характер, но, учитывая уровень Волка, он вряд ли поверит в такую случайность, не так ли?

– Именно, – подтвердил Марк. – Сегодня Волк – агент экстра-класса и даже если Галь поддержит нашу игру, Волк все равно останется при своих подозрениях, а это, несомненно, осложнит встречу. Кстати, почему вы решили направить к Волку Галя, а не меня?

Генерал сослался на общее мнение. Марку-де пока следует воздержаться от встреч с агентом из-за соображений чисто психологического характера. Другое дело – Галь. Они вместе учились, Галь долгие годы был дублером и связным Волка, их связывает многолетняя дружба, а этот фактор в данной ситуации может оказаться едва ли ни решающим.

За эти годы Галь и сам достиг высокого уровня в разведке. Он по праву считался одним из лучших специалистов по борьбе с исламским терроризмом, к его мнению прислушивались и с ним считались на самом высоком уровне.

...В Эр-Рияде друзья встретились почти что в открытую. У них не было надобности даже легендировать свое знакомство – их афганское прошлое избавляло от этой необходимости. И хотя Закир искренне обрадовался появлению друга, все же не преминул уколоть: «Значит, решили действовать через тебя, использовать фактор дружбы».

– А ты, конечно, полагал, что твоя декларация настолько неоригинальна, что к ней останутся равнодушны наши боссы, – усмехнулся Галь.

– И как же ты собираешься меня проверять? – напрямую осведомился Закир.

«Я знаю только один действенный способ – пытки», в тон ему отозвался друг и Закир облегченно вздохнул – Галь остался прежним. Когда Закир увидел друга, его это больно кольнуло. Он сразу понял, с какой миссией тот здесь и боялся, что нынешняя встреча разведет их по разные стороны

жизненных баррикад. И потому теперь радовался от души. Те же чувства испытывал и Галь. Он не считал нужным скрывать, какие сомнения возникли у шефов разведки в отношении Волка, проинформировав его в тех, естественно, пределах, в которых был проинформирован сам.

«Стало быть, я теперь должен доказать, что я не припадочный, сделал вывод Закир. Каким же, интересно, способом я могу это сделать?»

– Знаешь, мне предлагали с десятков хитрых вариантов, но я полагаю, что нужно предпринять один ход, которого от тебя не ждут. Пройди официальное обследование, получи медицинское заключение и со всеми сомнениями будет покончено.

Закир сомневался в эффективности предложенного варианта, Галь убеждал, что за кажущейся простотой таится совершенно беспроблемный вариант. В конце-концов Закир уступил увещаниям друга и они стали обсуждать, где и под каким предлогом пройти обследование.

Этим же вечером по просьбе почтеннейшего муллы Закира Бин Нурлана хозяин отеля, в котором он остановился, пригласил к нему в номер врача. Уважаемый мулла жаловался на невыносимо острую боль в области затылка и высказал опасения, что это может быть последствием контузии. Доктор внимательно выслушал больного, проверил пульс, а затем извлек из саквояжа, с какими ходят на осмотр доктора чуть не всего мира, тонометр. Посмотрев на прибор, док-

тор произнес: «У вас мулла, давление достаточно высокое, но не критическое. Оснований для особого беспокойства я не вижу, сейчас дам таблеточку и через минут десять наступит облегчение. Но все же я бы порекомендовал вам пройти обследование головы. Контузия, о которой вы поведали, не может меня не тревожить. Как врач, я обязан исключить любую степень риска. Пожалуйста, не возражайте. Обследование не слишком сложное и к тому же не займет много времени. Если вы согласитесь, я бы мог обследовать вас даже в своей клинике. Приедете ко мне рано утречком, часам к семи, а уже на следующее утро я, при милости Аллаха, отпущу вас и, надеюсь, что с хорошими известиями».

Мулла уступил настояниям заботливого врача и дал согласие. Все прошло как по нотам. Нехитрому способу повышать давление он был обучен издавна, а в том, что врач предложит обследоваться почти не сомневался. Через сутки он уже держал распечатку результатов обследования, в которой черным по белому было начертано, что былая контузия не оставила в его организме ни малейшего следа. Галь забрал у Закира листок и бережно его спрятал.

Друзья провели вместе еще три дня. Закир был счастлив. Долгие годы одиночества вынуждали его каждое решение принимать самостоятельно, взвешивать и рассчитывать каждый свой шаг. А оказывается, это так здорово, когда рядом есть друг, да к тому же такой надежный и умный, как Галь. Они обсуждали дальнейшие планы, спорили, не соглашались

друг с другом до тех пор, пока не находили единственно правильное решение. Закир делился своими соображениями скорейшего проникновения в окружение Бин Ладена, Галь вносил достаточно важные коррективы. Оба понимали, что расстанутся опять, должно быть, на долгие годы, но об этом старались не только не говорить, но даже и не думать.

Уже в день отъезда Галь сказал другу:

– Последнее время из самых разных источников к нам стала поступать информация о том, что отмечено проявление активности реакционно настроенных исламистов в республиках СССР, прежде всего, конечно, в Центральной Азии – в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии и даже в Казахстане. На фоне той политической нестабильности и чехарды, которая сейчас происходит в СССР, это явление может приобрести весьма нежелательные формы. Говорю тебе об этом потому, что лично я не сомневаюсь: уж если Бин Ладен мнит себя лидером всего мирового исламского терроризма, то такой огромный и важный регион он явно не оставит без внимания. Никаких конкретных действий в этом направлении от тебя пока не требуется, но упускать возможность сбора информации о советских исламистах тоже не следует. Одним словом, прими к сведению.

Галь, должно быть, и сам не подозревал, какую бурю в душе Закира вызовет его сообщение. Вечером, когда он остался один, на него нахлынули воспоминания детства – родной город, эскимо на палочке и щекочущая ноздри газировка с

двойным сиропом, мама Сима и мама Шоня, кузнец Махмуд, директор школы Ахат Маннапович... Он гнал от себя эти мысли, но, впервые за долгие годы не мог справиться со своими эмоциями. Что-то подсказывало Закиру, что он еще вернется, непременно вернется в эти края.

Х Х

Х

Такой сухой встречи Закир не ожидал. Словно и не было никогда у них того откровенного разговора в Афганистане, когда Бин Ладен увидел в мулле понимающего и внимательного собеседника, полностью разделявшего его идеи. Усама весьма сухо поздоровался с приезжим гостем, пренебрегая веками устоявшимся и незыблемым восточным этикетом, даже не поинтересовался о его самочувствии, делах. Впрочем, причина выяснилась довольно скоро. Один из помощников Бин Ладена – Шамс-ад-Дин поведал мулле, что дела у них здесь, в Саудовской Аравии, складываются далеко не так, как хотелось бы. Собственно, удивляться было нечему. Бин Ладен настолько активно стал помогать оппозиции, что о его контактах стало известно правительству Саудовской Аравии. Понятно, что восторга эти действия вызвать не могли. А последние заявления Усамы и вовсе обострили отношения. Он открыто заявил, что все его муджахиддины,

как один, встанут на защиту родной земли от иракского вторжения. Учитывая, что помощь странам Персидского Залива собирались оказать американцы и их союзники, все шло к тому, что правители Саудии могли указать Усаме и на дверь. А если к этому добавить, что буквально несколько дней назад Бин Ладен открыто обвинил саудовское правительство в пособничестве США, то такое развитие сценария выглядело весьма реальным.

События развивались стремительно и самые мрачные прогнозы Шамс-ад-Дина стали сбываться буквально на глазах Закира. Каплей, переполнившей чашу терпения, стало заявление Усамы Бин Ладена о том, что убийство любого американца, будь то военный или гражданский, является долгом каждого правоверного мусульманина. Учитывая отношения между Саудовской Аравией и США, такое заявление просто не могло остаться без последствий – Усаме, в самых неллицеприятных выражениях, было предписано выметаться из страны в 24 часа.

И все же, перед самым отъездом, он почтил муллу своим вниманием. Для Закира приглашение Усамы было неожиданным и тем более значимым и приятным, что вспомнил он о нем в весьма сложный для себя момент. Аудиенция продолжалась недолго, на обстоятельные встречи просто не оставалось времени, поэтому Усама, хотя был несравненно любезнее, чем при первой встрече, говорил отрывисто, коротко.

– У нас есть деньги, много денег, миллионы. У нас есть идеи, которые дороже любых миллионов, – вещал Усама. – Нам нужно только время, чтобы объединить наши силы по всему миру. И тогда мир поймет, с какой силой он столкнулся. Всемирный халифат – это не утопия, это реальное, и единственно возможное политическое устройство. И тот, кто не понимает или не хочет признавать этого, будет сметен с нашей дороги, как ненужный мусор, мешающий идти вперед и очищать землю.

– Я хочу, – продолжил он после небольшой паузы, резко меняя тему разговора, – чтобы вы, уважаемый мулла, встретились с некоторыми нашими молодыми сподвижниками. Несмотря на молодость, это преданные идее всемирного халифата люди, но горячность, свойственная возрасту, иногда лишает их возможности оценивать ситуацию реально, в связи с чем у них возникают трения с другими, скажем так, более умудренными жизненным опытом, членами движения. Разберитесь, в чем там дело. Не сомневаюсь, что ваша мудрость и богатый жизненный опыт сослужат добрую службу. С подробностями вас ознакомит Шамс-ад-Дин, а мне пора. Не знаю, где произойдет наша следующая встреча, но твердо верю, что она будет проходить в более благоприятных условиях. Да храни вас Аллах, – заключил Усама.

Закиру хотелось остаться одному, как следует все обдумать. Слова Бин Ладена просто потрясли, иначе и не скажешь, даже его, человека, приучившего себя не поддавать-

ся никаким эмоциям, руководствуясь лишь холодным расчетом. Но сейчас, и он сам вынужден себе в этом признаться, Закир находился в смятении. Отчетливо, будто вчера это было, припомнились ему слова генерала Элиэзера Бен-Яакова, который предвидел угрозу третьей мировой – террористической войны, и он не мог не восхититься теперь прозорливостью старого разведчика. Впрочем, долго предаваться эмоциям времени не было – следовало поторопиться на встречу с Шамс-ад-Дином.

«Сердце-вещун», невольно вспомнились Закиру эти слова, которые так часто повторяла в свое время мама Сима. Да и как было не вспомнить, когда Шамс-ад-Дин заговорил с ним о земле, которую разведчик покинул много лет назад. Приближенный Бин Ладена поведал, что в Центральной Азии создана весьма перспективная исламистская организация, ставящая своей целью свержение существующего строя. Настрой у них самый решительный и они не остановятся даже перед вооруженным переворотом и физическим устранением лидеров государства. Все бы хорошо, но внутри организации за последнее время наметился раскол. Ничего нового – элементарная борьба за власть, разделение сфер влияния, стремление отхватить от пирога власти кусок побольше. Вполне возможно, ко всему примешались и меркантильные интересы. Большинство из лидеров новой организации сейчас находятся за границей, там они пока мало кого интересуют. Было бы неплохо, если бы мулла вышел с ними на связь,

на месте во всем разобрался, а может быть, сумел предостеречь от необдуманных поступков. Им надо внушить мысль, считал Шамс-ад-Дин, что неудавшаяся попытка переворота приведет к неизбежному краху всей организации и нанесет мощнейший удар по всему делу всемирного джихада. А посему нужно тщательно подготовиться. Собрать будущих воинов и провести их через лагерь боевой подготовки, которые продолжают действовать в Афганистане, укрепить вновь созданное движение организационно, исключив полностью все внутренние распри.

– Одним словом, им следует помочь, – завершил Шамс-ад-Дин. – Сейчас они собираются в Турции, как раз для решения своих насущных вопросов. Конечно, будут просить денег, – ухмыльнулся он, – как же без этого: Некоторую сумму вы им смело можете пообещать, без помощи мы их не оставим. Мы специально делаем так, чтобы деньги они получили именно от вас лично. Как говорится, кто платит, того и уважаем. Надо только убедиться, что эти деньги действительно пойдут на обучение боевиков и на укрепление самой структуры, а не осядут в карманах лидеров организации. Не исключаю вероятность того, что вам понадобится поездка в Центральную Азию. Рискованно, конечно, но заготовленные для вас документы, безупречны. Особенно беспокоит нас фигура узбекского лидера, – подчеркнул Шамс-ад-Дин. – Он повсюду трубит об угрозе безопасности его страны, исходящей от исламского мира, и тем для нас опасен.

Изучить обстановку на месте было бы весьма полезно и кто, как не вы, уважаемый мулла, лучше всех с этим справится. Да, и вот еще что. В организации есть человек по имени Аскар Абдурасулов . По возрасту он моложе всех, но его влияние на остальных нам представляется странным. Не хочу навязывать своего мнения, но мне его роль представляется достаточно странной. Приглядитесь к нему. Учтите, что полномочия вам предоставляются самые широкие, практически неограниченные. Так что действуйте по своему усмотрению.

Во время беседы, которая длилась около двух часов, Закир под различными благовидными предлогами пытался выяснить, куда сейчас направится «штаб» Бин Ладена во главе с мятежным лидером, но Шамс-ад-Дин умело уходил от ответа, отделяваясь вроде бы многозначительными, но на самом деле лишеными какой бы то ни было конкретики намеками. На том они и расстались.

Глава седьмая

Домой!

«Клубок змей», так назвал их про себя Закир. Они и впрямь напоминали ему ядовитых пресмыкающихся, беспрерывно строящих друг другу козни, погрязших в распрях, жестоких и часто неуправляемых. Двое из них, стоявшие по сути во главе организации, – Юлдаш Тахиров и Хаджи Джумаев, оба родом из Ферганской долины, уже успели пройти школу террористических лагерей боевой подготовки в Аф-

ганистане.

Малообразованные, но чрезвычайно опасные, они были готовы на любые самые решительные действия и уже не раз проявляли свою неуправляемую жестокость. Их молодой земляк Аскар Абдурасулов по кличке Конбулат, мнивший себя никак не меньше, чем министром иностранных дел в будущем халифатском правительстве, полностью соответствовал характеристике, полученной Закиром от Шамс-ад-Дина. Обладающий достаточной эрудицией, способный грамотно и даже образно излагать свои мысли, внешне неизменно приветливый и приторно улыбающийся, Конбулат и впрямь выделялся среди своих угрюмых сподвижников. Поговорив с ним несколько раз, Закир понял, что Аскара пожирает изнутри непомерное, до гипертрофированных размеров раздутое тщеславие, неутоленное желание держать все тайные нити заговора в своих руках. Он, видно, давно и прочно прикинул на себя «сутану» «серого кардинала». Мулла решил сыграть на этих струнах, полагая, что, постоянно и умело подкидывая дрова в огонь тщеславия, сможет сделать из Конбулата ценного информатора. Бахвалясь своей осведомленностью, Аскар не очень-то хранил чужие секреты. Ему куда важнее было дать понять окружающим, что для него, Конбулата, никаких секретов не существует и существовать не может. Что и говорить, бесценный источник информации для разведчика! К тому же сознание того, что с ним вот так запросто общается эмиссар самого Бин Ладена (Закир не счел

нужным скрывать этот свой статус) возвышало Аскара в собственных глазах, приятно грея его непомерное самолюбие. Он совершенно недвусмысленно дал понять новому гостю, что здесь, в Стамбуле, со дня на день должны произойти события поистине исторического значения и руководить ходом событий, конечно, незаметно, исподволь, как опытный кукловод, будет именно он, Конбулат. Закир согласно кивал, на словах признавая за молодым хвастуном такое право и тот, поощряемый пониманием муллой всей его значимости, распалялся еще больше.

Систематизируя все полученные от Абдурасулова сведения, разведчик сложил для себя достаточно плотно подогнанный «пазл». В Турцию должны приехать Юлдаш Тахиров и Хаджи Джумаев, здесь уже сейчас находится некий Мадамин Салиев по кличке Солих. Некогда подающий надежды молодой узбекский художник, Салиев в свое время решил ни больше ни меньше как создать свой собственный Верховный совет, объединившись с некоторыми организациями националистического толка. А когда против него возбудили уголовное дело, не стал искушать судьбу и дожидаться суда, эмигрировал из страны, провозгласил себя лидером оппозиции и стал ярым проповедников установления в Центральной Азии единого и неделимого исламского государства, в котором себя мнил никак не меньше, чем президентом.

Через своих новых турецких знакомых, связь с которыми ему обеспечил Шамс-ад-Дин, Закир узнал о Солихе и другие

небезинтересные подробности. Салиев упорно распространял о себе слухи, что он пользуется неограниченным влиянием на руководителей некоторых государств и партий, сам обладает весьма значительным состоянием и к тому же способен привлечь большие суммы на борьбу против существующего в центральноазиатском регионе строя. Он туманно намекал, что весьма успешно торгует оружием, однако вскоре стало известно, что бизнесмен Мадамин липовый и все его экономические попытки потерпели крах. Одна из историй его неудачного бизнеса выглядела так.

С год, примерно, назад Салиев познакомился в Москве с неким генералом, который сказал, что может продать красную ртуть, были бы денюжки. В одной из экстремистских группировок Турции к приобретению красной ртути проявили живой интерес и Солиху под эту сделку

ссудили аж сто тысяч долларов. Самому Мадамину к тому времени путь в российскую столицу был уже заказан и он отправил в Москву своего гонца. Того встретили в условленном месте, где-то за городом, взяли деньги, а когда пришло время вручать красную ртуть, засунули в нагрудной карман пиджака билет на самолет и велели уматывать из Москвы подобру-поздорову, пока цел.

Эта история вряд ли могла привлечь внимание Закира, если бы не один нюанс, заставлявший его взглянуть на явно мошенническую сделку Солиха совершенно иными глазами. Было похоже, что во время стамбульской встречи Юлдаш

Тахиров и Хаджи Джумаев собирались вступить в сговор с Мадамином Салиевым. Им уже давно рекомендовали выдвинуть на роль лидера их организации, пусть даже фиктивно, номинально, человека, известного в эмигрантских кругах, образованного и в то же время управляемого. Похоже, фигура Солиха этим критериям террористов вполне соответствовала. И если Мадамин Салиев будет провозглашен лидером организации, реально готовящей политический переворот в Узбекистане, то под это можно просить, а главное получить от зарубежных друзей, того же, к примеру, Бин Ладена, кругленькую сумму, и притом – немаленькую.

Полученную о Солихе информацию Закир искусно, не сам, разумеется, сумел довести до сведения Конбулата, не сомневаясь, что молодой интриган не упустит возможности распорядиться ею, как нельзя лучше.

Х Х

Х

...Высокие договаривающиеся стороны встретились в доме, специально арендованном Солихом в мусульманской части Стамбула. Здесь с утра тщательно готовились к приему гостей, стол ломился от яств, подали и специально приготовленный традиционный узбекский плов. По законам восточного гостеприимства за столом не принято вести деловые беседы, не отведав всех блюд. Хозяин дома, как правило, тщательно следит, чтобы никто из гостей не нарушал эту тра-

дицию. Но Мадамину не терпелось, как можно скорее завести разговор, ради которого он пригласил в дом этих опасных людей. Едва гости отведали по шепотке обжигающего пальцы плова, он предложил Юлдашу и Хаджи уединиться в другой комнате. Те не возражали. Вернулись они к застолью только через час, похоже, очень довольные состоявшимися переговорами.

Позже каждый из них трактовал содержание тайной встречи по-своему. Юлдаш поведал, что «Солих просится к нам и не следует ему в этом отказывать», Мадамин же утверждал, что Юлдаш и Хаджи целый час уговаривали его возглавить движение и он обещал все тщательно взвесить и в скором времени дать ответ. Было также решено, что Юлдаш поможет осуществить переброску старшего сына Солиха в один из боевых лагерей террористов в Афганистане, где тому предстоит пройти расширенный курс подготовки.

Закир стремился побывать на этой встрече, полагая, что его нынешние полномочия помогут ему преодолеть любые преграды. Но переговоры состоялись без него, что неприятно муллу удивило. Позже всезнающий Конбулат поведал: террористы просто опасались, что обладающий высоким положением гость станет свидетелем их распрей и несогласованности, а это в итоге скажется на размере предполагаемых субсидий. Даже решая проблемы глобального политического характера, эти алчные люди не забывали о собственном меркантильном интересе. Информация Конбулата вскоре под-

твердилась, так как теперь уже и Мадамин Салиев, и Юлдаш Тахиров, и Хаджи Джумаев настойчиво искали встречи с муллой, отправляя переговорщиком Аскара. Но мулла был очень занят; гораздо более существенные проблемы, нежели встреча с лидерами новой организации, поглощала все его время. Так заявлял он всякий раз Конбулату, перенося встречу со дня на день. Но и слишком долго тянуть тоже не следовало и через неделю Закир Бин Нурлан, эмиссар Бин Ладена, согласился встретиться с узбекскими оппозиционерами.

В том же доме, где состоялись недавние переговоры, для него был накрыт роскошный стол и ему оказали подчеркнуто изысканные почести. Конбулат сиял от счастья, ведь это именно он организовал встречу. Юлдаш и Хаджи разглядывали гостя исподлобья, а вот Мадамин разливался соловьем. Он, не заглядывая ни в какие записи, сыпал именами, цифрами, тут же озвучивал политическую концепцию новой организации, непрерывно повторяя «я думаю», «я считаю», «мое мнение», хотя формальным лидером провозглашен еще не был. И чем дольше длился этот разговор, тем отчетливее разведчик понимал, с какой нарождающейся, но уже грозной силой, предстоит вступить в сражение. Перед тем, как расстаться, эмиссар твердо заверил «соратников по борьбе», что какая-то, причем существенная, часть денег поступит к ним уже в ближайшие дни, остальные – по мере необходимости. Единственное, что его успокаивало, так это

алчные взгляды собравшихся. Закир не сомневался, что эти шакалы «разорвут» лакомый кусок, как только подачка окажется в их цепких когтях.

Закир заранее договорился с Конбулатом о следующей встрече – наедине. Аскар примчался в условленное место аж на сорок минут раньше, весь переполненный гордостью, что мулла Закир, о котором самые почтенные люди Стамбула говорили с нескрываемым уважением и даже подобострастием, дарит ему свое внимание.

– Запомни свой новый псевдоним – «Министр», – заявил Закир без всяких предисловий. – Его будут знать всего три человека – Бин Ладен, я и ты сам. Спаси тебя Аллах, если об этом узнает кто-то четвертый. – Закир не случайно выбрал для своего нового информатора столь звучное прозвище, не сомневаясь, что тщеславному Аскару это затмит сознание. – С сегодняшнего дня ты – мои глаза и уши в вашей организации. Мы сумеем сделать так, что твой авторитет станет непререкаемым. Мы также надеемся, что именно твои способности помогут нам направить действие вашей организации в нужное русло и она действительно сыграет важную роль в нашей общей борьбе. Через несколько дней сюда прибудет человек, который станет нашим с тобой личным связным. Ты также получишь необходимый шифр для составления своих донесений и расшифровки моих заданий. При необходимости личной встречи также следует обращаться к связному. Но не более того. У связного нашего шифра не бу-

дет, о содержании твоих донесений и моих заданий ему знать запрещено. Тебе понадобятся средства, я учел и это. Деньги также будешь получать через связного, подтверждая шифровкой получение очередной суммы. – Закир с удовлетворением отметил, как от удовольствия заблестели глаза Конбулата, едва он услышал о деньгах. – Но в твоём окружении могут возникнуть подозрения в связи с твоими новыми материальными возможностями. Эти подозрения следует исключить. Поэтому будь настойчив в своих просьбах о помощи организационной и материальной к другим организациям. Старайся, как можно больше рекламировать каждый полученный взнос. Это поднимет твой авторитет, а заодно и отведет от тебя ненужные подозрения. В бескорыстие в наш век мало кто верит, а наличие средств в твоей ситуации должно быть совершенно «прозрачным». Ты хорошо усвоил сказанное мною? – строго спросил Закир.

– О да, досточтимый мулла, – склонился в смиренном поклоне Конбулат. Я не разочарую вас.

– Не сомневаюсь, – буркнул Закир, – хотя не сомневался он в том, что уже через несколько часов про их разговор в деталях и подробностях, даже несуществующих, станет известно во всех мусульманских кварталах Стамбула. Собственно, именно этого разведчик и добивался.

В тот же день Закир должен был встретиться со своим куратором, но счел необходимым перенести встречу, опасаясь слежки. Интуиция не подвела. «Хвост» он обнаружил за

собой сразу, едва расстался с Конбулатом. В равной степени это могли быть люди Юлдаша и Хаджи, Солиха, да и самого Аскара тоже. Конечно, не лишним будет впоследствии установить, кто посмел следить за самим Закиром Бин Нурланом, но это можно было отложить и на потом. Проблема была в другом – «заметить» преследователей, или сделать вид, что он их не видит. Закир предпочел второй вариант, по крайней мере на несколько ближайших часов. Но утром следующего дня, когда он отправился в один из горных поселков, у преследователей муллы возникла непредвиденная загвоздка. На крутом горном повороте внезапно заглох мотор автомобиля. Незадачливые филеры метались не меньше трех часов, пока над ними не сжалился какой-то местный фермер, взяв их на буксир своего трактора.

Тем временем Закир сидел на самой вершине высокого, раскидистого и прочного, как бетонный столб, дерева. Конечно, он сидел не среди листвы, а за столом, который хитроумный и явно изобретательный хозяин установил на переплетении крепких ветвей. Стол был рассчитан на четверых, Закир ожидал только Марка. Место для встречи было идеальным. Густая зеленая крона скрывала от любопытных взоров сидящих в этом необычном кафе, сами же посетители могли без труда разглядеть любого, кто приближался к дереву.

Марк появился через полчаса и, веселясь от души, поощрительно заметил: «Ну, ты мастер. Устроил им поломку по

первому классу, комар носу не подточит. Я даже задержался немного, чтобы получить удовольствие от такого бесподобного зрелища, когда эти недоумки метались по горной тропе, не понимая, куда враз исчезли все до единой машины. Я-то видел, как сразу после их подъема на склон, кто-то установил знак «проезд запрещен». Ловко придумано, ничего не скажешь».

Марк еще долго тараторил без умолку, исподволь наблюдая за реакцией своего подопечного, он же прекрасно помнил, как нелепо и нервозно завершилась их предыдущая встреча. Закиру не стоило ни малейшего труда определить ход его мыслей и он произнес примирительно:

– Марк, прекрати этот балаган. Я что, должен поклясться тебе всеми святыми и подписаться кровью, что мои отношения к тебе ничуть не изменились?

Куратор вздохнул с явным облегчением и, утирая платком враз вспотевший лоб, попросил: «Я бы холодного пива выпил, если это здесь не возбраняется». «Здесь не возбраняется ничего, что может доставить человеку удовольствие от посещения данного заведения», отозвался Закир, сделал знак и по лестнице тут же поднялся проворный официант.

Они просидели в этом «гнезде» до позднего вечера. Марк сообщил, что Центр полностью одобряет действия Волка за последнее время и особо ценит, что тому удалось так близко подойти к Бин Ладену и удостоиться его личного поручения. Марк поведал, что Бин Ладен сейчас в Судане, но,

видно, и там ему укрепиться надолго не удастся, отношения с правительством этой страны день ото дня становятся все более напряженными. Аналитики считают, что базовым местом своего пребывания Усама вновь выберет Афганистан и именно оттуда будет руководить подразделениями Аль-Кайды в других странах. Особое внимание следует уделить сбору информации о расширении сети лагерей боевой подготовки, передавал он мнение Центра. Необходимо заполнить точную схему их дислокации, количество курсантов, регионы, откуда они направляются. В общем, как всегда в их непростом и опасном деле, важность представляла даже самая незначительная, на первый взгляд, деталь. А вот к идее Волка побывать в Узбекистане куратор вновь, как и во время их прошлой встречи, отнесся отрицательно. Признавая, в целом, целесообразность и даже необходимость этой поездки, он все же оставался при своем мнении. Впрочем, теперь он поостерегся резких высказываний, а для начала выразил лишь опасение:

– Все же ты родом из тех мест и, стало быть, слишком велик риск твоего появления. Любая случайность, а всего предусмотреть не в состоянии никто, может обернуться для тебя трагедией.

– Не замечал раньше за тобой склонности к таким напыщенным выражениям, – усмехнулся Закир. – Хочу тебе задать один вопрос, нарушающий инструкцию. Когда ты впервые меня увидел? Впрочем, можешь вслух не называть дату.

Вспомни сам, в каком году ты меня увидел первый раз и ответь честно хотя бы сам себе, узнаешь ты меня тогдашнего в сегодняшнем?

– Никогда! – вынужден был признать куратор.

– Тогда о каком риске ты говоришь?

– Я обязан разговаривать с тобой, как с агентом, которого много лет курирую. Но именно потому, что мы знакомы уже много лет, я тоже позволю себе отступить от инструкции. Да, мне известно, если не все, то многое из твоей биографии. И именно поэтому я опасаясь твоей поездки на родину. Там могилы твоих родных, там остались друзья детства, тебе захочется побывать в каких-то местах, где прошла юность, хотя бы издали увидеть тех, кто до сих пор тебе дорог. Ты опытный разведчик, так ответь и ты честно сам себе – ты сможешь удержаться и не побывать на кладбище, сумеешь обойти те места, куда тебя неизбежно будет тянуть и вообще удержаться от каких-либо поступков, граничащих с риском?

– Спасибо за откровенность, – кивнул Закир. – А знаешь, именно над теми вопросами, которые ты мне сейчас задал, я много думал все последнее время. Поэтому и к ответу готов. Вот я тебя только что упрекнул в склонности к громким словам, а теперь и сам скажу так: человек, забывший землю, на которой родился, забудет и мать родную. Сегодня я понимаю, может быть, как мало кто другой понимает, какую опасность представляют банды исламистов для всего мира, в том числе и для той земли, на которой я родился, а стало

быть, для ее людей. И я еду туда не потому, что не могу справиться с ностальгией, с этим чувством, поверь, я совладать сумел очень давно. Дело в другом, главном для меня. Я способен, пусть даже в малой степени, отвести беду. А значит, я выполню свою работу. И именно сознание этого оградит меня лучше всего иного от любых рискованных поступков.

– Ну что ж, подвел итог Марк. – Раз так – езжай. Тем более, что наши аналитики считают, что Бин Ладен постарается усилить свою деятельность на территории бывших советских республик. Кстати, имей в виду – Россия не станет исключением. Но пока тебе нужно срочно отправляться в Судан. Нам представляется чрезвычайно важным, чтобы именно ты сейчас оказался возле своего нового патрона. Бин Ладену, похоже, как никогда, необходима любая поддержка, психологическая в том числе. Грех не воспользоваться такой ситуацией. Более того, тебе не следует скрывать, что ты приехал не столько затем, чтобы отчитаться о встречах с лидерами узбекских исламистов, а специально для того, чтобы в трудные дни оказаться рядом, так сказать, подставить дружеское плечо.

На следующий день Закир встретился с Юлдашем Тахировым. Куда девался всегда сдержанный благообразный мулла. Перед Юлдашем предстал разъяренный от гнева жесткий командир, не на словах, а на деле способный на самые решительные действия. «Если еще раз замечу за собой слежку, безжалостно расправлюсь с каждым, – заявил он тихим

голосом, но такими интонациями, от которых даже у террориста мурашки по коже пробежали. – Вы бы еще за Усамой следить вздумали. Так что, уважаемый, своих болванов накажите примерно, даже такой простой работы и то выполнить не могут. Конспираторы! – презрительно бросил он и с нескрываемой угрозой добавил: я слов на ветер не бросаю, запомните это».

Х Х

Х

В Хартуме, столице Судана, Закиру довелось бывать лишь однажды, во время своей африканской эпопеи, когда он в качестве наемника готовился к переброске в Родезию. Отправляясь в суданскую штаб-квартиру Бин Ладена, Закир уже знал, что саудиты лишили Усаму своего гражданства, а сейчас все шло к тому, что и нынешнее пристанище лидер Аль-Кайды покинет не по своей воле. Верный Шамс-ад-Дин, со словами «шейх ждет вас», не медля, провел гостя в покои шефа. Закир тут же отметил про себя новое обращение – шейх, и решил взять его на вооружение. Усама казался утомленным и подавленным, но такое впечатление оказалось лишь внешним, к тому же весьма обманчивым. Жесты его оставались энергичными, речь четкой и ясной. Он рассказал, что во время недавнего столкновения боевиков с миротворцами погибло восемнадцать американских солдат

и в этом обвиняют его, Бин Ладена, людей. Так же как приписывают ему взрыв во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке. Использовали лишь цепь случайных, как утверждал Усама, совпадений. В организации взрыва Всемирного торгового центра обвинили слепого шейха Омара, а его рабочее место располагалось в одном из офисов старшего брата Усамы в Бруклине. Потом в Пакистане арестовали непосредственного исполнителя взрыва Рамзи, а того частенько видели в «Доме исследователей» в Пешаваре. Рассказывая все это, Усама хитро улыбался и было непонятно, признает он организацию терактов в Судане и США, или искренне негодует по поводу своей мнимой причастности к ним.

– Дошло до того, что саудиты запретили всем подданным королевства общаться со мной, – жаловался Бин Ладен. – Ничего удивительного я в этом не вижу – напротив естественный ход развития событий для тех, кто отошел от истинного ислама и продался американцам. Предатели веры! В Эр-Рияде недавно взорвалась машина на американской военной базе, погибло несколько солдат. Я не сомневаюсь, что этот взрыв инспирировало ЦРУ, чтобы подтолкнуть суданцев к моей высылке из страны. А те стелятся и под саудитов, и под «янки», боятся собственной тени. Плевать. Здесь, в Африке, делать больше нечего. Они все равно примут то решение, которого требуют от них американцы. Но бежать, как трус, я не собираюсь. Семью пока оставлю в Хартуме, со мной поедут только два моих сына и самые верные помощ-

ники, таких наберется человек четыреста, не больше. В Афганистане меня ждут и дел там немало. Борьба только начинается, скоро о нас заговорит весь мир. Ну, а как ваше путешествие в Турцию, что видели, к какому пришли мнению? – засыпал он вопросами муллу.

Закир рассказывал обстоятельно, поделился соображениями, что организация «Исламское движение», созданная узбекскими оппозиционерами, и организационно, и идеологически еще достаточно слаба и нуждается в контроле.

– Я собирался отправиться в Центральную Азию, чтобы получше изучить обстановку. Но сейчас, слушая вас, изменил свое решение. Мой долг в такую трудную минуту, находиться рядом с вами, если вы, конечно, позволите, – смиренно произнес он.

– Ни в коем случае! – энергично запротестовал Бин Ладен. – Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы такой человек, как вы, находился рядом. Но я не знаю, сколько времени еще проведу в Судане. Во всяком случае, пока не завершу своих дел, и не подумаю уезжать, пусть суданцы хоть даже лопнут от злости. Мое личное время терпит, но время нашей общей борьбы уже отсчитывает не часы, а минуты, – витиевато высказал Усама свою мысль. – Поэтому отправляйтесь в Азию немедленно. Ваше решение ознакомиться с тамошними делами на месте очень мудрое. И не следует его откладывать. К тому же из азиатских стран – Узбекистана, или, скажем, Таджикистана вам перебраться в Афганистан не составит ни малей-

шего труда. Я буду ждать вас там с нетерпением, мой друг. Но в то же время я не прошу вас не задерживаться. Я хочу из вашего рассказа узнать об истинном положении. И никто, кроме вас, этой работы лучше не выполнит...

Х Х

Х

Респектабельно одетый пассажир рейса Стамбул-Ташкент протянул паспорт в окошко пограничнику. «Снимите очки», потребовал прапорщик и пассажир послушно снял солнцезащитные очки.

– Так, значит, Арсланзаде Байрам Бей? – уточнил пограничник на ужасающем английском. – С какой целью приехали в нашу страну?

– Бизнес, строительство, – пояснил Арсланзаде.

Прапорщик пролистал странички турецкого паспорта и, замотав головой: «Ноу бизнес», – скрестил для убедительности руки и повторил: «ноу бизнес». Потом, видимо, поняв, что его знаний английского для дальнейших объяснений явно недостаточно, позвал переводчика. Приехавшему не составило бы ни малейшего труда перейти на узбекский язык, но он решил пока воздержаться. Переводчик с дежурной улыбкой стал объяснять господину Байрам Бейу, что категория его визы не предусматривает занятия бизнесом на территории их страны.

– Напротив, – невозмутимо возразил гость. – Генераль-

ный консул Узбекистана в Стамбуле любезно объяснил мне, что я имею право вести переговоры, как с частными фирмами, так и с государственными организациями, подписывать контракты. Вот если дело дойдет до строительства, как такового, тогда мне действительно понадобится соответствующее разрешение. А пока я приехал только с намерениями изучить строительный рынок вышей страны.

Переводчик еще раз внимательно изучил выданную приежму визу, вернул паспорт пограничнику и прошипел, не разжимая губ: «Ставь визу и не доводи дела до скандала, здесь тебе ничего не обломится».

Усмехнувшись про себя, Арсланзаде в весьма любезных выражениях поблагодарил пограничника и переводчика, пройдя через турникет, с любопытством осмотрел устланный коврами просторный и красивый зал международного аэропорта, зашел в бар, отхлебнул отвратительного кофе, отставил чашку, попросил стакан минеральной воды и, не спеша выкурив сигарету, отправился в город.

Неторопливые, даже расслабленные движения, внешняя флегма давались ему с трудом. Пьянящий осенний воздух, наполненный непередаваемым ароматом фруктов и цветов, казалось, давно забытый, но с невероятной силой оживший в нем вновь, дурманил голову. Хотелось, как в детстве, скакать на одной ноге, бежать, неведомо куда и горланить невесть откуда всплывшую в памяти песню про наманганские яблочки.

Турецкий бизнесмен лишь позволил себе припасть к бо-

ковому стеклу такси и по дороге в гостиницу жадно рассматривать улицы, которые теперь уже почти не узнавал. Лишь когда въехали в центр, он с радостью увидел оперный театр, цветные, в свете солнечных лучей, брызги фонтана, знакомую гостиницу с надписью «Ташкент» на фронтоне. А вот гостиница, где ему был забронирован вполне приличный номер, была построена явно не так давно и он не сразу сумел сориентироваться, а лишь потом, оглядывая улицы из окна своего «люкса» на десятом этаже, сообразил, что находится она неподалеку от крупнейшего и очень популярного в городе базара.

Вот на базар он, одевшись так, чтобы не бросаться своей внешностью в глаза, первым делом и отправился. «Даже если кому-то и интересно будет, как проводит свои первые часы в незнакомом городе иностранец, то уж естественнее посещения знаменитого узбекского базара и не придумаешь.

Перед поездкой на родину он долго думал, на каком языке ему здесь общаться. Выбрал коверканый узбекский – многие турки, учитывая схожесть языков и общую языковую группу, пусть и неважно, но говорили на узбекском. На базаре Арсланзаде сначала прошелся вдоль рядов, легкими прикосновениями пальцев ощупывал розовые бока упругих, по полкилограмма каждый, помидоров, пробовал на сладость виноград, выпил холодного кислого молока из стакана, покрытого белоснежной марлечкой. Время близилось к полудню и он устроился под брезентовым навесом кафе, заказал

себе половинку лагмана, одну самсу, начиненную рубленой бараниной и курдючным жиром, и два маленьких шампура шашлыка из печени. Затем подозвал крутившегося поблизости мальчишку, которому в это время дня явно положено было находиться в школе, и попросил его купить в торговых рядах кисть самого лучшего черного винограда-кишмиш и самую горячую лепешку. Посулив щедрое вознаграждение, если просьба будет выполнена добросовестно, принялся за еду. Когда расторопный пацан принес уже вымытый виноград и великолепно пропеченную в глиняном тандыре румяную лепешку, он вспомнил, что это было для мальчишек его детства, и, конечно же, для него самого, самым любимым и роскошным лакомством. Относившийся к еде достаточно равнодушно и евший обычно помалу, он, пресытившийся таким необычайно обильным для него обедом, откинулся на спинку пластикового кресла и, не спеша, потягивал безвкусный в здешнем заведении зеленый чай. День был воскресный. Хозяйки возвращались с базара с переполненными сумками, мужчины степенно шли сзади, обхватив обеими руками огромные зеленые ядра арбузов, желтые торпеды многокилограммовых дынь. Потом он прогулочным шагом отправился в центр. Миновав некогда интуристовскую гостиницу, устроился на скамеечке в тенистом сквере, где росли вековые деревья. Еще дошкольником, частенько гуляя в этом сквере с мамой Симой и мамой Шоней он видел здесь скульптурную композицию: на каменной скамейке сидели,

глядя друг на друга, отлитые в бронзе, вождь пролетариата и его верный соратник, а позже – приемник. Потом соратника обвинили в неслыханных злодеяниях по отношению к собственному народу. Скульптуру снесли, а вместо нее в самом центре сквера, на мраморном постаменте, водрузили гигантскую, с развевающейся бородой, голову основоположника утопического учения. Сейчас голова отсутствовала, да и весь сквер стал вроде бы меньше, словно съежился. Усилиями воли отогнав от себя воспоминания, иностранец направился в сторону хорошо видного даже сквозь кроны деревьев красивого здания восточной архитектуры, с горящими на солнце куполами. Здесь находился музей выдающегося древнего восточного полководца, прославившегося на весь мир. Пробыв в музее не менее часа, он взял такси и попросил отвезти его в музей искусств. Когда-то там была собрана весьма недурственная коллекция картин, но музей, по непонятой причине, оказался закрыт. Погуляв еще немного, он, памятуя наставления куратора, позволил себе лишь единственную слабость. От музея искусств рукой было подать до того места, где когда-то находился их коммунальный двор. Узкие немощенные улочки уступили место широченному проспекту, в начале которого был установлен памятник знаменитому космонавту-земляку. А точнехонько на месте их двора высился теперь многоэтажный серый монолит, в цоколе которого разместился огромный ювелирный магазин. Сбоку, под яркими цветными зонтиками, расположилось открытое ка-

фе и он присел за столик, машинально сделав какой-то заказ и достав спасительную газету, чтобы загородить лицо. Куда-то исчез каменный монстр-дом, зашумел-загалдел их общий двор, по которому вприпрыжку бежал он, пятилетний Ромка Лучинский, показывая всем книжку про Робинзона Крузо и восклицая: «Я сам. Сам, от начала до конца ее прочитал». А рядом, приоткрыв от удивления рот, стоял Павлик-Бублик, только что стащивший из чужой кастрюли обжигающе горячую куриную ногу, да так и забывший ее слопать. А Вовка-немец, вредный, но не жадный, в знак особого расположения, протягивал ему свой самокат, предлагая прокатиться. Этот самокат был предметом зависти всей дворовой ребятни. Отец Вовки, военный, служил в Германии, поэтому, как только они здесь поселились, Вовка и получил прозвище «немец». Вовка одевался, по их понятиям, чудно, но самым диковинным был его самокат, на резиновых надувных колесиках, с блестящими никелированными ручками и звонком, трель которого разносилась по всей улице. На чудо-самокат приходили посмотреть ребята со всех окрестных дворов, а Вовка дома устраивал скандалы до тех пор, пока мать не пошила ему обычные, как у других здешних пацанов, синие сатиновые трусы, а отец не притащил домой два подшипника и пару дощечек, из которых «немец» тут же сколотил такой же грохочущий раздолбанный самокат, как и у всех... И звонкий голос мамы Шони: «Роман, обедать!» припомнился ему, и мама Сима шла с базара, неся авось-

ку, наполненную баклажанами, которые она по украинской привычке называла «синенькие», да и много чего другого невольно всплыло в памяти. Но когда припомнились ему три стоящих рядом надгробия с одинаковой фамилией – матери, бабушки и тетки, он запретил себя думать об этом, ибо нестерпимо захотелось послать все к чертям собачьим, наплевать на любые последствия и немедленно ехать на кладбище...

Он еще, успокаиваясь, посидел несколько минут под ярким зонтиком, ровно столько, сколько понадобилось, чтобы покончить с чайником чаю, спрятав газету в карман, поднялся, решив для себя твердо, что на этом свидание с детством закончено.

Утром следующего дня, отдохнувший и энергичный турецкий предприниматель, владелец небольшой, но весьма мобильной строительной фирмы Арсланзаде Байрам Бей встретился с руководителями ассоциации делового сотрудничества. Переговоры явно буксовали, хозяева не представляли, что делать с приехавшим турком – их полномочия, а главное – возможности, были весьма ограничены, и с явным облегчением вздохнули, когда гость выразил пожелание, за свой собственный, разумеется, счет, посетить несколько городов, которые давно мечтал увидеть. С энергией, достойной лучшего применения, они тут же стали названивать в международный сектор аэропорта, заказывая «дорогому гостю» билеты в Самарканд, Бухару, города Ферганской долины.

В своем детстве и юности Роме никогда не доводилось бы-

вать в этих городах и теперь он с неподдельным восторгом любовался шедеврами древневосточного зодчества – обсерваторией Улугбека, мечетями Гур-Эмир и Шахи-Зинда в Самарканде, древнейшей мечетью Магоки Аттори в Бухаре, поражаясь, что все это поистине сказочное великолепие – дело рук человеческих.

Но основной целью поездки был один из старинных городов Ферганской долины – Наманган. По имеющимся у Закира данным, именно этот город становился чуть ли не центром националистического движения Узбекистана. Еще в Стамбуле, перед самым отъездом в Ташкент, мулла встретился с Конбулатом и тот рассказал ему, что Юлдаш Тахиров готовит в Намангане акцию, которая перевернет все в Узбекистане вверх дном. В подробности Аскар посвящен не был, а с самим Юлдашем встретиться не удалось, он уже покинул Турцию и теперь оставалось только гадать, что затеял экстремист. Наманган оказался чистеньким, будто только что умытым городом. Но Закир отчетливо ощущал, что в воздухе словно витает облако, предвещающее грозные события. Повсюду он видел людей, облаченных в национальные одежды и о чем-то шушукающихся, на одной из городских площадей большая группа молодых людей в просторных черных штанах и такого же цвета куртках, похожих на кимоно, под руководством боевого вида инструктора, отрабатывала приемы рукопашного боя. Предчувствие не обмануло. Утром, завтракая в гостинице, Закир по отдельным репликам понял,

что в городе произошел чуть ли не правительственный переворот.

Он поспешил в центр, где перед зданием областной администрации уже собралась толпа. Закир успел как раз вовремя. Юлдаш Тахиров вместе с группой верных ему религиозных фанатиков захватил здание администрации. Перед входом кто-то уже растягивал зеленое полотнище с лозунгом «Да здравствует исламское государство!» Те самые молодые парни в черных «кимоно», которых мулла видел накануне, силой заталкивали собравшихся внутрь. Тем, кто пытался отказаться, или оказывал сопротивление, грозили страшными карами, а для доходчивости тут же извлекали из-под черных курток резиновые дубинки, которые, не колеблясь, пускали в ход. Возражать распоясавшимся молодчикам было небезопасно. Вместе со всеми затолкали в зал и «турецкого гостя».

Поднявшись на возвышение, Юлдаш выкрикивал лозунги и толпа, повторяя за ним, скандировала их. Впрочем, внимательный взгляд Закира заметил, что скандирует лишь молодежь, а старики, опустив головы, лишь едва шевелят губами, напуганные всем происходящим. Юлдаш, насладившись зрелищем беснующегося зала, поднял руку, призывая к тишине.

– Когда мы провозгласим исламское государство, мы разберемся со всеми, кто не верил в наше дело! – начал он с угроз. – Нам долгие годы закрывали рот, не давали говорить

то, что мы думаем. Но теперь мы скажем все. Я требую, мы все требуем, чтобы сюда приехал президент. Он же называет себя мусульманином, вот пусть приедет сюда и нас, истинных мусульман, слушает. Мы выдвигаем пять условий. – Юлдаш достал из кармана листок и стал зачитывать:

– Условие первое. Сюда должен приехать президент. Условие второе – прямо здесь он должен поклясться на Коране в верности исламу и здесь, в этом зале, провозгласить исламское государство. Третье условие – посещение мечетей должно стать обязательным для всех мусульман, в том числе и для всех руководителей государства, которые должны молиться вместе с народом. Четвертое условие – пятница должна стать праздничным, нерабочим днем. И последнее, пятое условие – немедленное открытие религиозных школ.

После каждой произнесенной фразы Юлдаш поднимал глаза к небу, восклицал «Аллах акбар!», внимательно следя, все ли повторяют за ним заклинание.

Закир понимал, что все эти условия выдвигались спонтанно и были придуманы наспех, однако он не сомневался, что захват здания был заранее продуман и тщательно спланирован. Глаза у многих молодых людей затуманены наркотиками, в этом Закиру, уже видевшему такое не раз, сомневаться не приходилось. Он полагал, что сейчас сюда нагрянет милиция, возможно солдаты внутренних войск и уже придумывал варианты, как ему, иностранцу, выкручиваться из этой истории, но ничего такого не происходило. А через два ча-

са по залу прошелестело удивленное: «Президент приехал». Да, тут было чему удивляться. Тахир, пьянея от собственной значимости, тут же выдвинул новое условие: «пусть президент войдет в зал один, без своих помощников и без охраны. Мы будем разговаривать только с ним». Президент распорядился и все сопровождающие остались у входа в зал. Внимательно рассматривая этого человека, Закир не мог не удивляться его внешнему самообладанию. Президент оставался совершенно невозмутимым, когда Юлдаш выдвинул требование немедленно распустить парламент и подписать указ о провозглашении исламского государства. Ни один мускул не дрогнул на лице этого человека, когда Тахиров заявил, что президент не выйдет из этого зала, пока не выполнит все предъявленные ему условия. Толпа, загоготала, заулюлюкала, превращаясь на глазах в стадо. Но тут Президент, спокойно отстранив Юлдаша, сам поднялся на трибуну.

Сначала все собравшиеся в зале просто увидели, что стоявший на трибуне человек шевелит губами, хотя слов разобрать было невозможно. Закир по достоинству оценил столь блестящий ход опытного политика. Он не стал повышать голоса, стараясь перекричать толпу, а напротив – говорил нарочито тихо и все вокруг вынуждены были смолкнуть. Дождавшись полной тишины, Президент размеренным голосом заговорил снова:

– Никаких угроз я не боюсь, и пугать меня не надо. Чтобы уйти отсюда, я мог бы попросту вас обмануть. Сказать,

что принимаю все ваши требования, подписать указ, а потом спокойно отменить эти документы. Мог бы сделать и по-другому – уехать отсюда, вызвать войска и они бы быстро навели порядок. Но я – президент и я мужчина. Я не бросаю слов на ветер и привык за каждое свое слово отвечать. Поэтому я хочу сказать вам вот что. Да, я действительно, как президент, подписываю указы. Но подписать указ об изменении государственного строя – не в моих полномочиях. И это правильно – судьбу государства не может и не должен решать один человек. Мы поступим так. Соберем парламент, вы пришлете своих представителей, мы выслушаем внимательно образом все их аргументы и сообща примем решение. Вот так будет правильно.

При последних словах президента многие, сидящие в конце зала, уже потянулись к выходу. Закир поискал глазами Юлдаша, но того нигде не было видно. Поняв, что бой проигран, он счел за лучшее незаметно исчезнуть. Расходилась по домам и молчаливая теперь толпа. Иностранец поспешил в аэропорт, понимая, что в его положении разыскивать сейчас Тахирова небезопасно, да, пожалуй, и бессмысленно. Наверняка мятежник уже покинул город, а скорее всего, улизнет и из страны. Ташкентский рейс задержали на час, ждали, пока улетит президентский самолет. В гостиницу Арсланзаде попал только поздним вечером.

По дороге в Стамбул пассажир бизнес-класса Арсланзаде Байрам Бей отказался от предложенной ему еды, попросив

подать только стакан апельсинового сока. Ему было о чем подумать. После долгих размышлений, он пришел к выводу, что события в Узбекистане только начинают развиваться. Экстремисты без боя не сдадутся. Да, не таким рисовал он в своем воображении встречу с родной землей...

Глава восьмая

В логове

Арендовав небольшой, но очень ходкий катер, они вышли в море. Марк предъявил владельцу права судоводителя и это избавило их от услуги. Без лишних пререканий выплаченная «сумасшедшим иностранцем» баснословная сумма страховки сделала владельца катера необычайно любезным и стоворчивым. Зато теперь они, все же проверив и убедившись, что на катере не установлено никаких записывающих сюрпризов, могли разговаривать спокойно, не опасаясь никакой слежки и прослушки. Разговор предстоял настолько серьезный, что стоил любых мер предосторожности.

Марк, казалось, без особого интереса выслушал рассказ о пребывании Волка в Узбекистане – его повествование и эмоции лишь красочно дополняли общую картину, которая, и без того, уже была достаточно хорошо известна, о чем куратор не преминул заметить. «Никто не умаляет террористической опасности, реально нависшей над бывшими советскими республиками, заметил он. Существует даже совместно разработанная специальная программа, кстати сказать, сугубо

засекреченная, по оказанию помощи спецслужбам России, Узбекистана, Азербайджана, Казахстана и некоторых других государств постсоветского пространства. Не исключено, что террористы не только готовят там крупные акции, но и примут попытки покушений на глав этих государств».

– Твоя же главная задача – Бин Ладен, – наставлял Марк агента. – Учти, после целого ряда налетов на его лагеря, да к тому же обострившиеся отношения, как с талибами, так и с официальным афганским руководством, он стал осторожен до мнительности. Попасть к нему теперь будет нелегко. Он избавился почти от всех, кто раньше был в его окружении, ну разве что за исключением самых близких, доверенных и многократно проверенных людей. Вот именно поэтому я не исключаю, что подобраться к нему теперь будет проблематично. И все же мы твердо рассчитываем, что тебе это удастся. Сам Бин Ладен, насколько мы располагаем информацией, твоего имени нигде не упоминал, а вот его верный клевет Шамс-ад-Дин частенько вспоминает тебя, как верного и преданного человека, нестигаемого воина Аллаха. И нечего улыбаться, такая характеристика дорогого стоит. Осбенно, если учесть, что, возможно, именно Шамс станет твоим основным проводником и главным шансом вновь оказаться в окружении Усамы. Но проникнуть к нему необходимо. От него сейчас тянутся нити к подавляющему большинству исламских террористических центров. Только находясь в непосредственной близости к шейху, можно получить информа-

цию о том, какие замыслы вынашивают экстремисты.

– Я ведь давно не выходил на связь с его людьми. Хотя бы примерно известно, где он теперь, в каком районе Афганистана?

– Места своего нахождения он меняет непрерывно. Но известно, что основной лагерь разбил где-то в горах, поблизости от Джалал-Абада. Ну, да не мне просвещать тебя относительно афганской топографии, надеюсь, на месте сориентируешься. Да и бывшие «соратники»-муджахиддины подскажут, не посмеют отказать уважаемому мулле.

– Чего это ты так веселишься? – недовольно пробурчал Волк. – Не вижу особого повода для радости.

– Да это я больше от раздраженности, – признался Марк. – Понимаю, что ставим перед тобой маловыполнимую задачу, вот и злюсь.

– Отчего же маловыполнимую?

– Сей господин превратился в истинного фюрера, со всеми вытекающими отсюда замашками. Это давно уже не тот Усама, которого ты застал в изгнании, когда ему приходилось уносить ноги то из Саудовской Аравии, то из Судана. Его провозгласили террористом номер один в мире и он теперь, что называется, изо всех сил стремится поддерживать новый имидж и соответствует этому титулу.

– Поменьше бы раздували его эфирные «подвиги», проще было бы с ним бороться.

– Вот именно, – поддакнул Марк. – Но когда в нашу рабо-

ту вмешиваются политики, сам знаешь – хорошего не жди, все наверняка испортят и запутают так, что сам дьявол ногу сломит. Ладно, это все эмоции, а тебе дело делать. Поэтому слушай внимательно, кое-какие детали, думаю, тебе пригодятся.

Марк рассказал, что появились весьма тревожные данные о том, что Бин Ладен за последнее время невероятно расширил сеть своих так называемых «лабораторий», где в обстановке чрезвычайной секретности производится чистейший героин. Истинные масштабы производства пока никому не известны, но поступающие отрывочные агентурные данные весьма тревожны. Упомянул Марк и еще одну, весьма любопытную деталь, составляющую величайший секрет Бин Ладена. У Усамы, судя по-всему, появился двойник, а то и несколько двойников. Слухи об этом за последнее время распространяются все упорнее...

Х Х

Х

Вот уже несколько месяцев он в Афганистане, а ни к одной из резиденций Бин Ладена даже близко не смог подойти. Расчеты встретить в окрестностях Джалал-Абада Шамс-ад-Дина, или кого иного из приближенных Усамы, не оправдались. Несколько раз мимо него проносились огромные «джи-пы» с белыми флажками на капотах, говорили, что именно в таких ездит Бин Ладен и его охрана, но окна машин все-

гда тщательно зашторены и скорости они не сбавляют. Нужно что-то предпринимать: поведение вернувшегося в Афганистан муллы уже становится подозрительным, так как он до сих пор не примкнул ни к одной из сторон и бродит по всей стране, лишь изредка проповедуя в мечетях, призывая мусульман жить по заветам Всевышнего. К тому же многие здесь помнили, каким особым доверием пользовался мулла Закир Бин Нурлан у шаха Максуда.

Шах остался верен своим идеям. После того, как талибы взяли Кабул, Максуд отступил в район Панджшерского ущелья и держал там оборону, не пропуская талибов на север страны. По сути дела он стал одним из тех, кто возглавил антиталибскую военно-политическую коалицию, несколько лет контролирующую значительную часть Афганистана. Отзываясь о Бин Ладене, шах не стеснялся крепких выражений, открыто выражал недовольство тем, что политика Усамы и все возрастающее производство героина ведут страну к гибели. Неизвестными силами уже было совершено несколько попыток покушения на Максуда, однако, до поры до времени, судьба хранила его. Но вот однажды шаху доложили, что у него хотят взять интервью для весьма влиятельного в арабском мире телеканала. Обычно не склонный к публичным заявлениям и избегающий встреч с представителями прессы, Максуд на сей раз согласился. Он полагал, что именно арабский мир должен услышать его мнение о событиях, происходящих в Афганистане.

В надежно укрепленный кишлак Бауддин, где обосновался Максуд, прибыла целая телевизионная группа. Но охрана, после тщательного обыска, пропустила в покои Шаха только двоих – оператора и корреспондента. Во время интервью сработало взрывное устройство, искусно вмонтированное в телекамеру, шах получил множественные ранения. Промучившись чуть более суток, Максуд скончался. Через несколько дней один из высокопоставленных чиновников министерства внутренних дел Афганистана заявил, что шах Максуд был убит по личному распоряжению Усамы Бин Ладена. А спустя неделю тело чиновника на рассвете обнаружили обезглавленным в его собственном доме.

Кочуя по стране, мулла Закир убедился, что производство наркотиков здесь приняло поистине гигантские размеры, хотя подлинных масштабов пока представить не мог. В одном из селений, где мулла задержался на неделю, он стал очевидцем леденящей душу истории.

...Братья, старший Джурат и младший Шавкат, жили на самой окраине кишлака, возле оврага. Из некогда многочисленной семьи их осталось только двое. Кого убили в боях, кто умер от болезни. Заработка не было никакого и тогда Джурат согласился переправиться через Аму-Дарью с пятнадцатью килограммами героина. Вернулся он домой только через месяц, почерневший до неузнаваемости. Во время переправы их группу обстреляли пограничники, пуля попала Джурату в плечо. Перекупщики, встречавшие группу афган-

ских наркокурьеров, спрятали Джурата, но с лечением особо мудрствовать не стали, ампутировали парню руку и, едва он очухался, отправили обратно. Староста, распорядившись в кишлаке всем, фальшиво выразил Джурату сочувствие и тут же заявил, что теперь-то он станет незаменимым для них человеком – вряд ли кто заподозрит в инвалиде наркокурьера. Но Джурат категорически отказался еще раз переправляться через реку.

Спустя какое-то время к младшему, семнадцатилетнему Шавкату с неожиданным предложением обратился староста: «Ты, сынок, уже вырос, совсем большой стал. Пора тебе жениться. А то, упаси Аллах, еще грех какой совершишь». Шавкат удрученно возразил, что невесты у него нет, да и кто за него, голодранца, без калыма дочь отдаст. Но староста настаивал, говорил, что люди добрые не оставят Шавката, все расходы по предстоящей свадьбе возьмут на себя. А вскоре действительно состоялась свадьба. Невесту привезли из соседнего кишлака, лица ее, как водится, Шавкат не видел, но ему почему-то казалось, что девушка, прикрытая плотным покрывалом, чудо как хороша. А буквально утром, после первой брачной ночи, Шавката вызвали из дому и привели в ущелье, где на берегу мелководной, нор бурной горной речки, сидели староста и еще несколько преданных ему людей. Сюда же вскоре привели и Джурата. Староста методично начал считать: калым, подарки гостям и родителям невесты, свадебный стол – все вместе потянуло на две тысячи

долларов. Шавкат обомлел, эта сумма была для него столь же нереальной, как полет на луну.

– Ничего, ничего, – увещевал староста. – Вы же родные братья, вдвоем долг и отработаете. Мы же не требуем, чтобы вы деньги вернули сегодня. Отправитесь с «товаром», каждая переправа вам зачтется, так что за пару лет рассчитаетесь.

– Я же сказал, – заупрямился Джурат, – героин больше не понесу.

Его не стали уговаривать. Крепкие руки схватили парня, на шею ему накинули петлю, а другой конец веревки перебросили через ветку дерева. Шавкат пытался вырваться на помощь брату, но его держали цепко. Он потерял сознание, а когда, почувствовал на лице холодные брызги воды, открыл глаза и увидел над собой склонившегося старосту: «Ну, а ты, ты тоже не пойдешь?..»

На следующий день, оставив дома заплаканную жену, он уже садился в надувную лодку. Первая переправа прошла успешно. Товар у них приняли, снарядили обратно. Здесь Шавкат узнал, что за двадцать килограммов переправленного наркотика ему причитается... 30 долларов. Груз небольшой, вот и денег немного, пояснили ему. В следующий раз возьмешь больше, больше и получишь. Дома он провел три дня и вновь отправился в путь. Но на этот раз все закончилось скверно. Их, курьеров, было трое. Лодку снесло течением, им пришлось возвращаться к условленному месту, но

взошло солнце и они спрятались в какой-то норе, в надежде отсидеться до темноты.

В низине, где они притаились, появился чабан, пасший небольшую отару. Чабан обратил внимание, что его собаки злобно лают возле норы. Должно быть, лисы, обеспокоился чабан и стал тыкать в нору посохом. Острая палка чуть не угодила Шавкату в глаз и он, машинально схватив посох, потянул его на себя. Чабан прожил в приграничном районе всю жизнь. Он оставил возле норы собак, а сам устремился к пограничникам. Вскоре все трое афганских наркокурьера были схвачены. Домой Шавкат больше никогда не вернулся.

В кишлаке потом рассказывали, глумясь, неизвестно как ставшее известным, а может, и придуманное, продолжение этой истории. Шавката приговорили к пожизненному заключению. Когда он узнал об этом, то очень даже обрадовался. В тюрьме ему понравилось. Матрас казался мягким, еда вкусной, да к тому же кормили три раза в день. И тогда он написал прошение, чтобы позволили ему отбывать свой пожизненный срок вместе с женой...

Х Х

Х

Терпение и умение ждать занимают в арсенале разведчика далеко не последнее место. Эту истину Закир усвоил давно. Подтвердилась она и на сей раз – Шамс-ад-Дин разыскал его

сам.

Он поведал, что недавно у Бин Ладена были старые знакомые муллы – Юлдаш Тахиров и Хаджи Джумаев. Тахиров, желая то ли позабавить шейха то ли продемонстрировать ему свою предусмотрительность, рассказал, как установил за муллой в Стамбуле слежку. Усама рассвирепел: «Как смел ты, негодный, следить за человеком, которого я к тебе отправил. Значит, я ему доверяю, а ты – не доверяешь? Может быть, ты не доверяешь и мне?!» И выгнал его вон. А вечером в разговоре с Шамс-ад-Дином высказал сожаление, что потерял такого достойного человека, как мулла Бин Нурлан, из виду. Вот Шамс и решил преподнести шейху приятный сюрприз.

– А вы разве знали, что я нахожусь в Афганистане? – поинтересовался Закир.

– Мы всегда знаем все, что нам нужно, – последовал многозначительный ответ.

История показалась Закиру какой-то неестественной, надуманной, однако до поры до времени он считал за лучшее не углубляться в детали. «Сейчас шейх находится в далеком путешествии, но через неделю возвращается и мы с вами непременно увидимся, пообещал Шамс-ад-Дин и, предупреждая возможные вопросы, заявил, – я сам вас разыщу.

Но прошел целый месяц, пока верный помощник Усамы объявился вновь. Мулла вышел из мечети после вечерней молитвы, когда у его ног резко затормозила уже знакомая

«тойота» с белым флажком на капоте. Задняя дверца распахнулась и незнакомый голос вежливо пригласил: «Садитесь, уважаемый мулла». Едва он опустился на сиденье, сидящий сбоку пассажир накинул ему на глаза плотную повязку и тот же голос категорично произнес: «так надо». Ехали долго, около двух часов. По звуку мотора Закир безошибочно определял, когда они поднимаются вверх, когда едут по равнине. Последнюю часть путешествия автомобиль только поднимался.

Его вывели из машины и он явственно ощутил ни с чем не сравнимый апельсиновый запах. Потом, судя по всему, ступил на пушистый ковер. Когда с него сняли повязку, то в полумраке помещения трудно было что-то разглядеть. Просторная комната, где он находился, оказалась безлюдной и почти пустой – только под ногами стелился ковер, да в углах высились горки традиционных восточных подушек. Вскоре появился Шамс-ад-Дин. Поприветствовав Закира, он опустился на подушки. «Вы, должно быть, проголодались после дальней дороги», но, увидев отрицательный жест, предложил отведать хотя бы фруктов.

– Времени у нас достаточно, шейх назначил вам аудиенцию на завтрашнее утро, так что пока расскажите, где побывали, что поделявали за то долгое время, что мы не виделись. А заодно еще раз, подробнее расскажите о последней неделе пребывания в Узбекистане. Надеюсь, память вас не подведет, – не предложил, а скорее потребовал Шамс-ад-

Дин и, откинувшись на подушки, всем своим видом показал, что готов принять отчет гостя.

Закир отметил и появившиеся в его голосе повелительные нотки, и напыщенное слово «аудиенция», но сделал вид, что все принимает, как должное и приступил к обстоятельному докладу. Хотя заданный ему вопрос совершенно очевидно таил подвох. Это было тем более странно, что во время прошлой встречи у Шамса по поводу пребывания муллы в Узбекистане никаких вопросов не возникло. Значит, за тот месяц, что они не виделись, всплыли какие-то новые детали. Необходимо с точностью воспроизвести свой предыдущий рассказ, чтобы совпали все подробности и нюансы, подумал Закир.

– Из вашего рассказа я не понял только одно, как вас удалось с такой точностью рассчитать время прибытия в Наманган, – перебил его Шамс-ад-Дин и в его взгляде Закир уловил неприкрытую подозрительность. – Юлдаш только с виду производит впечатление человека недалекого. На самом деле в уме и проницательности ему не откажешь. И среди многочисленной толпы он сумел разглядеть вас, что, кстати, очень его насторожило.

Нужно было отвечать так, чтобы у верного помощника Усамы не осталось даже и тени сомнений. «Руководствуясь именно вашими наставлениями и инструкциями, я счел необходимым завербовать среди лидеров узбекской оппозиции своего человека, который снабжал меня весьма ценной

информацией, в том числе назвал и достаточно точную дату, когда должен был произойти, как они его назвали, «наманганский переворот», пояснил мулла.

– И кто же этот человек?

– Я назвал его «Министр».

– Остроумное прозвище, – отреагировал Шамс-ад-Дин и тут же потребовал, – Имя!

– До сегодняшнего дня его имя знали только я и он сам, вы станете третьим. Это Аскар Абдурасулов.

– Вы, как всегда, сделали безошибочный выбор, дорогой мулла, – одобрительно отозвался Шамс, но по тону, каким эти слова были сказаны, вернее даже по интонации, мулла понял, что его информация будет тщательно проверена. Ну что ж, с этой стороны опасность ему не грозит.

Но ни следующим утром, ни через день встреча с Усамой так и не состоялась. Они увиделись только через две недели. Вопреки ожиданиям, Усама был в прекрасном настроении и не скрывал этого. Он усадил гостя за стол. Угощение было обильным, хотя сам шейх к пище почти не притронулся. Он дотошно расспрашивал Закира о его поездке в Узбекистан, но, как заметил мулла, ответы выслушивал довольно рассеянно. К концу вечера Бин Ладен сказал:

– Я буду рад, если вы какое-то время, может быть, пару недель, погостите у меня. Мне предстоит несколько поездок и я бы хотел, чтобы вы меня сопровождали. А в конце месяца я приглашаю вас на свадьбу своей дочери. Она выходит

замуж за муллу Ахмада Умара и я надеюсь, что это будет счастливый брак.

Закиру стала понятна причина хорошего расположения духа хозяина дома. В свое время, объявив Усаму террористом номер один, Соединенные Штаты прибегли к традиционным дипломатическим методам давления на Судан и Афганистан. Суданцы, не выдержав прессинга «властелинов мира», лишили Бин Ладена гражданства и выдворили из страны, а вот Афганистан не сдался и принял Усаму. Но последнее время все чаще стали поговаривать, что и талибы готовы выслать Усаму в обмен на международное признание. Однако сам факт бракосочетания дочери Усамы с одним из влиятельнейших и могущественных лидеров талибов сводил эту вероятность практически к нулю, превращая тщательно продуманный «союз двух сердец» в поистине политический альянс.

...Мулла проснулся, едва забрезжил рассвет. Неспешно прогуливаясь по проложенным вокруг дома тропинкам, он хорошо разглядел расположенный на возвышении горной дороги тщательно укрепленный многочисленными боевиками пропускной пункт. Снизу подступы к дому надежно отрезал бурный и глубокий Шингарский канал, огибающий дом с двух сторон. Мулла после прогулки вернулся в дом. Вскоре его пригласили к завтраку. За столом их было четверо – сам Бин Ладен, его ближайший друг, компаньон и личный врач доктор Захири, Шамс-ад-Дин и мулла Закир. Усама, как и

минувшим вечером, почти не притронулся к еде. Он съел лишь несколько фиников, да немного горячего хлеба с медом, запивая все это теплой водой.

– Мои планы несколько изменились и сразу после завтрака я на пару дней отправляюсь с инспекционной поездкой в свои лагеря. Вы готовы меня сопровождать? – спросил он у муллы и тот, приложив руки к груди, выразил свое молчаливое и в то же время благодарное согласие.

По дороге в лагерь Усама был неразговорчив, явно думая о чем-то своем. Лишь когда они ненадолго остановились, чтобы размяться, Бин Ладен обратился к Закиру. «В лагерях не принято называть друг друга по именам. Меня, например, все называют «Директор». Если я ничего не путаю, а я никогда ничего не путаю, то в Африке вы прославились под именем «Китаец», и, увидев удивленный взгляд Закира, от души рассмеялся. Все очень просто. Впервые о Китайце я услышал в доме ар-Равийя , в Карачи. Старик говорил о ваших подвигах и необыкновенных способностях с таким восторгом, что мне уже тогда захотелось познакомиться с вами. Так что, если нет возражений, в лагерях подготовки наших бойцов я буду называть вас Китаец. Кстати, на будущее. Если кто-то к вам обратится по этому имени, то знайте – это мой посланник и отнеситесь к такому человеку соответственно. А теперь – в путь, а то мы что-то заболтались».

В первом же лагере, куда они прибыли, Закир насчитал сто пятьдесят курсантов. Это было несложно – «Директор»,

словно полководец, шел вдоль строя разномастно одетых боевиков. Потом они зашли в класс, где проводились теоретические занятия. «Директор» взял конспект одного из курсантов, с явным удовлетворением пролистал аккуратно заполненные записями и схемами страницы, а потом протянул тетрадь Закиру: «Ознакомьтесь, господин Китаец, я думаю, вам будет интересно». Виртуозно владеющему навыками быстрого чтения, Закиру хватило бы не более двух-трех минут, чтобы ознакомиться с содержанием и запомнить его, но он надолго задержал в руках тетрадь, ни рискуя поднимать глаза на стоящего рядом Бин Ладена. Вчитываясь в эти строки, Закир вдруг с особой отчетливостью осознал, на что способны эти, одержимые идеей всемирно джихада фанатики. На первых же страницах конспекта он прочел:

«Мы должны стремиться разрушить строй неверных и построить исламское государство. Под строем неверных понимаются члены государственных организаций, заводов, фабрик, зарубежной торговли, школ, детских садов, роддомов, телевидения, больниц, колхозники и их дома.

Для претворения в жизнь «джихада» нам необходимо знать следующее: у нас нет своего пристанища, нет где спрятаться. Мы похожи на волков в лесу и должны хорошо знать территорию своей охоты.

Если народ с нами, мы победим.

Чеченский народ тоже борется за свою землю и свою свободу. Они готовы отдать свои жизни за веру. А наш народ,

если уберут вожака, то последует за убийцей.

Неверные живут в целях наживы, и обеспечение наших обществ должно лечь на их плечи.

Надо создать такой политический и военный устав, который был бы непоколебим, был беспощаден к неверным, то есть уничтожил бы их уставы, их культуру и все другие ценности.

Война делится на три части.

Объявленная война между двумя государствами.

Необъявленная война, т.е. атомная, химическая, бактериологическая.

Партизанская война – война слабых.

Определение партизанской войны:

Это война слабых против сильного государства для достижения конкретных целей. Это видно на примере клопов и собак. Клопов на теле собаки бывает очень мало, и они слабее собаки. Находя уязвимые места собаки, клоп начинает питаться ее кровью, но, напившись, быстро меняет место. Тут же собака грызет место укуса, но клопа там уже нет.

Мы внедрим в общество своего человека для усиления агитации, а он будет наносить удар по обществу, а мы еще больше будем продолжать свое дело, в результате общество само выступит против государства.

Евреи и неверные будут истреблены. После чего народ увидит нашу справедливость и перейдет на нашу сторону. И тогда мы призовем весь народ к исламу. Если половина

наро-ду перейдет на нашу сторону, то мы выберем план истребления неверных, посланников и туристов иностранных государств. Из их числа евреев и послов будем уничтожать. Если нас обвинят в этом, то будем отказываться. Цель должна быть плано-вой, например, взорвать компьютерную комнату или комнату управления завода. Для за-вода каждая минута дорога, когда все взор-вется, их контракты с другими государства-ми будут расторгнуты. Если погибнет посол иностранного государства, все встанут на ноги, так как в законе неверных смерть по-сла недопустима. Это есть и в исламе, но иностранные послы являются не теми, за кого себя выдают. Они являются шпионами, ко-торые служат для превращения мусульман в рабов.

Строящиеся неверными здания необходимо также взрывать. Это приведет к большому скандалу между государствами. Финансиро-вание государства идет из-за границы, значит, должны прибыть иностранцы. С убий-ством туристов никто не приедет, и не бу-дут строиться дома и заводы иностранцами.

Правила, которые должен знать работаю-щий в городе разведчик. Причины расшифровки:

1. Расшифровать себя можно, если расска-жешь незнакомому человеку о своей деятель-ности.

Если действовать неосторожно – идти на работу и не дей-ствовать в рамках населения местности.

Если встречаться с людьми, которые нахо-дятся под кон-

тролем.

Если не маскироваться под нацию и не оде-ваться по погоде. Например, в городе Москве люди не здороваются в обнимку. Если не отвечать требованиям семьи. Семья это общество, в котором каждый должен знать свое место и свою работу. Если каждый будет заниматься самодеятельностью, то можно расшифроваться. Если не соблюдать общественные порядки. Например, в городе введен комендантский час после 22 часов, значит, ты не должен находиться в это время на улице.

Если часто пользоваться одной тактикой. Задушить человека легко, но нельзя это часто использовать. Если это повторится два-три раза, то могут возникнуть большие проблемы. Вмешается СНБ, ФБР, а это грозит всем большой опасностью...»

Х Х

Х

Заночевали здесь же, в лагере. «Директору» непременно хотелось увидеть практические занятия по взрывному делу, которые по расписанию должны были начаться в пять часов утра. За ночь Закир и на мгновение не сомкнул век. В памяти, как злобные вспышки, сверкали слова из конспекта террориста. Утром отправились на полигон. Лица курсантов и инструкторов были прикрыты платками таким образом, что

из-под ткани виднелись только глаза. Прикрылись платками и высокие инспектирующие гости. Курсанты взрывали муляжи пассажирских железнодорожных вагонов и наливных цистерн, макеты жилых домов и общественных зданий. На одном из таких макетов Закир разглядел начертанную на русском языке надпись «Школа». После «практических занятий» состоялся разбор. Инструктор, судя по выговору палестинец, не желая ронять своего реноме в глазах высшего начальства, высоко оценил знания и практические навыки курсантов и замечаний почти не делал.

– Ну, а что скажет наш уважаемый гость? – обернулся к Закиру Бин Ладен. – Как утверждал наш общий пакистанский друг, вы когда-то проявляли чудеса изобретательности в этом деле...

– Люди и впрямь подготовлены неплохо, – отозвался Закир. – Но все же я бы несколько изменил схему расположения зарядов, особенно при взрыве крупномасштабных объектов. Но лучше всего демонстрировать это не на схеме, а в действии.

«Директор» испытующе уставился на инструктора. А тот, уязвленный, ответил на незаданный вопрос: «Да, лучше всего демонстрировать свои знания на практике. У нас займет не более двух часов, чтобы составить здесь «железнодорожный эшелон». Вот после обеда «уважаемый гость», повторил он слова «Директора» с явно саркастическими интонациями, и сможет продемонстрировать нам свои навыки».

– Прекрасная идея поддержал его «Директор».

После обеда все вновь отправились на взрывной полигон. Закир по достоинству оценил размах, с которым здесь было поставлено дело – на рельсах уже установили муляжи товарных вагонов и тепловоза, составляющие целый эшелон. Бин Ладен, его сопровождающие и инструктора спрятались в укрытие, откуда отчетливо было все видно. Закир же, вместе с курсантами, отправился к месту взрыва. Расчет его был прост. Сейчас, возле одного вагона, якобы для инструктажа, он соберет этих будущих диверсантов и убийц вместе. Мощности заряда хватит, чтобы уничтожить если не всех, то большинство из этих бандитов. А выжившие получат такие ранения, что мысль о войне вернется к ним еще не скоро. О себе он не думал. Ярость, клокотавшая в нем, затмевала все. И все же в последний момент он одумался.

Когда-то, когда он еще был курсантов в школе агентов-нелегалов, многоопытный инструктор говорил, что рискнуть собственной жизнью разведчик может только тогда, когда для выполнения основного задания больше не остается ни единого шанса. Но и тогда подобный риск, при любых обстоятельствах, будет расценен как поражение. Но не эти слова припомнились разведчику в тот момент, когда он, до автоматизма отработанными движениями, укладывал взрывчатку под вагонные колеса. Невероятным усилием воли погасив в себе клокотавшую ярость, разведчик подумал о том, что не эти мальчишки, а те, кто сейчас наблюдают за

ними в бинокли из укрытия, представляют собой истинную угрозу. И его, Закира, задача заключается вовсе не в том, чтобы казнить рядовых боевиков, а в том, чтобы искоренять Большое Зло. Он взмахом руки приказал курсантом отойти на безопасное расстояние и вместе с ними спрятался в укрытии, после чего нажал красную кнопку пульта дистанционного управления, приводящего в действие взрывные устройства. Железнодорожный состав взлетел на воздух, разметав в щепки все до единого вагоны. На командном пункте его встречали с такими почестями, будто он и впрямь взорвал реальный эшелон.

Х Х

Х

В последний день инспекционной поездки Закира ожидал сюрприз. В один из лагерей приехали его старые знакомые – Мадамин Салиев, Юлдаш Тахиров и Хаджи Джумаев. Сын Мадамина проходил курс подготовки в этом лагере, но, разумеется, не отцовские чувства привели сюда Солиха. «Смотр боевых частей» проводился здесь явно для проформы и вовсе не для этого собрались они здесь, слетевшись из разных краев света. Солих докладывал Бин Ладену о структуре организации «Исламское движение», о том, что в каждом районе и в каждом городе Узбекистана есть теперь свой «амир», а вскоре, во время поездки в Арабские Эмираты, будет на-

значен и «амир» всего Узбекистана. Юлдаш и Хаджи рассказали о том, какие действия предпринимаются для дестабилизации обстановки в стране, какими методами дискредитируются правоохранительные органы и высшее руководство. За последние месяцы по областям Узбекистана прокатилась целая волна убийств работников милиции и Службы национальной безопасности. В народе зреет мнение, что если спецслужбы не могут защитить собственных сотрудников, то на что они годны вообще. Эту тему обсуждают на базарах, в жилых кварталах, в мечетях. Юлдаш также добавил, что их людям в Ташкенте удалось завербовать совершенно уникального агента – майора, отвечающего в кабинете министров за телефонную спецсвязь и сейчас они получили возможность прослушивать самые важные разговоры даже высших руководителей государства. По мнению приехавших, оставалось предпринять последние усилия для совершения правительственного переворота в Узбекистане.

– Обидно, что именно сейчас, на завершающем этапе, мы испытываем материальные затруднения, – посетовал, обращаясь к Бин Ладену, Солих. – Нам, по мере своих возможностей, помогает ваш друг и соратник Хаттаб, но одной его помощи явно не хватает. Для координации действий необходима возможность мобильного передвижения, у нас не хватает оружия, взрывчатки, автотранспорта, раций, других технических средств. Мы не можем допустить поражения, а чтобы добиться результата, нужно, чтобы все звенья цепи были

подогнаны одна к другой неразрывно. Судя по реакции, Бин Ладен остался доволен докладом лидеров «Исламского движения». Он пообещал, что ни в материальной поддержке, ни в технических средствах заговоздки не будет, и то, и другое поступит в самое ближайшее время.

– Меня тревожит другое, – заметил Усама. – До нас доходят сведения, что некоторые ваши люди враждуют между собой, они озабочены разделом власти и каждый мнит себя чуть ли не главой новой исламской республики. А сейчас, как никогда, вам необходимо единение. Власть будете делить потом.

Говоря так, Бин Ладен в первую очередь имел ввиду именно тех, кто сейчас сидел перед ним. Он прекрасно понимал, что чрезмерные амбиции и тщеславие могут в итоге загубить любое дело. Его слова звучали не столько наставительно, сколько таили в себе строгое предупреждение и даже – угрозу.

Весь обратный путь Закир напряженно думал о том, как проинформировать Центр о том, что угроза переворота, нависшая над Узбекистаном, приобрела угрожающе реальные очертания. Даже самые ценные сведения, добытые разведчиком, без связи мало чего стоят. А как раз связи-то Закир сейчас и был лишен. И пока он находится непосредственно рядом с Бин Ладеном, ни о какой связи и думать было нечего – постороннему пробраться в его укрепленные резиденции невозможно. Как только они приехали, Закир решил-

ся на весьма рискованный разговор. Вроде бы размышляя, он поделился с Усамой, что разделяет его опасения по поводу несогласованности действий в руководстве «Исламского движения» и выказал готовность взвалить на себя нелегкую миссию координатора и одновременно полномочного контролера.

– Весьма здравая мысль, – к радости Закира отозвался Усама, но радость оказалась преждевременной. – Я подберу надежного и достаточно твердого человека для осуществления этой непростой функции. А вы, мулла, нужны мне здесь. – И не считая, видимо, нужным дальнейшее обсуждение проблемы, вышел из комнаты, оставив Закира наедине со своими сомнениями и тревогами.

Х Х

Х

Решение Усамы обескуражило Закира. Но предаваться унынию было не в его правилах. Да и само нахождение в логове требовало постоянного, неослабевающего напряжения. Оценивая масштабы деятельности Усамы Бин Ладена, разведчик все более отчетливо понимал, какой грозной силе он противоборствует. Усама последовательно декларировал, что основной целью «Аль-Кайды» является свержение светских режимов в арабских странах и в перспективе объединение всех мусульманских государств в единый халифат.

Параллельной целью он видел противодействие западным странам, особенно США, и полное уничтожение Израиля. И это были не пустые слова. По крупицам собранные сведения свидетельствовали о том, что «Аль-Кайда» насчитывает никак не менее десяти тысяч активных бойцов, а ее за-конспирированные ячейки действуют уже на всех, практически, континентах, в восьмидесяти странах мира, включая Австралию. И то, что теракты прокатились волной по всему земному шару, свидетельствовало о силе организации, объявившей по сути войну человечеству.

Изучая структуру «Аль-Кайды», Закир убедился, что организация выстроена по принципу политической партии со строгой иерархией и гибкой организационной структурой, где особое внимание уделяется конспирации. Зачастую не то что рядовые члены, но даже и командиры не знают о существовании других отрядов. И если одно из подразделений будет ликвидировано, то, независимо от этого, действия продолжат другие отряды. Место руководителя любого уровня, включая и самого Бин Ладена, в случае гибели или ареста сразу же занимает следующий по списку. Собственно, ничего нового шейх не выдумал, он просто воспользовался структурной схемой тайных обществ, совершенствуя ее постоянно за счет невиданных по масштабу субсидий.

В свое время, еще будучи курсантом школы подготовки агентов-нелегалов, Закир не на шутку увлекся психологией личности. По поручению директора школы он даже на-

писал довольно любопытную работу, составив психологический портрет Адольфа Гитлера. И теперь, находясь в непосредственной близости от лидера несомненно самой крупной в мире террористической организации, Закир мысленно составлял психологический портрет Бин Ладена, стараясь, чтобы портрет оказался как можно более полным и позволил, в первую очередь ему самому, не совершить возможных ошибок, которые будут неизбежны, не оцени он в полной мере психологических особенностей своего врага.

Усама придавал большое значение вооружению своей личной охраны. Его персональная гвардия, как он ее величал, состояла из двухсот пятидесяти бойцов и была оснащена не только лучшим стрелковым оружием, но и реактивными минометами, зенитными установками и современнейшими ракетными комплексами различного назначения. Опасаясь мобильных телефонов, по которым можно было вычислить местонахождение любого человека, Усама предпочитал свою связь с миром осуществлять через связных. Это его самые проверенные люди. Пересекая границы соседних стран, они передают указания Бин Ладена по телефону, выслушивают ответы и возвращаются. Таким образом они становятся обладателями самой секретной информации. Время от времени связные бесследно исчезают и остается только предполагать, какая их постигла участь. Но разговоры на эту тему строжайше запрещены всем, в том числе и самим связным. Дважды один и тот же телефон использовать категорически

запрещается. Не удивительно, что ежедневные расходы Усамы, по самым поверхностным прикидкам Закира, достигают порой пятидесяти тысяч долларов.

Составляя психологический портрет Бин Ладена, Закир обратил внимание на его манеру говорить – тихим голосом, почти шепотом, что выдавало в нем интроверта, то есть человека, чей внутренний мир сосредоточен на себе самом. Усаме были свойственны подозрительность и какая-то особая, гипертрофированная обидчивость. Будучи человеком тщеславным, он легко впадал в отчаянье, которое так же скоро менялось состоянием подъема, желанием бурной деятельности. Закир был немало удивлен, когда после длительного личного общения, узнал, что всем иным развлечениям Бин Ладен предпочитает скачки на верблюдах и соколиную охоту, а по телевизору смотрит только американские вестерны. Книг Усама не читает вовсе, презрительно отзываясь об этом никчемном занятии и утверждая, что истинный мусульманин обязан читать одну-единственную книгу – Коран. Закиру не раз приходилось убеждаться, насколько Усама дремуч и невежествен. Спланировать многоходовую операцию самостоятельно он бы не смог никогда, зато безошибочно умел определить человека, обладающего стратегическим складом мышления и предпочитал таких людей держать возле себя. В своих приближенных он вселял неподдельный страх, так как вспыльчивость его часто перерастала в бешенство и во время такой вот необузданной вспышки гнева он мог пристре-

лить собеседника. Свою роль в истории человечества он видит чрезвычайно ответственной и это заботит его пуще всего. Даже семья занимает в его жизни незначительное место – у него всего три жены и тринадцать детей, что для арабов нехарактерно мало.

А вот отношение ко лжи у него весьма характерное для всех религиозных фанатиков. Он совершенно непритворно утверждает, что всеми его делами, помыслами и даже словами управляет Всевышний и, стало быть, он никогда не лжет, а поступки совершает только угодные Аллаху. Эту сентенцию Закиру приходилось выслушивать не единожды и всякий раз он убеждался, что Усама совершенно искренне верит в то, что говорит. В то же время, сотканный из сплошных противоречий, этот человек, как никто, обладает способностью концентрироваться на своей цели. Однажды в лагере подготовки боевиков Усаму скрутил острый приступ почечной боли. Он буквально катался по полу, согнув колени и не в состоянии разогнуться. Не помогали ни болеутоляющие уколы, ни таблетки. Каково же было удивление Закира, когда уже через несколько минут Усама вышел на площадь и стал выступать перед собравшимися курсантами и инструкторами. На вопрос, отпустил ли его приступ, Бин Ладен взглянул недоуменно, потом, словно вспоминая о чем-то давно забытом, сказал: «Нет, болит по-прежнему, но когда говорил, боли не чувствовал».

Закиру очень интересно было сопоставить, как соотно-

сятся в этом человеке использование разума и эмоциональности. Анализируя множественные факторы проявления его характера, он убедился, что эмоциональному воздействию извне Усама почти не подвержен и основными раздражителями для него являются собственные мысли и фантазии. Постоянная борьба превратила лидера «Аль-Кайды» в весьма любопытный сплав жесткого и даже жестокого прагматика с фанатичным мечтателем. В меньшей степени он контролирует свои действия сознанием, руководствуясь по большей части эмоциями.

Почти равнодушный к еде, он совершенно не употребляет ни алкоголя, ни наркотиков. Да ему этого и не надо. Его фанатичность настолько велика, что он и без всяких допингов всегда пребывает в некоем трансе, самовозбуждаясь от убежденности в исключительности своей исторической миссии.

Составленный разведчиком психологический портрет врага, как он верно рассчитывал, помогал и ему самому находить верную линию поведения в общении с Усамой. Закир отчетливо понимал, чем грозит ему почти ежедневное общение с этим человеком, соверши он хоть малейшую ошибку или просчет.

Х Х

Х

...Назвать эту свадьбу веселой не решился бы никто. К

тому же свадьбу пришлось переносить как по времени, так и по месту проведения. Американцы включили Усаму Бин Ладена в список из десяти самых опасных из разыскиваемых преступников мира и пообещали шесть миллионов долларов за любую информацию, которая поможет арестовать, либо физически уничтожить лидера «Аль-Кайды». Посул сработал. Кто-то сообщил довольно точное место нахождения личного лагеря Бин Ладена и на район обрушился целый шквал американских ракет. Все, близко знающие Бин Ладена, постоянно отмечали особую везучесть этого человека. Уцелел Усама и на сей раз. А вот жители окрестных кишлаков, чьи дома были разрушены, выражали настолько сильное недовольство, что Усаме пришлось убираться из этого района и срочно оборудовать себе другое пристанище. Так что свадьбу пришлось перенести. Правда, в день торжества отец невесты получил своеобразный, но очень ценный подарок. На требования США выслать Усаму из страны правительство Афганистана заявило, что Бин Ладен является гостем и потому пользуется здесь покровительством, а если понадобится, то и защитой. Жених – мулла Ахмад Умар рассказал о решении правительства во время свадьбы. Немногочисленные гости отреагировали на это сообщение весьма бурно и это был, пожалуй, единственный всплеск эмоций. Свадьба скорее напоминала собрание единомышленников, которые здравицам в честь жениха и невесты предпочли обсуждение своих проблем.

...Ночью, накануне свадьбы, мулла разбудил шум проехавших машин. Мулла выглянул в окно и увидел, как три огромных «джипа» припарковались возле отдельно стоящей в углу двора постройки. Этот небольшой особнячок Бин Ладен определил как место встречи со своими личными связными. Попасть туда можно было с двух сторон – через двор, а также через мостик, перекинутый над горной речкой. Строевые круглосуточно охраняла усиленная группа боевиков. Во время свадьбы Усама то и дело отлучался, причем надолго, и сопровождали его лишь два личных телохранителя. Даже Шамс-ад-Дину он велел оставаться на месте, что верному сподвижнику изрядно испортило настроение. Но вот гости разошлись и Бин Ладен кивком головы указал Шамсу и мулле Закиру, чтобы следовали за ним. В угловом доме, куда они вошли, перед телевизором сидел средних лет мужчина с курчавой черной бородой. Берет, покрывавший его голову вместо традиционной чалмы, был расшит золотистой арабской вязью, левая рука, как-то странно вывернутая, засунута за широкий поясной ремень военного френча. Сомнений не оставалось – это был один из самых беспощадных в мире террористов, знаменитый Эмир ибн аль-Хаттаб, более известный больше, как просто Хаттаб, или, как его еще называли, Черный араб, Ахмед-однорукий. Конечно, Закиру много приходилось слышать об этом близком друге Бин Ладена, но увидел он его впервые. Объектом внимания спецслужб самых разных стран мира он стал довольно давно, сражаясь,

как говорил сам, под зеленым знаменем ислама. В Афганистане он воевал против советских войск, в Ираке против НАТО, в Израиле против всех евреев вместе взятых, в Чечне обосновал разветвленную сеть лагерей, где проходили обучение будущие убийцы. О нем ходила жуткая слава беспощадного головореза, причем даже искалеченная рука не мешала ему убивать виртуозно. О собственноручно проведенных казнях Хаттаб предпочитал не рассказывать, а показывать их, снимая на видеозапись не только каждое убийство, но и многочасовые допросы, когда он отрезал своим жертвам сначала уши, носы, а потом и головы. При этом Хаттаб требовал, чтобы во время казни присутствовали его ученики.

Однажды Бин Ладен поведал Закиру, что у своего «брата Хаттаба» он перенял систему обучения и содержания курсантов в лагерях. Так что Закир мог сам убедиться, в какой строгости и постоянном страхе держат здесь будущих боевиков. У каждого прибывшего в лагерь боевой подготовки первым делом отнимают паспорта. Чаще всего выпускники, уезжая, имеют фальшивые документы и гражданства совсем не тех стран, откуда они прибыли. Непослушание и нерадивость на занятиях карается самым суровым образом, вплоть до жестоких телесных наказаний. Пища у курсантов предельно скудная. Это просто зажаренная в прогорклом растительном масле мука, которой курсантов кормят по три раза в день. Закир слышал неоднократно, как Усама, инспектируя свои лагеря, внушал ученикам, что они смолоду должны

приучать себя к жизненным лишениям и уметь довольствоваться малым. Впрочем, ни на Бин Ладена, ни на Хаттаба этот постулат не распространялся. Разведчику было отлично известно, что даже подготовка будущих террористов приносит «братьям» существенный доход – плата за обучение в лагерях установлена достаточно высокая, а в них учатся наемники из Иордании, Пакистана, Китая, Йемена, Палестинской автономии, Египта и многих других стран...

Шамс-ад-Дин поздоровался с Хаттабом дружески, а мульту Бин Ладен представил сам. Черный араб выключил телевизор и они с Усамой, судя по-всему, продолжили прерванный днем разговор.

– Я хочу, чтобы о своем институте ты рассказал подробнее, очень меня это интересует, – попросил Бин Ладен, обращаясь к гостю.

– Ну что ж, – согласился Хаттаб. – Я назвал его «Исламский институт Кавказа», хотя по сути, как мы с тобой и решили, это один из мобильнейших филиалов нашей организации «Братья мусульмане». Конечно, название «институт» очень хорошо для того, чтобы заморочить головы нашим врагам, Именно с этой целью несколько часов в неделю отведено для изучения религиозных дисциплин и арабского языка. Если ты, мой брат, – Черный араб поклонился в сторону Бин Ладена, – ставишь задачу установления мирового халифата, то моя цель несколько скромнее – создание единого исламского государства на территории от Черного до Кас-

пийского морей.

Разведчик напряженно вслушивался в этот разговор, стараясь запомнить каждое произнесенное слово. А Хаттаб рассказывал о том, что программа института практически ничем не отличается от той, что существует в лагерях боевой подготовки. Курсанты «Исламского института Кавказа» обучаются подрывному делу и самым разнообразным методам убийства, а потом возвращаются в свои регионы вполне подготовленными диверсантами. Из его рассказа Закир понял, что, кроме «института» у Хаттаба еще семь лагерей боевой подготовки, одним из которых он руководит лично. Черный араб не преминул с гордостью заметить, что попасть в его лагерь считается особой честью, но он очень строг в отборе и оставляет лучших из лучших.

– В лагерях у меня полный порядок, никаких особых затруднений я не испытываю. А вот в деле, – он явно выделил интонацией последнее слово, – наметились проблемы. Но об этом мы, наверное, поговорим позже, не так ли? – И Хаттаб бросил весьма многозначительный взгляд на муллу.

Усама все понял и поспешил заверить, что уважаемый мулла Закир Бин Нурлан человек настолько проверенный, что лично он, Усама, от него секретов не держит, а напротив – старается по многим вопросам с ним советоваться. Черный араб помолчал немного, как бы взвешивая полученную информацию и после некоторого, но весьма явно отразившегося на лице колебания, все же продолжил.

– Я направил в наши лаборатории, ты, конечно, понимаешь о чем идет речь, своих самых лучших специалистов. Производство товара увеличилось существенно, реализация, соответственно, тоже выросла и дает хороший доход. Но те дельцы, которые контролируют этот бизнес на Северном Кавказе, не хотят мириться с конкуренцией и уничтожают моих курьеров жестоко и беспощадно. Они еще не добрались до самих лабораторий, я спрятал их достаточно надежно, но если так пойдет дальше...

– Ну что ж, – как всегда тихим голосом, но весьма решительно откликнулся Бин Ладен. – Раз война – значит, война. Наш товар это не только материальная прибыль. Он тоже является нашим оружием. Употребляя его, неверные губят свое здоровье и в итоге за свое пристрастие расплачиваются жизнью. Я полагаю, тебя не надо учить, что делать.

Хаттаб согласно кивнул, давая понять, что решение принято. А Закир понял, что ему удалось, хотя бы краешком, прикоснуться к одной из наиболее оберегаемых тайн этих людей. Из имеющейся у него информации и добытым уже здесь разрозненным и весьма скудным данным, разведчик уже знал, что Бин Ладен создал в Афганистане целую сеть по производству синтетических наркотиков, скорее всего героина. Но побывать хотя бы в одной из таких лабораторий ему до сих пор не удавалось. Более того, он даже не знал, насколько полученные им сведения соответствуют действительности. И вот сейчас в разговоре Бин Ладена с Хаттабом

эта тема впервые прозвучала вслух, обретая реальность.

Глава девятая

Я объявляю вам войну

И все же в нарколабораторию Закир попал, причем при обстоятельствах достаточно необычных, если не сказать загадочных. Он немного простыл, поднялась температура, пришлось несколько дней не выходить из отведенной ему комнаты. Бин Ладен, пуще огня боявшийся всяческого рода инфекций, больного не проводывал, да и вообще за эти три-четыре дня, кроме врача, никто к Закиру не заглядывал. А он был несказанно рад этой внезапной, но такой прекрасной передышке, когда можно было сосредоточиться, как следует все обдумать. По-прежнему больше всего тревожило его отсутствие связи. Необходимо выбраться из этого заколдованного круга, но как? Как раз когда разведчик ломал над этим голову, на пороге и появился Шамс-ад-Дин. Был он, как обычно, энергичен и деловит: «О здоровье не спрашиваю, вижу вы, хвала Аллаху всемогущему, вполне уже поправились. Тем лучше. Собирайтесь. Нас ждет шейх. Возьмите с собой все, что может понадобится на несколько дней, думаю, что мы вернемся сюда не раньше, чем через неделю». Закир решил, что они куда-то едут вместе с Бин Ладеном, но в машине, кроме охранников, они с Шамс-ад-Дином были вдвоем. Его спутник пояснил, что шейх уехал еще несколько

дней назад. И это было весьма странно.

Когда в новом лагере мулле Закиру предоставили возможность выбрать себе комнату, он остановился на помещении, через окна которого прекрасно просматривался не только весь двор, но и выезды из него. За время болезни муллы, насколько он мог заметить, машины Усамы лагеря не покидали и теперь он недоумевал, как мог пропустить их. После долгой дороги приехали в селение, где у въезда расположилась вооруженная охрана. Цепкий, наметанный взгляд разведчика мгновенно заметил не только открытые, но и достаточно хорошо замаскированные посты. В огромном длинном бараке стояло человек десять, внимательно слушавших Усаму. Что-то Закира насторожило, но он не мог сразу сосредоточиться на своих мыслях, тем более, что Бин Ладен, прервав разговор, сразу обратился к Закиру, осведомляясь о его здоровье, о том, как они доехали. И вот тут-то Закира, как молнией, пронзила мысль: у Усамы изменился голос. В нем появились никогда ранее не слышимые нотки фальцета. Разведчик постарался абстрагироваться от происходящего вокруг, сконцентрировав все свое внимание на одном человеке. Он словно мысленно составлял его словесный портрет. Рост, телосложение, овал лица, борода... И все же Закир не мог избавиться от ощущения чего-то неестественного, необычного. Вот человек заговорил горячо, явно в чем-то убеждая своих слушателей и стал при этом жестикулировать. В голосе вновь зазвучал отчетливо слышимый фальцет, к то-

му же, общаясь с Усамой достаточно долго, он не замечал за ним раньше склонности к жестикуляции. А этот тик левого глаза, откуда он вдруг взялся? Да и Шамс-ад-Дин при встрече поздоровался не так подчеркнуто почтительно, как он это неизменно делала, обращаясь к шейху. Улучив момент, Закир подошел к «Усаме» и провел простенькую проверочную комбинацию, рассчитанную, как говорится, на дилетантов.

– Несмотря на болезнь, я все же успел составить для вас справку, которую вы мне поручили.

Двойник, а теперь у Закира уже не оставалось ни малейших сомнений в том, что перед ним двойник Бин Ладена, заглотив наживку сходу: «Хорошо, хорошо, забормотал он, я позже ознакомлюсь». Никакой справки Бин Ладен мулле составлять не поручал и стоявший рядом, слышавший весь этот разговор Шамс-ад-Дин все моментально понял, плутовская улыбка на его лице не оставляла в этом сомнений. Он увлек муллу во двор и задал хитрый вопрос: «Ну как?» Закир не стал разыгрывать недоумения и коротко, но прямо ответил: «Похож».

– Но вы же все-таки догадались, ведь догадались, я еще там, в лаборатории это понял! – восклицал Шамс. – А розыгрыш со справкой был просто гениальным. Да, дорогой мулла, вы действительно один из самых умных и проницательных людей, которых мне когда-либо доводилось встречать. Но не томите, расскажите, как вы его раскусили.

– Голос, – пояснил мулла – интонации. Манеру говорить

ему поставили достаточно умело, но фальцет не спрячешь, прорывается, что ты с ним не делай. Тик левого глаза тоже не уберешь так запросто. Но это все факторы объективные. Есть и субъективные. Усама сдержан, когда говорит, а это то и дело начинает жестикулировать. Это уже просчет тех, кто его готовил. Что же касается проверки, которую я ему устроил со справкой, то здесь уже проявилась явная неспособность к быстрым неординарным решениям, хотя комбинация, честно говоря, уж совсем простенькая, если не сказать примитивная.

– О нет, дорогой мулла, вот тут вы ошибаетесь. За простотой вашего вопроса – незаурядный ум, в ответе же этого болвана – непроходимая тупость.

– Но внешнее сходство идеально, – поощрил Закир, тем самым, как бы, вызывая собеседника на дальнейшее обсуждение. – Я от души вас поздравляю и если вам нужна будет моя помощь, или просто совет, всегда можете на меня рассчитывать.

– Обязательно воспользуюсь, я уже чувствую, что и в этом деле вы сможете подсказать мне что-то толковое и необычное. А вечером я кое-что расскажу вам, поподробнее, – словно решившись, заявил Шамс-ад-Дин. – Не сомневаюсь, что ваши советы могут оказаться для меня весьма ценными, – повторил он еще раз. – А сейчас давайте вернемся в лабораторию.

Закир не мог отнести себя к глубоким знатокам химии,

но и его знаний вполне хватило, чтобы оценить современное оборудование и приборы, которыми была оснащена лаборатория. Работа кипела, здесь трудилось никак не менее тридцати человек. По виду все напоминало фармакологическую лабораторию, но конечный продукт производился явно не в этом помещении. Задавать любые уточняющие вопросы было бессмысленно, да и небезопасно, Закир удовлетворился тем, что накрепко зафиксировал в своей памяти увиденное. Тем более, что его мысли были поглощены предстоящим вечерним разговором.

Вечером, когда они уединились, Шамс-ад-Дин первым делом, не спеша, заварил себе зеленый чай. Он обожал этот напиток, затейливо расшитый бархатный мешочек с заваркой и травами непременно держал при себе и никому заваривать не доверял, священнодействуя с чайником собственноручно. За вечер он выпивал по нескольку чайников и утверждал, что именно этому чудодейственному напитку обязан своим крепким здоровьем. Отхлебнув из пиалы и, удобно откинувшись на подушки, Шамс поведал Закиру, что идея с двойниками и ее осуществление целиком и полностью принадлежит ему лично. Пороха он, конечно, не открыл и колеса не изобрел, так как двойники даже в древние времена были у многих правителей, но ему удалось поставить это дело на поток. Сегодня количество двойников Бин Ладена уже приближалось к десятку.

– Вы же знаете, как невероятно везуч шейх, да продлит

Аллах годы его, – говорил Шамс-ад-Дин. – Но никакое везение не бывает бесконечным. Наши враги не дремлют и если за голову Усамы постоянно увеличивают вознаграждение, то наверняка найдутся люди, способные за такие деньги совершить предательство. И предпринятые меры предосторожности уже дали свой результат – пару месяцев назад, во время многолюдной свадьбы, был отравлен сильнейшим и мгновенно действующим ядом один из двойников Бин Ладена. Предателя удалось схватить, но им оказался глухонемой, да к тому же неграмотный мальчишка лет восемнадцати, так что выведать у него хоть какие-то сведения не удалось. Поначалу хотели раздуть эту историю и выдать смерть двойника за гибель самого Бин Ладена, но в самый последний момент шейх, по причинам, ведомым только ему самому, отказался от такой идеи и приказал происшедшее хранить в тайне.

– А вы знаете с какой проблемой я столкнулся совершенно неожиданно? – рассмеялся вдруг Шам-ад-Дин. – Некоторые из двойников, причем не один и уже даже не два, так прочно входят в образ, что уже сами себя начинают мнить лидерами нашего движения. Недавно один такой, по собственной инициативе, провел довольно крупную акцию, да еще бахвалился потом, что и самому Бин Ладену не удалось бы сделать лучше. Постоянно же контролировать всех двойников становится все труднее, так как зачастую им приходится появляться в тех местах, где контроль за ними затруднен. Мы же не можем расширять число людей, посвященных в эту тайну,

иначе будет лишена всякого смысла сама идея двойников. Одним словом, мы надеемся и на вашу помощь, мулла, – заключил Шамс-ад-Дин. – Завтра мы с вами побываем еще в одном месте, где вам предстоит познакомиться с еще одним «Бин Ладеном». Прошу вас приглядитесь к нему повнимательнее и сделайте свои выводы.

Х Х

Х

Следующий день был днем редкой удачи. На подстанции, снабжавшей электроэнергией «фармакологическую лабораторию», произошла авария. Прибывшие электрики провозились до вечера, но устранить поломку так и не сумели. Весь поселок погрузился во мглу. А тут еще неприятность случилась с Шамс-ад-Дином. Выходя из лаборатории, он впотьмах наступил на невесть откуда взявшийся гнилой персик, упал и вывихнул ногу. Стонущего от боли, его перенесли в спальню, наложили тугую повязку из эластичного бинта и мулла Закир, заботясь о друге, на сей раз сам заварил зеленый чай, поставив чайник возле постели Шамса и пожелав тому спокойной ночи. Благодарный больной лишь слабо улыбнулся, обезболивающий укол и необходимое для покоя снотворное уже делали свое дело. А мулла отправился на подстанцию, посмотреть, как идут там дела. Утром должны были привезти из города новый трансформатор и все рабочие разошлись

по домам. Возле подстанции остался дежурить лишь бригадир электриков. Это человека по прозвищу Инженер Закир знал уже давно. Тот частенько появлялся в отрядах шаха Максуда, немногословный и сдержанный, выполнял свою работу и снова исчезал. Инженер в те годы, когда им изредка приходилось встречаться, частенько поглядывал на муллу внимательным взглядом, но никогда с ним не заговаривал. И вот сегодня, приехав в лабораторию, Закир наконец-то увидел на стене электроподстанции условный знак.

Обменявшись паролем, разведчик и его связной поднялись на поросший густым кустарником пригорок, откуда можно было сразу увидеть любого приближающегося и незаметно укрыться. Шел первый час ночи, до рассвета оставалось еще не менее четырех часов, времени должно было хватить. Сначала говорил Закир. Потом настал черед Инженера. Он высказал явное сожаление по поводу трагичной гибели глухонемого мальчишки. Думали, что на свадьбу действительно приехал Бин Ладен, вот и решили на карту поставить все. Даже не обратили внимание, что мальчишка слишком уж легко проник на свадьбу, не вызвав, вроде бы, никаких подозрений у охраны. А у парня не было ни знаний, ни умения маскироваться, операцию готовили наспех, ошибок понаделали немало, да к тому же, как потом выяснилось, отравили не Усаму, а всего лишь его двойника. А вот по поводу производства героина Инженеру удалось разузнать кое-что важное.

Изготовление наркотиков приобрело столь широкие масштабы, что теперь в одном только Афганистане, в лабораториях Бин Ладена, производится до сорока процентов героина, поступающего на мировой рынок наркоторговли. Поначалу гигантские площади, занятые под посевы мака, маскировали другими сельхозкультурами, а сейчас обнаглели до такой степени, что и маскироваться перестали. Когда правительство предложило крестьянам за каждый уничтоженный гектар опийного мака выплачивать по 1200 долларов, люди Бин Ладена тут же за урожай мака, собранный с того же гектара, посулили ровно в десять раз больше. А если учесть, что местный климат позволяет собирать урожай дважды в год, то становится понятным, почему стремительно стали исчезать посевы пшеницы, кукурузы, картофеля и прочих культур — любой клочок земли использовали по опийный мак.

Инженер оказался прекрасно осведомлен даже в технических деталях производства. Из целого ряда стран, рассказал он Закиру, в Афганистан стали поступать компоненты для создания героинового экстракта и вскоре он был в здешних лабораториях разработан и новый, синтетический героин получил довольно кощунственное название «Слеза Аллаха». Когда кто-то из высокопоставленных священнослужителей упрекнул, что негоже название убивающего людей наркотика связывать с именем Всевышнего, ему ответили, что производство героина дело вполне достойное, ибо он потребляется, в основном, кафирами (неверными), а вовсе не едино-

верцами. На такой неприкрытый цинизм даже просвещенный мулла не нашел, что ответить. Люди Бин Ладена наладили не только производство, но и транспортировку, сбыт, который осуществляется через Йемен, Судан, Пакистан. Сегодня наркокартель Бин Ладена имеет такую производственную, транспортную и финансовую инфраструктуру, обеспечивающую работу всей сети, которой могу позавидовать лидеры мирового бизнеса.

Уже перед самым рассветом они условились о тайниках для передачи шифровок, других средствах связи, предусмотрев, кажется, все возможные детали.

Х Х

Х

О трагедии, случившейся в Узбекистане, Закир узнал, как только прилетел в Стамбул. Радио в лимузине, который за пакистанским муллой прислали из отеля, было включено на полную мощность и водитель слушал новости, вздыхая и охая.

Позже, когда Закир анализировал ташкентские теракты, он не мог не отметить, что множественные случайности, совпадения, недоработки людей из разных служб, все сплелось в единую цепь. Но он во всем винил одного себя. Не сумел вовремя предупредить о неминуемой беде, не нашел способа изолировать главарей, к которым на определенном

этапе приблизился уже почти вплотную. Доля истины в его рассуждениях действительно была, но ведь главной целью разведчику определили проникновение в стан Бин Ладена. А проникнув туда, он на долгое время оказался изолированным от внешнего мира, потерял возможность не то что управлять, но и даже тщательно следить за развитием событий вне Афганистана. Да даже, окажись он в Стамбуле хоть на пару дней раньше, и то, возможно, сумел бы хоть на что-то повлиять, но судьбе было угодно распорядиться иначе.

С этой поездкой вообще все решилось спонтанно. Накануне Бин Ладен раздраженно говорил о том, что «Исламское движение» полностью вышло из-под контроля. Юлдаш и Хаджи стали неуправляемы. Подготовка к перевороту оставляет желать много лучшего, а они уже готовы ударить. Все складывалось таким образом, что кто-то должен отправиться в Стамбул и найти возможность как следует вразумить лидеров узбекских исламистов. На сей раз, осторожное предложение муллы Закира о поездке в Турцию, Усама принял безоговорочно, даже посоветовал с отлетом не тянуть. Стоит ли говорить, что на следующий же день Закир отправился в путь. И – опоздал.

Х Х

Х

...Светло-голубая старенькая «волга» появилась на пло-

щади невесть откуда. Позже, когда оперативники дотошно опрашивали работников ГАИ, ни один из них не смог ответить вразумительно, кто конкретно пропусти машину на площадь, в центре которой высится здание кабинета министров. Ссылались на то, что внешне машина ничем не вызвала подозрений, хотя и старая, но вполне опрятная, чистенькая. Не превышая скорости, машина въехала на площадь, подкатила к зданию кабинета министров и тут, ткнувшись передним бампером о бордюр, заглохла. Понятное дело, такого безобразия никто допустить не мог – в здании через несколько минут должно было начаться заседание всего руководства республики, с минуты на минуту ждали Президента – и к застрявшей «волге» со всех сторон устремились работники милиции. Первый подоспевший гаишник с криками «Уезжай, уезжай!» уже был возле машины, когда со стороны улицы, параллельной площади, раздался оглушительный взрыв. Немолодому офицеру за годы своей службы довелось повидать всякого, но от этого зрелища он оцепенел в полном смысле слова: высоко над трамвайными проводами, даже не задев их, взлетел белый автомобиль, зависнув на мгновение в воздухе, машина, как ему показалось, плавно начала снижаться и только после ее соприкосновения с землей раздался взрыв, от которого во всех окрестных зданиях разлетелись стекла.

Тем временем президентский кортеж, с обычной для него крейсерской скоростью в 130 километров, мчался в направ-

лении к площади. Ожила рация и в наушнике начальника охраны забился срывающийся в крик голос офицера милиции: «Где вы, где вы? На площадь не въезжайте. Как поняли меня? На площадь не въезжайте! У нас тут взрывы... И стреляют!».

Стрелял водитель «волги». Когда милиционер рванул на себя дверцу машины, досадуя на неповоротливого парня, тот вылез и в руке у него, небрежно прикрытый какой-то то ли тряпкой, то ли кофтой, оказался автомат. Он полоснул очередью и спиной стал отступать. От шальных, беспорядочно пущенных пуль падали люди, но в тот момент этого почти никто не замечал – раздался грохот, это взорвалась начиненная смертоносным грузом застрявшая у здания кабинета министров «волга».

Поначалу изменив маршрут, президент Узбекистана все же приехал на площадь. Он еще разглядывал воронку от первого взрыва, когда рвануло вновь. Через несколько минут по рации сообщили, что в непосредственной близости от высоченной телевизионной вышки, у здания Национального банка тоже взорвалась машина, начиненная взрывчаткой. Есть жертвы. Прошло еще немного времени и взрыв прозвучал в районе аэропорта...

Едва переступив порог номера, Закир поспешил включить телевизор. Турецкий государственный канал как раз передавал официальное сообщение, в котором говорилось, что в Ташкенте неизвестными лицами был осуществлен терро-

ристический акт, ответственность за который пока не взяла на себя ни одна из террористических организаций. Было произведено пять взрывов, в результате которых повреждены общественные и жилые здания. По предварительным данным тринадцать человек погибли, более ста получили ранения разной степени тяжести. Существует несколько версий по поводу того, кто и с какой целью совершил это злодеяние в столице Узбекистана. Однако наиболее правдоподобной и реальной выглядит версия о том, что теракт совершили религиозные экстремисты с целью уничтожения Президента Узбекистана и высшего руководства государства, захвата и свержения конституционного строя.

Выждав с неделю, Закиру без особого труда удалось установить связь с Конбулатом. И эта легкость разведчику не понравилась. «Министр» либо не понимает всей грозящей ему опасности, либо за этим кроется тщательно продуманная провокация. И все же он решил рискнуть, встреча была необходима. Сменив за сутки три явочных места, Закир все же отправился на встречу. Ничего существенно важного Конбулат ему не сообщил. Он только сказал, что последнее время от него многое скрывали и ему известно лишь то, что взрывы наспех приурачили к совещанию, которое проводилось в Ташкенте. Данные о совещании и уровне его участников получили от завербованного майора, ведающего правительственной спецсвязью. Дата совещания несколько раз менялась, а потом его решили провести на неделю раньше, чем

планировалось. И хотя подготовка была еще не закончена, Юлдаш считал, что такой возможности, когда в одном зале соберется все высшее руководство страны, упускать нельзя, а надо разом покончить со всеми. Сейчас же, когда захват провалился, все попрятались по своим норам, бросив его, Конбулата, одного.

Больше всего Закиру хотелось сейчас схватить эту тонкую шею и попросту придушить подонка, но он сдержался и внешне спокойно, даже с нотками участливости, сказал:

– Да, тебе угрожает серьезная опасность. Но я сумею тебя спрятать. Квартира для тебя уже приготовлена. Нужно только выждать какое-то время, постарайся лишний раз не появляться на улице и обязательно измени, насколько сумеешь, внешность. Кое что для этого в приготовленной квартире я оставил. Кстати, оружие у тебя есть?

– Только пистолет, да немного патронов. Есть гранаты, но они припрятаны в надежном месте и мне сейчас туда не добраться, слишком рискованно.

– Надеюсь, гранаты не понадобятся. Выждешь какое-то время, а потом все равно нужно будет тихо исчезнуть в другую страну. Я буду рядом и дам тебе знать, как действовать дальше.

Он проводил «Министра» в отведенную для него квартиру, сказал, что условный знак появится на противоположной стороне улицы и оставил Конбулата одного. Закиру было известно, что того уже разыскивает не только турецкая поли-

ция, но и прибывшие из Узбекистана оперативники. Навести их на след террориста особого труда не представляло. Закиру пора было уезжать из Турции, но он не мог покинуть эту страну, не убедившись, что дело доведут до конца. То ли повышенная осторожность и предусмотрительность, то ли просто животный страх за собственную шкуру заставили Конбулата затаиться так, что несколько суток ему удалось не подавать никаких признаков своего нахождения в квартире. Полицейские уже начали сомневаться, что получили достоверную информацию о месте нахождения террориста. Но на пятый день едва заметно шевельнулась оконная занавеска – это Конбулат, на что, собственно, и рассчитывал Закир, решил проверить, не появился ли на другой стороне улицы условный знак. Через несколько минут в квартиру через замочную скважину запустили слезоточивый газ, а вскоре оттуда выволокли скрученного, уже в наручниках, Аскара Абдурасулова, Конбулата, неудавшегося министра иностранных дел несостоявшегося исламского правительства.

Х Х

Х

Марк поначалу даже не узнал своего агента. И дело было даже не в том, что Закир сильно изменился внешне, поседел, стал сутулиться. Тут уж ничего не поделаешь, годы брали свое. Но перед ним сидел явно надломленный чело-

век. Так выглядят люди, недавно потерявшие близких. Волк односложно отвечал на вопросы, но Марк не форсировал события. Достаточно опытный психолог, он понимал, что ему надо докопаться до истины. И только когда Волк с горечью обронил «в том, что в Ташкенте погибли люди, виноват я», Марк понял истинную причину его состояния. Он умело ушел от продолжения разговора, заговорил о ничего не значащих пустяках, потом, сославшись на занятость, перенес встречу на другой день.

С моря дул холодный февральский ветер, даже не берегу он пробирал до самых костей и они укрылись в пустом по зимнему времени прибрежном ресторанчике. Здесь было тепло, а запах только что испеченного хлеба делал небольшой зальчик по-домашнему уютным. «Может быть, выпьем горячего вина с корицей, согреемся», предложил Марк. Волк покачал головой: «Я бы лучше выпил водки».

– Ты же терпеть не можешь водку, – поразился Марк.

– Не могу, – согласил Волк. – А сейчас бы выпил. – Впрочем, давай закажем вина. Русской водки здесь наверняка нет, да и не стоит, пожалуй, внимание привлекать.

Степенный хозяин заведения подал еду, не спеша расставил тарелки, снял с подноса горячие стаканы с пурпурно красным вином и, пожелав гостям хорошего отдыха, удалился в дальний угол зала, где, припав к экрану телевизора, видно, забыл обо всем на свете, увлеченный трансляцией футбольного матча.

– Задачи предотвращения теракта в Ташкенте перед тобой никто не ставил. В свое время ты добыл чрезвычайно важные данные о подготовке теракта, на этом твоя миссия была закончена и тебе поручили куда более ответственное дело, – заявил Марк без обиняков.

– Не в этом дело, – поморщился Волк. – Я знал, что трагедия в Узбекистане может произойти со дня на день, но ничего не сделал для того, чтобы наладить связь и передать имеющуюся у меня информацию.

– А у тебя и права такого не было – самостоятельно искать связь, – строго заметил Марк и, не давая агенту возможности для возражений, тут же добавил. – Послушай меня внимательно. Мы располагаем довольно достоверными сведениями, что узбекским спецслужбам все-таки удалось внедрить в среду террористов своего человека, так что информация о готовящемся заговоре поступала. Другое дело, как ею сумели распорядиться... В подготовке теракта была масса технических сбоев, организационных неурядиц и всякой прочей наносной дряни. Безумно жалко погибших, что и говорить. Но если учесть, что основной целью террористов было физическое уничтожение президента и членов узбекского правительства, то акцию с полным основанием следует признать провалившейся.

– Послушай, дорогой мой, тебе совершенно не в чем себя упрекать. Ты сегодня единственный, кто сумел приблизиться к Бин Ладену, войти к нему в доверие. Ты один де-

лаешь то, что не под силу сотням. Неужели ты не понимаешь, что твоя информация бесценна. Так во всяком случае расценивает Центр. И твоей главной задачей по-прежнему остается террорист номер один, – убеждал куратор. – Отвлечись от своих самокопаний и слушай внимательно. Аналитики, и не только наши, считают, что Усама затевает нечто столь грандиозное, что должно всколыхнуть весь мир. Он даже делал попытки получить в некоторых странах компоненты для атомной бомбы, но хоть это у него не вышло. И все же он что-то затеял. И если ты не поймешь и не узнаешь, что именно, то, значит, этого не сможет сделать никто. – Он с силой потряс Волка за плечи и добавил, похоже, вовсе не иронизируя, а вполне серьезно. – На тебя с надеждой смотрит весь мир. Так что соберись. Ты и без того задержался здесь сверх положенного. Легенду мы тебе, конечно, сочинили, объясниться сумеешь. И все же – пора возвращаться.

Х Х

Х

Закир уже не раз замечал, что после каждой дальней поездки ему заново приходится проходить «фильтрацию» проверки. Так случилось и теперь, после возвращения из Турции. Но на сей раз проверка явно затянулась. Ему сообщили, что лагерь Бин Ладена вновь переезжает, точного места пока не определено и мулле предложили временно по-

селиться в одном из селений под Кандагаром. Без особого труда он определил, что каждый его шаг контролируется, хотя скрывать ему было нечего – мулла вел исключительно благообразный образ жизни. Рано поднимался, после утренней молитвы, перед завтраком, совершал прогулку, сочетая ее с гимнастикой, часами беседовал с местными жителями, увлекся резьбой по дереву. Его трости с затейливыми набалдашниками, вырезанные из крепчайших суковатых веток, вызывали восхищение, и он охотно дарил их старикам. Томительно тянулись неделя за неделей, казалось, все о нем забыли. Но как-то под вечер в поселок стремительно въехали несколько «джипов» и, оставив охрану у входа, в его хибарку зашли двое – Усама Бин Ладен и его неизменный спутник Шамс-ад-Дин.

Усама выглядел утомленным, был угрюм и неразговорчив. Мулла учтиво справился о его самочувствии и гость невнятно пробурчал, что в дороге его прихватил сердечный приступ и он бы хотел передохнуть. Закир поспешил подвинуть к нему еще несколько подушек, удивляясь про себя услышанному – никогда прежде Усама на сердце не жаловался. Шамс-ад-Дин, напротив, был энергичен и напорист, как-то нервозно разговорчив. Но мулла не столько вслушивался в его слова, сколько наблюдал за реакциями. И вот какую странную деталь подметил. Обычно в присутствии шейха Шамс, если что и говорил, то непременно поглядывал на Усаму, словно ожидая от него поддержки и одобрения сво-

им словам. Сейчас же он сосредоточил все свое внимание на Закире, а на сидевшего рядом с ним Бин Ладена ни разу даже не взглянул, словно того и не было рядом. «Неужели опять двойник? – мелькнула у разведчика мысль. Ну что ж, этот, по крайней мере, пока молчит, выглядит точной копией шейха. И тут «дублер» совершил поступок, который враз развеял все сомнения Закира. Двойник потянулся к стоявшему чуть поодаль чайнику и сам наполнил пиалу. В подобной ситуации Усаме достаточно было бросить взгляд либо на хозяина дома, либо на своего помощника и один из них тотчас бы поспешил выполнить желание высокопоставленного гостя. Да, промах был слишком очевиден, чтобы не обращать на него внимания. Шамс-ад-Дин, естественно, отреагировал мгновенно и, хотя он ничего не произнес вслух, взгляд его, обращенный к Закиру, был слишком красноречив. Проговорив ни о чем около часа, гости распрощались и уехали, так и не объяснив цели своего визита.

Оставшись один, Закир глубоко задумался. Понятно, что столь долгий путь эти люди проделали неспроста. Но для чего им понадобилась эта встреча? Ответа у него не было, да и быть в тот момент не могло. Разведчик не мог знать, что незадолго до этого у Шамс-ад-Дина состоялся весьма неприятный разговор со своим боссом. Бин Ладен был чрезвычайно раздражен, если не сказать взбешен, полным провалом акции узбекских экстремистов по захвату власти и уничтожению президента Узбекистана. И свое раздражение он, в

силу своего вздорного характера, перенес на муллу Закира. Усама упрекал Шамса в том, что его ставленник не смог как следует проконтролировать и направить в нужное русло действия террористов. Помощник же счел за благо не напоминать шейху, что это именно он отправил муллу в Стамбул тогда, когда изменить что-либо уже просто было невозможно. Шамс-ад-Дин искусно изображал раскаяние, чем еще больше распалаял гнев Бин Ладена. Как всегда, внезапно успокоившись, Бин Ладен заявил, что больше не желает видеть муллу в своем окружении и велел Шамс-ад-Дину использовать его только для отдельных поручений. Никаких особых заданий у Шамса пока не было, а к мулле он заехал лишь для того, чтобы тот имел возможность увидеть очередного подготовленного двойника. Зная проницательность Закира, «визирь» лидера «Аль-Кайды» хотел лишний раз проверить, насколько удался ему очередной маскарад. Идею с двойниками Шамс-ад-Дин причислял к своим личным достижениям. Расчет его строился на том, чтобы множество двойников запутали след, который может привести к Бин Ладену тех, кто стремится его захватить либо уничтожить. По замыслу Шамс-ад-Дину следовало подготовить такое количество двойников, которые могли находиться во всех тех провинциях Афганистана, где у Бин Ладена были свои лагеря и лаборатории. Шамс-ад-Дин понимал, что невозможно найти такое количество людей, которые за короткое время смогут перенять манеры, характерные привычки Усамы и потому, подыски-

вая кандидатов в дублеры, руководствовался прежде всего принципом хотя бы отдаленного сходства. Остальное доделывал грим.

Убедившись, что и в этот раз мулла, хотя и раскусил двойника, но на это ему понадобилось значительное время. Шамс-ад-Дин был доволен: внешнего сходства он добился, а большего и не требовалось. Потому и поспешил покинуть дом муллы, решив, что с деловыми разговорами спешить некуда.

Даже не зная истинной причины своей изоляции, Закир все же понял, что его, в лучшем случае, задвинули в глубокий резерв. Ни Шамс-ад-Дин, ни кто-либо из других приближенных Бин Ладена в его доме больше не появлялись, но красноречивее всего было то обстоятельство, что слежка за ним прекратилась. А это лучше всего другого свидетельствовало о пропавшем к нему и его делам интересе. Мулла спокойно передвигался по стране, несколько раз ему удалось встретиться с Инженером, но и в той единственной шифровке, которую он получил из Центра, никаких конкретных заданий не последовало. У него все устойчивее создавалось впечатление, что он оказался в некоем вакууме.

Привыкший за долгие годы к активным действиям, Закир решил прежде всего еще раз проанализировать ситуацию, для того, чтобы принять окончательное решение. Объективно оценивая все, что происходило с ним за то время, когда ему удалось внедриться в ближайшее окружение Бин Ладе-

на, он пришел к выводу, что все его действия были подчинены прежде всего осуществлению политических решений. Его тщательно ограждали от проявления какой-либо иной активности, настойчиво, а если требовалось, и в категоричной форме запрещая принимать участие в проведении боевых операций, ограничивая задачу лишь сбором информации. Конечно, и

это было чрезвычайно важно, безусловно, важнее всего остального. Добытая им информация в Центре не то что высоко ценилась, она причислялась порой к разряду бесценных, ибо ни одному разведчику, кроме Волка, еще не удавалось так близко проникнуть в окружение террориста номер один. Но, не всегда видя, к каким конечным результатам приводит добытая им информация, Закир мучался от сознания того, что не всегда может проявлять еще большую активность. Ему хотелось действовать, и действовать активно.

Конечно, разведчик не мог не знать о так называемом принципе двойных стандартов и теперь, как никогда раньше, ясно понимал, что если бы в свое время с «Аль-Кайдой» и ее лидером действительно хотели покончить, то не позволили бы этим террористическим метастазам распространиться на весь мировой организм. Неизвестно, какое конкретное для себя решение принял бы в итоге разведчик, не произошли событие, потрясшее всю планету.

11 сентября 2001 года террористы захватили в воздухе четыре пассажирских самолета. Один из них разбился в Пен-

силывании, три других были направлены на здания Всемирного торгового центра и Пентагона. Оба небоскреба-«близнеца», прилегающие к ним здания и одно крыло Пентагона были разрушены. Погибло около трех тысяч человек. В операции по расследованию беспрецедентного теракта участвовали свыше семи тысяч сотрудников спецслужб разных стран мира. Высокопоставленный представитель Федерального бюро расследований США заявил, что доказательства причастности «Аль-Кайды» к взрывам являются ясными и неоспоримыми. Правительство США решило, что всю ответственность за гибель людей несет «Аль-Кайда» и ее лидер Усама Бин Ладен.

В тот день, когда Закир рассматривал в Интернете обнаруженные ФБР фотографии девятнадцати причастных к теракту убийц, он принял для себя бесповоротное решение. Он знал, что это решение не только не одобрит его руководство, напротив, оно приведет, вероятнее всего, к самым отрицательным для него последствиям. И все же, мысленно объявляя террористам свою личную войну, он не мог поступить иначе. Да и не хотел.

«Быть может, я немного успею сделать, рассуждал разведчик. Но то, что успею, нанесет ощутимый удар по террористам и их руководящей верхушке». Лишь одно беспокоило Закира – он по-прежнему был одиночкой, а один, как известно, в поле не воин. Но когда он задумался над этим, то с решительной ожесточенностью сам себя опроверг: «и один

В поле – воин».

Глава десятая

И один в поле – воин

История убийства Черного араба облетела весь мир. Официальная версия звучала так. Сотрудники ФСБ России перехватили письмо, отправленное Хаттабу в Саудовскую Аравию. Письмо было отравлено сильнейшим ядом, вскрывший его Хаттаб умер почти мгновенно, еще десять человек, прикасавшиеся к отравленному листку, скончались через несколько дней. Именно устранение таким способом Хаттаба навело Закира на некоторые мысли.

– Какой яд сегодня считается самым сильным? – спросил Закир Инженера во время их очередной встречи.

– Ригин, – ответил тот, не задумываясь. – В изготовлении прост необычайно, нужно лишь получить жмых из касторового масла. Смертельная доза ригина в сотню раз меньше, чем даже цианистого калия, а противоядия пока не найдено.

– Раздобыть ригин сможешь?

Инженер долго, изучающее, смотрел на Закира, потом ответил: «Раздобыть не проблема. Только что ты собираешься с ним делать, Бин Ладена угощать, или своего «друга» Шамсад-Дина?»

Закир не знал, до какой степени он может доверять связанному, но и справиться с задуманным без помощи он бы тоже

не смог. Конечно, сразу всех своих карт он не открыл, но в общих чертах посвятил его в свой план. И тут произошло то, на что разведчик и рассчитывать-то не мог. Инженер схватил его за руку и горячо зашептал, хотя вокруг них не было ни души:

– Ну, наконец-то! Мне надоело подслушивать, да подглядывать. Я каждого из этих гадов собственными руками придушить готов, а мне твердят одно: «Ни во что не вмешавайся, твое дело получать и передавать информацию». Ни в чем не повинных людей взрывают по всему белу свету, а мы, вроде, стоим в сторонке и только наблюдаем, да фиксируем, сколько еще погибнет. Так что, значит вместе? – выдохнул он.

У Закира словно непосильная тяжесть с плеч упала. «Вместе, друг, вместе», заверил он. Первым делом они решили собрать небольшую, но очень мобильную группу. Часто бывая в самых разных провинциях Афганистана, разведчик наметанным глазом определял тех русских солдат и офицеров, что остались здесь после войны, приняв ислам. Разные, и в то же время очень схожие, были судьбы этих людей. Как правило, они в свое время попали в плен, потом их, чаще всего, заставляли, под угрозой смерти, убить кого-то из своих же, после чего они принимали ислам. Пути назад у этих людей уже не было. Они воевали под знаменами муджахиддинов и талибов. Постепенно спиваясь, или одурманивая себя наркотиками, проклинали судьбу, случаи самоубийства сре-

ди них были нередки.

Услышав, что именно среди таких людей Закир хочет найти помощников, Инженер с сомнением покачал головой? «Как можно им доверять? Они же все психически надломлены, какие из них бойцы?». Закир не согласился: все, да не все, кто-то наверняка захочет сразиться с теми, кто лишил их человеческого облика, изломал, искорежил всю жизнь. Надо только подход найти, достучаться до души. Инженер вынужден был согласиться и даже изъявил готовность кое с кем переговорить. На том и остановились. Но для начала решили осуществить акцию, с которой вполне могли справиться всего несколько человек.

Х Х

Х

Этот лагерь был разбит в узкой лощине труднодоступного горного массива Гяндукуш. Добраться сюда было чрезвычайно трудно, со всех сторон лагерь окружали бурные горные реки, недавно сооруженная небольшая плотина охранялась многочисленными боевиками, вооруженными таким образом, что они смогли бы противостоять довольно крупному воинскому подразделению. Количество курсантов было обычным – около ста пятидесяти человек, в основном, головорезы из Палестины, Йемена, некоторых, до сих пор воюющих, африканских стран. Значительную часть территории, огороженную глухим забором и даже более тщательно охра-

няемую, занимали приземистые строения, где размещались «фармакологические лаборатории», производящие денно и ночью героин. Самую труднодоступную из вершин, возвышающуюся над лагерем местные жители называли «Медведь-гора». Огромная скала, венчавшая вершину и впрямь, при некоторой доле воображения, напоминала приготовившегося к прыжку гигантского медведя. О «Медведь-горе» здесь ходили множественные устрашающие легенды, суть которых сводилась к тому, что каждый, кто осмелится подняться на эту гору, будет проклят и жизнь закончит в страшных мучениях.

Длительное наблюдение за лагерем показало, что именно здесь находится пристанище человека, внешне ничем не отличимого от Бин Ладена. Закир почти не сомневался, что это один из двойников, так как в его сопровождении почти никогда не было людей из близкого окружения шейха, обычно сопровождавших его в поездках. А если кто и приезжал, то оставался в лагере не надолго. Первым делом оба разведика все же взобрались к подножию «Медведь-горы». И хотя у каждого за плечами было не одно восхождение, да и долгая жизнь в стране, окруженной горами, тоже чего-то стоила, но покорение этой вершины далось им с величайшим трудом. Затем они обследовали всю горную трассу, вдоль которой им предстояло заложить взрывчатку. Технические расчеты Закир и Инженер производили долго и тщательно, а со взрывчаткой помог новый член их пока еще совсем неболь-

шой группы – Кямал. У этого, седого, как лунь, неразговорчивого человека были свои счета с местными боевиками, взрывчатку и оружие он раздобывал методично и последовательно, складировал в потайных местах, о которых не знала ни одна живая душа. Почти три месяца ушло у разведчиков на то, чтобы, в соответствии с разработанной схемой, заложить взрывчатку от подножия «Медведь горы» до плотины, сооруженной у самого лагеря.

Такой лавины даже старожилам окрестных мест не приходилось видеть никогда. Под утро дождливой ночи что-то, отдаленно напоминающее гром, высоко в горах пророкотало. Не прошло и десяти минут, как все смешалось в горном кипении взбесившегося камнепада. Звуки взрывов потонули в нарастающем грохоте разъяренной горной стихии. И вся эта необратимая лавина, вместе с водой из-под рухнувшей плотины, обрушилась на лагерь, погребая под собой все строения, технику и мечущихся в ужасе людей, которые не успели даже осознать, что произошло. Когда стихия утомилась, на месте теперь уже бывшего лагеря образовалось каменное возвышение, словно жуткое природное надгробие. Хоронить было некого, завалы разгрести никому и в голову не пришло.

Именно в тот момент, когда все было закончено, Закиру, неведь почему, вспомнился его первый парашютный прыжок. Маленький самолетик, надсадно ревя моторами, набрал заданную высоту. Инструктор откинул люк, строго оглядел

курсантов и, перебивая вой и свист ветра, прорывающегося в открытый проем, прокричал: «Первый пошел!» И сейчас, глядя с отдаленной вершины вниз, на то место, которое еще несколько часов назад было пристанищем бандитов, разведчик спокойно и твердо, без всяких восклицаний, мысленно произнес: «Первый пошел». Они закурили, даже некурящий Инженер попросил сигарету, и долгое время сидели молча. Трое мужчин, выполнивших трудную работу и теперь позволивших себе небольшой отдых. Надежно припрятав уже начавший чернеть фильтр выкуренной сигареты, Закир поднялся первым и коротко скомандовал: «Расходимся». Инженер, словно бесплотный, в мгновение растворился в утреннем дожде, а Кямал, прощаясь, задержал ладонь командира в своей руке и произнес: «Взрывчатки больше не осталось. Что делать будем?», и, не дожидаясь ответа, двинулся по тропе вниз.

Х Х

Х

...Выпускник десантного военного училища лейтенант Николай Николаев был «направлен для прохождения дальнейшей службы в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане» за полгода до окончания войны. Узнав об этом, мать Коленки зарыдала в голос, отец только хмурился и, бормоча «ну что ты его хоронишь прежде

времени», как мог, успокаивал жену. Поздним вечером, когда в избе все утомонились, Коля вышел к друзьям. «Афганца», как его теперь называла вся деревня, дружки «проводжали» до самого утра. Разгоряченный, он где-то в дороге простудился, но не обратил на нехороший сухой кашель никакого внимания. Когда же добрался, наконец, до Афганистана, то, вместо предписанной ему части, оказался в центральном военном госпитале Кабула с двусторонним воспалением легких. Здесь юный лейтенант и познакомился с медсестрой Наденькой, в которую были поголовно влюблены все обитатели второй терапии.

Надю нельзя было назвать красавицей, но, ладно скромная хохотушка, с копной смоляных волос и всегда сияющими синими глазами, выглядела обворожительно. Закончив медучилище, она завербовалась в Афганистан, объясняя свое решение подружкам по общежитию то ли в шутку, а то ли всерьез: «И денег заработаю, и мужа-офицера привезу». Когда Коля первый раз обратился к ней с какой-то просьбой, назвав ласково-уменьшительно «Надюша», она, нарочито строго, его поправила: «Для кого Надюша, а для кого медицинская сестра Надежда Николаевна Николаева».

– В таком случае разрешите представиться, также официально откликнулся Коля, акцентируя Надино внимание на своей принадлежности к элитному роду войск. – Лейтенант-десантник Николай Николаевич Николаев.

– Вот здорово! – всплеснула руками Надюша, вмиг утрапив всю свою серьезность. – Это, выходит, мы с тобой почти полные тезки. – и лукаво, сама от себя того не ожидая, добавила. – Если выйду за тебя замуж, то и фамилию менять не надо.

Этот диалог услышал и вошедший в палату заведующим Николай Николаевич Касаткин. Подполковник медицинской службы с улыбкой подошел к больному и добродушно пророкотал своим густым басом: «Ну, ну, молодежь, о свадьбе поговорите позже, а сейчас я посмотрю, как дела у нашего будущего молодожена». Касаткин явно симпатизировал своему молодому тезке. Именно его стараниями, под предлогом дальнейшего медицинского контроля, Колю Николаева оставили служить в комендантской роте в Кабуле. Если бы только знал врач, что жалея и оберегая юного лейтенанта от шальной пули, обрек, сам, понятно, того не желая, на страдания и горе.

Встречались молодые не часто, но пару раз в неделю лейтенанту все же удавалось выбраться на свидание к девушке, с которой ему было так удивительно легко и хорошо, и в которую он с каждым разом влюблялся все больше. Надюша жила в так называемом «советском микрорайоне», деля небольшую квартирку на первом этаже, с двумя воронежскими сверстницами – учительницами русского языка, преподававшими в местной школе. Девушки легко и быстро сдружились и, как деликатные подруги, не выходили из своей ком-

наты, когда Коля приходил к Надюше.

Их выкрали в ночь на 28 апреля. Накануне в Афганистане праздновали десятилетие Саурской (апрельской) революции. Коля дежурил в патруле, а для Нади и ее подруг он раздобыл три билета на трибуну стадиона «Олимпик», где в честь юбилея состоялся грандиозный красочный праздник. Вечером майор, начальник патруля, у которого в Союзе был такого же возраста сын, Николай, как считал майор, даже чем-то был похож на его сына, сжалился над влюбленным лейтенантом и отпустил того до 7.00 утра, строго-настрого приказав «быть в форме» и не опаздывать ни на секунду. Весь вечер Надюша и ее подружки наперебой рассказывали ему, сколько коней промчалось через стадион, как лихо рубали ладонями кирпичи и доски десантники, каким красивым был затяжной прыжок парашютистов. А потом, когда они остались одни, Надя, уже в полудреме, бормотала:

– Коль, а Коль, если у нас родится мальчик, давай назовем его Коленькой и он будет Николай Николаевич, как ты, а если девочка, то назовем ее Надей и она станет Надеждой Николаевной, прямо как я...

Они уснули крепким молодым сном, разомлев от любви, выпитого вина и душной афганской ночи. Тем самым сном, каким засыпают все влюбленные, уверенные, что день грядущий принесет им счастья еще больше, чем день минувший. И так, как в раю, где только и положено обитать влюбленным, будет бесконечно...

Но в рай, по воровски бесшумно, вторглись люди в черных одеждах, не потревожив сна, просто походя, придушили подушками спавших в соседней комнате подружек-учительниц, а обнаженным возлюбленным заклеили рты плотным скотчем, запеленали в какое-то тряпье и вытащили из квартиры, не забыв прихватить офицерский мундир и табельное оружие лейтенанта. Очнулись Николай и Надя в глубокой смрадной яме. На них напялили груботканые колючие мешки с прорезями для головы и рук, на дне валялись две пластиковые бутылки с мутноватой водой. По обрывкам веревок, окуркам и засохшим экскрементам Коля понял, что, видно, в яме до них уже держали пленных. Сверху яма не была прикрыта ничем, да в этом и не было необходимости – выбраться отсюда без подручных средств не представлялось ни малейшей возможности. Время от времени вниз заглядывал вооруженный человек, он же, ближе к вечеру, бросил им еще бутылку воды и бумажный кулек, в котором пленные обнаружили несколько необычайно плотных, явно самодельных сигарет и коробок со спичками. Сигареты оказались с гашишем, но наркотик, по крайней мере, хоть немного утолил голод. За пять дней, что их продержали в яме, кроме наркотиков и нескольких засохших кусков лепешки, никакой пищи они не получали. Грязных, обессиленных и одурманенных наркотиком, молодых людей на шестой день извлекли на поверхность. Вокруг них собралось десятка полтора вооруженных людей. Моджахеды, понял Николай. Один из боевиков,

под невообразимый, какой-то лающий хохот собравшихся, заговорил на коверканном русском языке:

– Сейчас вы, прямо здесь, будете любить друг друга. А мы будем смотреть. Если откажитесь, отрежем сначала нос, уши, выколем глаза, потом отрежем головы.

«Я советский офицер. И если вы взяли меня в плен и приговорили к смертной казни, то обязаны застрелить», голос Николая звенел и срывался. Но Надя прикрыла ему ладошкой рот и, заливаясь слезами, со словами «Коленька, жить так хочется», стала стаскивать с себя мешок. Ее схватили тотчас, утащили за бархан и оттуда раздались крики, от которых у Николая все внутри заледенело. Несколько афганцев тотчас схватили его так, что он даже шелохнуться не мог, как ни патался. Он молился только об одном – получить разрыв сердца, быть застреленным или даже зарезанным, умереть тотчас, лишь бы не слышать этих криков, не понимать того ужаса, что совершается здесь и сейчас. Но даже сознания он и то не потерял. Не дала ему судьба такого облегчения. Но волосы его из светло-каштановых в одно мгновение превратились в мертвенно-седые.

Пробыв в плену около двух лет, русский Коля получил имя Кямал, принял ислам и в качестве инструктора стал обучать рукопашному бою талибов. Он полагал, что на родину ему возврата нет, но за Наденьку и свою загубленную жизнь решил мстить, как он сам себе поклялся, до последнего вздоха. Боевиков, не разбирая, за что и за кого они сражаются,

при каждом удобном случае он убивал хладнокровно и безжалостно.

Как-то раз ему припомнился виденный еще в детстве фильм о войне. Там механик, после каждого успешного боя, рисовал на фюзеляже советского истребителя красные звезды – по количеству сбитых фашистских самолетов. Рисовать красные звезды Николаю было не на чем, да и небезопасно, и тогда Кямал завел себе четки, нанизывая, как итог каждой «ликвидации», на прочную нитку по новому камешку. После взрыва бинладеновского лагеря боевиков у Кямала появились новые четки – добавить к старым сразу пару сотен, а то и больше, камешков было нереально.

Х Х

Х

Уже через год боевым списком группы Закира, куда входило уже двенадцать человек, могло бы гордиться целое диверсионное подразделение бойцов регулярной армии. В списке значились и три уничтоженных двойника Бин Ладена.

В самом начале своей новой деятельности командир группы понял, как остро нуждаются они в элементарных денежных средствах. Нужны были взрывчатка и оружие, автомашины, в том числе грузовые, и средства связи. Машины еще можно было угнать. В стране, где по-прежнему царил хаос, это не представляло особого труда. А вот раздобыть оружие

и особенно большое количество взрывчатки, не наведя на собственный след, становилось все труднее и труднее. Кямал предложил самый простой вариант – захватить одну из лабораторий и продать перекупщикам героин. Но Закир сразу же отверг это предложение. Впрочем, как в итоге решил командир, Кямал навел его на неплохую, кажется, мысль.

– Надо разузнать, где хранятся деньги, выручаемые за героин, – поделился разведчик с Инженером, ставшим его помощником и самым доверенным в отряде человеком. – Понятно, что большие суммы потом передаются по назначению. Но какие-то средства, вырученные сразу после реализации, наверняка где-то хранятся.

Инженер обещал все обмозговать и, по возможности, разузнать. Вскоре он доложил, что такое место обнаружить удалось, но находится оно в одном из лагерей, захват которого был группе не под силу. «Если только снова лавину устроить, размышлял Инженер. Но тогда повторный горный обвал может вызвать подозрения своей схожестью, да как к тому же рассчитать силу камнепада. Ведь если лагерь будет погребен, как в прошлый раз, то оттуда уже точно ничего не извлечешь». Неожиданно «выручил» их... Шамс-ад-Дин. Он изредка встречался с муллой, но, похоже, делал это лишь для того, чтобы не потерять его окончательно из виду. Просьбы, с которыми Шамс обращался к Закиру, были настолько несущественными, что не оставляло сомнений – это всего лишь имитация. Такое положение Закира вполне устраивало. От-

сутствие контроля обеспечивало ему свободу собственных действий. К тому же при встречах с Шамс-ад-Дином мулла непритворно изображал человека, глубоко оскорбленного несправедливыми подозрениями.

Но на этот раз, приехав к Закиру, Шамс, первым делом заварив свой знаменитый чай, напрямик заявил, что нуждается в мудром совете, но не только в совете, а и в помощи муллы. Шамс-ад-Дин поделился, что после долгих размышлений пришел к выводу: кто-то целенаправленно охотится за подготовленными лично им двойниками шейха. По его разумению это могли сделать только завистники из их собственного окружения, которым близость Шамс-ад-Дина к лидеру «Аль-Кайды» давно уже не давала покоя. «Предают, как известно, только свои», глубокомысленно изрек он.

– Я бы не спешил искать предателя в вашем окружении. Хотя, как версию, и эту исключать нельзя. Но мне сейчас совсем иная мысль пришла в голову. А что если двойников уничтожают те самые наши внешние враги, которые охотятся на самого шейха. А его «дублеры» погибают именно потому, что вам удалось добиться их максимальной внешней идентичности с Бин Ладеном. В таком случае вам следует не огорчаться, а по праву гордиться – ваша затея сработала как нельзя лучше, – высказал соображение мулла.

– Н-да, об этом я как-то не подумал, – признался гость.

– А напрасно, – пожурил мулла. – Давайте примем теперь не ваше, а мое предположение за рабочую версию и рассмот-

рим ее всесторонне. Если вас, конечно, это не обидит.

Шамс-ад-Дин бурно запротестовал и Закир продолжал развивать свою мысль: «Итак, мы предположили, что, охотясь на Бин Ладена спецслужбы разных стран, США, Израиля, возможно Англии, сумели завербовать кого-то из наших людей, кто нацелен на информацию о месте пребывания шейха. Эти люди не могут находиться в вашем близком окружении, иначе вы бы, со своей проницательностью, их давно раскусили. – Закир умышленно льстил Шамсу, чтобы не просто навязать ему свои мысли, а как бы сделать полноценным соавтором экспромтом возникшей комбинации. – Стало быть, они используют только наружное наблюдение. Уследить за несколькими лагерями одновременно ни один из них не в состоянии, для этого необходима хорошо отлаженная и скоординированная разведывательная сеть, а на них могут работать только разрозненные информаторы. Каждый такой информатор фиксирует появление мнимого Бин Ладена только на том объекте, за которым ведет наблюдение. Он сообщает координаты, вслед за этим следует атака, в результате которой погибает один двойник, затем второй... Сколько, кстати, погибло?»

– Уже трое, – откликнулся Шамс-ад-Дин. – Но я вас умоляю, мулла, продолжайте, продолжайте, не отвлекайтесь на пустяки! То, что вы сейчас говорите, настолько неожиданно и интересно, что я просто потрясен. У меня, признаюсь, голова кругом идет...

– Да я, собственно, уже все сказал. Если наши с вами предположения верны, – он опять объединил себя с посланником Усама, – то нам, возможно, есть прямой смысл помочь нашим врагам,

– Как это, для чего, с какой стати мы должны им помогать? – заволновался Шамс-ад-Дин.

«Стоит рискнуть и начать большую игру», решил про себя разведчик. Изучив за долгие годы характер Шамс-ад-Дина, он понял в этом человеке главное. Тот служит не идее, ни Аллаху даже, он служит одному конкретному человеку. И этот человек Усама Бин Ладен. С ним связывает Шамс-ад-Дин собственную карьеру, благополучие, всю свою жизнь и ради него он готов пойти на все.

– Я объясню, с какой стати мы должны помогать нашим врагам, – твердо заявил Закир. – Шейх Усама Бин Ладен не просто лидер самой могущественной исламской организации. Он знамя и олицетворение нашей борьбы с неверными всего мира. И наша главная задача сохранить это знамя. Надо поменьше конспирировать передвижение двойников из лагеря в лагерь и облегчить тем самым задачу информаторов иностранных разведок. Пусть гоняются за двойниками, даже уничтожают их, ничего страшного. Думаю, – разведчик усмехнулся, – вам не составит особого труда «наштопать» еще с десятков таких же подставных манекенов.

– Но ведь атакуя лагеря подготовки боевиков, неверные уничтожат вместе с двойниками десятки, а то и сотни наших

людей, которых, выходит, мы сами подставим под удар и обречем на гибель.

– Да, действительно, будут, возможно, и сотни погибших, – Закир постарался придать своей интонации как можно больше цинизма. – Кого вы жалеете? И с кем их сравниваете? Не забывайте, что на другой чаше весов – жизнь самого шейха Бин Ладена. Да если на то пошло, погибнуть за дело ислама в борьбе с неверными – священный долг каждого мусульманина.

– Вы, конечно, правы, – пробормотал враз сникший Шамс-ад-Дин. – Но все это так неожиданно. Я должен подумать.

Гость наспех простился с хозяином и уехал, позабыв даже свой знаменитый бархатный мешочек с чаем, что свидетельствовало о крайней степени его взволнованности.

Закиру было о чем подумать. Конечно, разведчик рисковал, навязывая одному из самых близких людей Бин Ладена столь рискованную затею. Но так ли велик риск на самом деле? Допустим, Шамс-ад-Дин передаст весь разговор Усаме и тот заподозрит неладное. В таком случае он, Закир, всегда сможет объяснить свое решение исключительной заботой о Бин Ладене. А вот если Шамс-ад-Дин в итоге проникнется его идеей, то наверняка выдаст ее шейху, как свою собственную, дабы еще больше возвыситься в глазах своего покровителя.

Не прошло и недели, как муллу доставили в очередную

резиденцию лидера «Аль-Кайды». Усама не считал нужным объяснять причину долгого отлучения муллы, а сразу перешел к делу.

– Моему другу и верному помощнику пришла в голову блестящая идея, – говорил своим обычным тихим размеренным голосом Усама, указывая на Шамс-ад-Дина. – Скажу лишь одно, я лично заинтересован в осуществлении этой идеи, а в подробности он посвятит вас сам. Шамс-ад-Дин считает, что для осуществления этого непростого плана, ему необходим такой помощник, как вы, уважаемый мулла. Я одобряю его выбор. Да поможет вам Аллах!

Шамс-ад-Дин испытывал явную неловкость, когда они остались с Закиром наедине, и стал бормотать что-то несвязное по поводу того, что присвоил идею муллы себе единолично. Но Закир прервал эти излияния, заявив, что едло, которое они намерены осуществить намного важнее личных амбиций. Успокоенный Шамс, вздохнул с облегчением и предпочел немедленно перейти к обсуждению деталей «грандиозного плана», как он теперь стал его называть. «Предлагаю назвать Ашу операцию – «Бумеранг», напыщенно произнес Шамс-ад-Дин, и пояснил. Оружие, направленное против шейха, как бумеранг, вернется к нашим врагам». Закиру было не до названий и он легко согласился, не забыв поощрить Шамса комплиментом по поводу его прозорливости.

Когда Закир рассказал обо всем Инженеру и попросил его

срочно передать это донесение в Центр, тот несколько даже опешил. «Это что же, выходит, что теперь Шамс-ад-Дин сам будет выполнять за нас нашу работу и уничтожать лагерь боевой подготовки? Да, такое могло прийти в голову только тебе».

– Не беспокойся, мой друг, мы без дела не останемся и себе найдем занятие по душе, – весело рассмеялся Закир.

Через несколько дней Инженер передал разведчику шифровку Центра, в которой было сказано, что сообщение агента Волка доведено до сведения высшего руководства страны, которое благодарит его за верность долгу.

Х Х

Х

В те дни, когда представители западных стран делали в средствах массовой информации официальные заявления об успешном уничтожении того или иного лагеря боевиков Бин Ладена, Шамс-ад-Дин взял за правило приезжать к «своему уважаемому учителю», как он теперь неизменно называл муллу Закира. Тот, позабытый некогда мешочек с чаем, он оставил у муллы, периодически его пополняя и называя не иначе, как своим счастливым талисманом. В дом к Закиру он обычно приезжал в сопровождении охранников, которые следом вносили подносы с изысканным угощением. Шамс-ад-Дин отмечал теперь каждую успешную атаку на лагерь,

как свой личный успех. Он и не вспоминал даже, как некогда терзался сомнениями по поводу гибели курсантов-террористов. Подготовка все новых и новых «бин ладенов», которыми он наводнил чуть не все провинции Афганистана, превратилась для него в непреодолимый азарт, своего рода увлечение, которому он отдавался всей душой. И никому, за исключением разве что всего нескольких человек, не было ведомо, что это воплощается в грозное возмездие дерзкая идея одного-единственного разведчика, чье нахождение во вражеском логове исчислялось уже чуть ли не тремя десятками лет.

А Закир, участвуя в этих веселых пирушках, лестью и похвалами стимулируя Шамс-ад-Дина на новые «подвиги», думал, кому первому из окружения Бин Ладена придет в голову мысль, что потери чрезмерно высоки и давно уже не адекватны той цели, ради которой приносятся в жертву люди, техника, да и сама, по большому счету, идея всемирного джихада.

Лишь один человек – Кямал-Коля был недоволен происходящим и Закир это недовольство вскоре заметил.

– Да пойми ты, – увещевал разведчик своего соратника. – Мы с тобой никогда в жизни не смогли бы сделать того, что делают сейчас целые армии. Но уничтожают-то лагеря и самих бандитов только благодаря нашей с тобой работе.

«Эх, едрен корень, кумекал бы ты на русском, сказал бы я тебе по-нашенски, что я думаю», бормотал при встречах

Николай и добавлял при этом пару таких словечек, что Закиру стоило серьезных усилий, чтобы не рассмеяться и не подавать виду, что он все понял. Но даже ему не считал возможным разведчик раскрыться полностью и продемонстрировать свои знания русского языка.

Закир убеждал Николая, что именно теперь они должны все свои усилия направить на главную цель – Усаму Бин Ладлена, Усаму подлинного не подставного. А для этого следовало найти и завербовать людей самых разных – от водителей и поваров, до электронщиков и опытных взрывников. И тогда Кямал вызвался проникнуть в резиденцию шейха сам. Когда Закир исчерпал все аргументы, возражая против этого опасного и плохо продуманного плана, он сказал устало: «Тебя убьют».

– А может, мне только этого и надо, – еле слышно произнес Николай и, не прощаясь, зашагал прочь.

Но Закир не мог пустить все на самотек. Понимая, что самоубийцы самая трудновоспитуемая публика, он тем ни менее доработал и усовершенствовал план Николая и передал свои инструкции через Инженера.

X X

X

Повару Асхабу надоело мыть котлы. Даже не то чтобы надоело, а просто устал. Сам хозяин ел мало, только требовал,

чтобы ему подавали всегда горячую, из глиняной печи – тандыра свежеиспеченную лепешку. А вот свита была настолько прожорлива и капризна в выборе блюд, что старый повар просто с ног сбивался. Раньше хоть курсантов отправляли дежурить на кухню, но последнее время такие дежурства запретили и Асхаб выкручивался, как мог. Хорошо хоть этот Кямал подвернулся. Седой, но, видно, еще совсем не старый, к тому же крепкий и ловкий. С месяц назад он приехал в лагерь вместе с бригадой строителей, которые возводили новую конюшню. Асхабу понадобилось обмазать глиной очаг, который невесть почему вдруг весь пошел трещинами, Кямал справился с этим ловко и быстро. Увидев, как старый повар зашивается на кухне, он однажды, не говоря ни слова, взял несколько котлов и за пару часов, без всяких этих современных порошков и моющих средств, так начистил их песком, что они заблестели, как новенькие. Вечером Асхаб, в благодарность, на славу угостил своего добровольного помощника, а потом они от души побаловались хорошим душистым чаем с горными травами, ведя неторопливую беседу.

С тех пор Кямал стал приходить на кухню каждый вечер и пока Асхаб делал заготовки на следующий день, чистил котлы, надраивая их до блеска, не ленясь раз по десять, а то и больше, спускаться к ручью. Когда же строители закончили работу, повар предложил Кямалу остаться при кухне, на что тот лишь молчаливо кивнул в знак согласия.

Между тем в лагере объявили карантин – среди курсантов началась эпидемия гепатита «С» и вызванные врачи лишь руками разводили, предполагая, что источником инфекции, вероятно, стал кто-то из недавно прибывших йеменцев. Позже о трагических событиях, развернувшихся в лагере Бин Ладена мулле Закиру рассказал Шамс-ад-Дин.

Началось все с того, что шейха скрутила острейшая почечная колика. Привыкший стойко переносить частые приступы боли – здоровье Усамы к тому времени оставляло желать лучшего, он молча, стиснув зубы, скорчившись, катался по ковру, пока подоспевший врач не сделал обезболивающий укол. Через несколько дней Бин Ладен стал жаловаться на боли в печени. Тут уж не на шутку встревожились не только врачи, но и охрана шейха. Сначала предположили, что в ту часть лагеря, где находилась резиденция Усамы, все-таки заходят курсанты, но охрана клялась-божилась, что за все последнее время ни один из курсантов здесь не появлялся. Вот тогда кто-то и обратил внимание на седого новичка, что крутился вокруг кухни. Перепуганный до смерти повар Асхаб признался, что это он сам предложил бывшему строителю Кямалу стать его помощником. Старика закрыли в сарае, а личный телохранитель Бин Ладена, собрав человек двадцать хорошо вооруженных охранников, отправился на кухню. Кямал, издали увидев приближающихся бойцов, повел себя довольно странно. Он обтер руки, выступил вперед и, широко расставив ноги, стал ждать приближения во-

оруженных людей. Когда они были поблизости, он достал из кармана четки и отшвырнул их в сторону. После этого раздался мощнейший взрыв. Пояс шахида, находившийся под одеждой Кямала, был начинен взрывчаткой такой силы, что из всей группы в живых остался лишь один охранник, да и тому оторвало обе ноги.

– Удалось выяснить, кто был этот человек? – уточнил Закир.

– Это было несложно, – ответил Шамс-ад-Дин. – Бывший русский пленный. Обычная история. Принял ислам, какое-то время работал инструктором рукопашного боя, потом перебивался с одной работы на другую. О нем-то самом мы узнали все. Плохо другое – никаких его связей выявить так и не удалось. Конечно, можно предположить, что это был одиночка, но сомнительно. Кто-то же подготовил операцию по его проникновению в лагерь. Дело в том, что в бригаду строителей, которые делали конюшню, он попал в самый последний момент. Но откуда-то он же узнал, что именно эта бригада будет работать в нашем лагере...

– Но, судя по вашему рассказу, на кухне этот человек провел довольно много времени. Как ему удавалось так долго оставаться незамеченными? – усомнился Закир.

– Еще древние говорили, что если хочешь что-то надежно спрятать, положи на видное место, – усмехнулся Шамс. – Никому и в голову не приходило, что на кухне может работать посторонний человек.

– А гепатит среди курсантов?..

– Его рук дело, – подтвердил Шамс-ад-Дин. – Подозреваем, что и почечная колика, и приступы печени у шейха тоже произошли не без его участия. Хотя этот взрыв похоронил все улики.

Закир отправил в Центр шифровку, где, кроме очередных донесений, была просьба передать российскому руководству подробности гибели бывшего лейтенанта-десантника Николая Николаевича Николаева.

Х Х

Х

Усама Бин Ладен пребывал явно в приподнятом состоянии духа. Он, как и несколько лет назад, был откровенен с муллой, вспоминал всякие истории их совместных поездок и с особенным восторгом отозвался о том случае, когда Закир продемонстрировал свое мастерство, взорвав во время практических занятий муляж железнодорожного состава. Прервав воспоминания, Усама обратился к Закиру.

– Сейчас в одном из самых дальних моих лагерей по индивидуальной программе проходит подготовку некий человек, которого я называю Иракез, – говорил шейх. – Я хочу, чтобы вы немедленно отправились в этот лагерь и лично проверили его возможности. Меня интересует все – насколько он овладел мастерством подрывника, как владеет оружием и

даже его готовность к самопожертвованию. Одним словом, я хочу убедиться, готов ли этот человек к выполнению особо важного задания. Я намерен поручить ему сугубо секретное и чрезвычайно ответственное дело, но проблема заключается в том, что у нас почти не остается времени. Он должен приступить к выполнению своей задачи не позднее, чем через две недели.

Лагерь, куда отправился Закир, был не только удаленным, но и самым небольшим из всех, где до сих пор доводилось бывать разведчику. Инструктор взрывного дела, которому Закир передал распоряжение шейха, был явно раздосадован прибытием нежданного проверяющего. «Мне что, больше не доверяют?», вспылил он. Ссориться с ним никак не входило в планы Закира, и потому он стал убеждать инструктора в том, что его миссия сводится исключительно к задаче определить психологическое состояние взрывника, а никак не его боевые качества. Когда инструктор, наконец, успокоился, они выработали совместный план действий.

Иракез оказался человеком средних лет, неприметной внешности, с гладко выбритым лицом. Светлая полоса не успевшей загореть кожи свидетельствовала, что от бороды он избавился совсем недавно, видимо, готовясь к своему особому заданию. Болтливый не в меру, он был явно польщен, что удостоился внимания столь высокой персоны, как личный посланник Бин Ладена. Уже через пару дней Закир знал всю его биографию, как и географию преступлений

этого человека, который за свою недолгую тридцатилетнюю жизнь овладел только одним «мастерством» – убивать людей.

Через неделю мулла докладывал Усаме о своих впечатлениях. Предполагая, что выполняемая им миссия, могла быть и проверочной комбинацией, мулла докладывал предельно объективно: «Профессиональные навыки Иракеза достаточно высоки, но меня смущает другое. Он непроходимо глуп, а болтлив до такой степени, что просто представляет опасность. Для выполнения задания особой важности он не пригоден», резюмировал Закир. И тут Бин Ладен преподнес разведчику поистине бесценный подарок.

После слов муллы, Усама поморщился, как от зубной боли, и раздраженно заявил: «Мы просто не успеем подготовить никого другого, Слишком много потрачено времени, а визит российского лидера в Закавказье планируется через двенадцать дней». Еще беседуя в лагере с болтливым Иракезом, Закир понял, что его, скорее всего, готовят к ликвидации какой-то высокопоставленной особы, но то, что акция будет направлена против президента России, он и предположить не мог. Сообщение в Центр он отправил на следующий же день. В этом сообщении разведчик изъяслял предлагал два варианта: ликвидацию Иракеза и его арест на месте подготовки теракта. Волк также испрашивал разрешения покинуть Афганистан, предвидя свой провал. Ведь если Иракеза арестуют, то подозрения, в первую очередь, падут на него,

ибо Закир был единственным из посторонних, кто перед отправкой подрывника с ним встречался. Да и Бин Ладен, обладавший прекрасной памятью, наверняка вспомнит о своих словах. Центр ответил, что ликвидацию Иракеза считает нецелесообразной, выражал согласие, чтобы Волк покинул Афганистан, но при этом подчеркнул, что операция прикрытия разведчика, совместно со спецслужбами России и той страны, куда должен направиться российский президент, готовится столь тщательно, что реальная опасность агенту вряд ли будет угрожать. В итоге Волку было предложено принять решение в соответствии с реальными обстоятельствами. И Закир решил рискнуть. Он находился у себя дома, когда Шамс-ад-Дин привез ему стопку газет самых разных стран мира. Издания сообщали об аресте Иракеза, во всех подробностях и мельчайших деталях описывая подготовку к теракту. Судя по публикациям, Иракез решил завербовать себе в помощь несколько человек из местного населения. Не сильно заботясь о конспирации, он даже показал те места, где заскладировал взрывчатку. Один из вербуемых оказался бывшим военным, по масштабам подготовки он понял, что дело слишком серьезно и предпочел заявить обо всем властям. Остальное уже было делом техники. На первом же допросе Иракез сознался, что готовил покушение на президента России.

– Шейх в бешенстве? – осторожно поинтересовался Закир.

Шамс лишь отрицательно покачал головой, потом задумчиво произнес: «Ему сейчас не до этого, и вообще не до чего. Усама плох, врачи считают, что нужна срочная операция на почки, но в Афганистане таких специалистов нет.

– Зато есть прекрасные клиники и специалисты в Пакистане, – подсказал мулла.

– Так-то оно так, – возразил Шамс-ад-Дин, но приехать в Пакистан открыто очень рискованно. На пакистанцев уж слишком сильно давят, и в их правительстве достаточно много политиков, которые предпочтут ради собственного спокойствия выдать шейха. Надо что-то придумать. Собственно, в основном, ради этого я к вам и приехал. Надеюсь на ваш, как всегда, мудрый совет...

X X

X

Одного взгляда на Бин Ладена было достаточно, чтобы понять, насколько тяжело он болен. Врач считал, что почечная недостаточность возникла в результате отравления каким-то неизвестным ядом, но свое мнение особенно не афишировал. План, который предложил мулла Закир, после многочисленных уточнений и сомнений, был, в итоге, безоговорочно одобрен всеми помощниками Усамы, прежде, чем осмелились доложить его шейху. Усама колебался недолго, видно понимая, что особого выбора у него нет. В результате было получено и его согласие. Целая группа приступила к

осуществлению задуманного. Предстояло заготовить надежные документы, отработать многочисленные детали, проинструктировать довольно большое количество людей, а главное – обеспечить синхронную слаженность их действий, июо фактор врмени иград в осуществлении плана едва ли не решающую роль.

...«Боинг-737» вылетел из аэропорта Кабула точно по расписанию. Но как только самолет поднялся в небо, в кабину пилотов ворвались вооруженные люди и приказали командиру изменить курс и лететь не в столицу, Исламабад, а приземлиться в Карачи. Командир повиновался. Когда самолет приземлился захватчики, объявили, что все пассажиры рейса, находятся у них в заложниках, потребовали крупную сумму денег и полную дозаправку керосином для дальнейшего полета. Уже через несколько часов после того, как с захватчиками вступили в переговоры, из самолета удалось сбежать всему экипажу. Летчики рассказали, что никто их особо не охранял, да и с пассажирами обходятся вполне гуманно. Все это было более, чем странно. Спустя какое-то время террористы объявили, что как только баки самолета будут заполнены, они готовы отпустить часть пассажиров, преимущественно пожилых людей и детей. Похоже, отсутствие экипажа их ничуть не волновало. Это требование решили удовлетворить и вскоре по трапу спустились двенадцать человек. Один из них заявил местным властям, что он врач, сопровождает больного астмой. В дороге у его пациен-

та случился острый приступ, срочно требуется карета «скорой помощи», чтобы доехать до ближайшей клиники. Задыхающийся старик во время разговора врача с представителями аэропорта сидел в инвалидной коляске и лицо его наливалось кровью. «Скорая» примчалась почти мгновенно, врач с больным уехали, но потом машина, равно как водитель и все ее пассажиры, бесследно исчезла. Однако пропала не только машина. Как только самолет был заправлен, оказавшийся среди захватчиков летчик потребовал освободить взлетную полосу и самолет взмыл в небо. Пакистанские радары потеряли его через несколько минут. Вся эта история долгое время оставалась загадкой, собственно, об истинных целях угона самолета так досконально никто, кроме непосредственных участников этой хитроумной операции, и не узнал.

Готовя операцию, разведчик предусмотрел все без исключения – среди террористов был пилот, все документы, включая медицинские, не вызвали ни малейших сомнений. Сам Закир довольно искусно сыграл роль врача, карету «скорой» захватили боевики «Аль-Кайды», они же доставили в нужную клинику «старца-астматика», под которого был замаскирован неузнаваемый в этом обличьи Усама Бин Ладен. В заранее подготовленной операционной шейха уже ждали врачи. Через шесть часов двери операционной распахнулись, обессиленные хирурги вывалились гурьбой. Они сделали все, что могли, но тщетными оказались их усилия – больной скончался.

Похороны были скромными и тихими, на них собралось не больше десяти человек. Стоя у могилы, Закир думал не о том исчадии ада, которого сейчас предадут земле, а вспоминал Кямала – Николая Николаева, его горькую трагическую судьбу. И что именно Коля сумел сделать то, чего не удалось никому другому. Он пронес в лагерь Усамы яд, который через Инженера передал ему Закир и, самое главное, использовал этот яд по назначению. Он знал, что вряд ли выберется из лагеря живым и потому заранее подготовил пояс шахида, уничтожив вместе с собой не только целую группу отборнейших боевиков Усамы, но и все улики, которые могли бы вывести контрразведку Бин Ладена на след Закира.

Когда покинули кладбище, Шамс-ад-Дин, поотстав от других, взял под руку муллу и внушительно произнес: «Бин Ладен жив», и, заметив недоуменный взгляд, повторил: Бин Ладен жив, Не важно, кого мы сейчас похоронили. Во главе «Аль-Кайды» по-прежнему стоит шейх Усама Бин Ладен, а кто он на самом деле, никому знать не положено. Я думаю, нам сейчас не следует возвращаться в Афганистан. У меня есть дела в Судане, а вам, наверное, удобнее будет переждать какое-то время здесь, где у вас много друзей и найдутся надежные покровители. Да и мне, вернувшись, легче будет вас найти...»

Х Х

Х

– И все-таки ты рисковал, – упрекнул Волка Марк, когда они встретились. – А сели бы Усама остался жив?

– После этого яда еще ни выживал никто. Даже если предположить, что врачи успешно провели операцию, то это бы отсрочило его смерть максимум еще на месяц.

– И все же нас интересует в первую очередь твое мнение. Кто умер в больнице – Усама Бин Ладен настоящий или очередной двойник?

– Полагаю, что все-таки настоящий. Дело в том, что последние дни Усама находился к комнате, куда кроме врачей, доступ был разрешен только Шамс-ад-Дину, он даже еду ему сам подавал. Я же был всецело занят подготовкой угона «Боинга» и Усаму увидел уже в самолете, загримированного. Я думаю, надо ждать решения высшего руководства «Аль-Кайды», по моим данным они сами должны решить, сохранять ли им бренд под названием «Усама Бин Ладен», или пора его менять. Ну, а что делать мне? Может быть, пора возвращаться?

– По поводу возвращения говорить еще рано. Вот отдохнуть бы тебе не мешало. Но, честно говоря, у нас другие планы. Нам было бы очень желательно, чтобы ты попал в тюрьму Гуантаномо, посомтрел на все происходящее там своим взглядом и попытался познакомиться, а еще лучше войти в доверие, как ты это умеешь, к шейху Йохийя ибн Халиду. Впрочем, руководство, надеюсь, не будет возражать, если пе-

ред этой операцией, ты позволишь себе небольшую – на месяц-два передышку.

Через два месяца Закир возвращался в Карачи. Отдохнувший и посвежевший, он тем ни менее уже составил подробный план проникновения в тюрьму Гуантанамо. Но тут в Пакистане произошли события, которые всколыхнули весь мир. В многочисленных и достаточно пространственных официальных заявлениях было сказано, что в ночь с 1 на 2 мая 2011 года в результате спецоперации американских морпехов в пакистанском городе Абботтабад, во время штурма жилого дома, был застрелен Усама Бин Ладен. Администрация США сделала официальное заявление о проведении анализа ДНК и других совершенных методов опознания, подтвердивших смерть именно лидера «Аль-Кайды», террориста номер один, как долгие годы называли этого человека. Подробностей, как именно проводились эти исследования, не сообщалось, а самого Бин Ладена американцы погребли в море, дабы не превращать его могилу в место будущего паломничества. Слухи по этому поводу распространялись самые противоречивые. Кто-то с пеной у рта доказывал, что Усама здесь и в помине не было, кто-то, напротив, утверждал, что чуть ли не собственными глазами видел, как тело застреленного шейха выносили из дому. Однако, 6 мая «Аль Кайда» официально признала смерть Бин Ладена, пригрозив жестоко отомстить за убийство своего лидера.

ЭПИЛОГ

Уснуть было просто необходимо, чтобы набраться сил, а сон все не шел. Завтра состоится его встреча с Иорданцем. Пароль, полученный в тюрьме Гуантаномо от шейха Йохийя ибн Халида, сработал. Что он знал об Иорданце. После смерти Бин Ладена – настоящего или мнимого – террористы провозгласили Абу Махди аз-Зархави – Иорданца новым лидером «Аль-Кайды». Американцы, не придумывая ничего особо нового, называют его «врагом номер один», а падкие до громких прозвищ журналисты присвоили Иорданцу громкое звание «маршал мирового джихада». Сегодня нет на земле такого крупного теракта, в котором бы не был замешан Абу-Махди и «цена» за его голову взлетела до 25 миллионов долларов. Когда-то столько же сулили и за голову Бин Ладена. Иорданец дошел до такого кощунства, что устроил целую серию смертоносных терактов у себя на родине и даже вся родня отреклась от него, что у мусульман случается крайне редко. Вот именно с этим человеком предстояло завтра встретиться мулле Закиру Бин Нурлану.

После операции американских морских пехотинцев в Абботтабаде, Закир долго ломал голову над тем, что же произошло на самом-то деле. Он почти не сомневался, что в Карачи, на операционном столе умер настоящий Бин Ладен. Но американцы ссылаются на неопровержимые выводы ДНК и других анализов по идентификации личности, хотя и без каких-либо подробностей. Самих актов заключения так никто

и не видел. Что ж, надо отдать должное Шамс-ад-Дину свой клубок с двойниками Усамы он заплел настолько затейливо и плотно, что теперь не было ни малейшей возможности ухватиться даже за кончик веревочки этого хитросплетения.

Суть в ином. Признав Иорданца главой «Аль-Кайды», террористы сами отказались от «бренда», который назывался шейхом Усамой Бин Ладеном. «Король умер. Да здравствует король!», подумалось Закиру. Да и на самом деле, есть ли разница в том, каким именем называют короля, когда злобное «королевство» под названием «Аль Кайда» все еще существует и опасность его ничуть не стала меньше от того, что трон, вместо прежнего, занял другой злодей, более молодой и, вполне вероятно, еще более жестокий. Ну, а раз так, то его, разведчика, война не закончена. И завтра, уже не образно, а буквально, ему снова – в бой. Каким будет это сражение, долгим, или закончится для него мгновенно, этого он не знал. Как не может знать исхода предстоящего боя ни один солдат.